

СТРАННАЯ ВОЙНА

КАК ЗАПАДНЫЕ
СОЮЗНИКИ
ПРЕДАЛИ
ПОЛЬШУ

1939

Д Ж О Н К И М Х И

Annotation

В своем исследовании английский историк-публицист Джон Кимхи разоблачает общепринятый тезис о том, что осенью 1939 года Британия и Франция не были в состоянии дать вооруженный отпор фашистской агрессии. Кимхи скрупулезно анализирует документальные материалы и убедительно доказывает нежелание британских и французских правящих кругов выполнить свои обязательства в отношении стран, которым угрожала фашистская Германия. Изучив соответствующие документы об англо-французских «гарантиях» Польше, автор наглядно продемонстрировал, как повели себя правительства этих стран, когда дело дошло до выполнения данных ими обещаний. Историк подчеркивает, что именно двурушничество Запада по отношению к Польше позволило Гитлеру извлечь максимальную выгоду из проводимой им политики умиротворения.

В книге приведены сенсационные факты, подтвержденные подлинными документами.

-
- [Джон Кимхи](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

Джон Кимхи
Странная война 1939 года. Как
западные союзники предали
Польшу

* * *

Введение

Безмолвные историки

Среди оставшихся в живых английских и немецких генералов бытует мнение, что немцы проиграли Вторую мировую войну, поскольку посвятили себя определенным решающим сражениям, из которых следовало выйти.

Между тем основная идея данной книги заключается в том, что в ходе войны на всех театрах военных действий самым дорогостоящим и решающим из всех было сражение, в котором не участвовали ни Англия, ни Франция, – несостоявшаяся битва первых трех недель сентября 1939 года.

Она стоила больше человеческих жизней, чем все другие битвы, вместе взятые, – по меньшей мере двадцать миллионов. Эту несостоявшуюся битву фактически игнорировали военные историки, не упоминали политики и оправдывали генералы. Многие существенные факты были, очевидно, изъяты из официальных историй и правительственных архивов союзников; некоторые сведения намеренно фальсифицировались до их представления кабинетам, занятым принятием решений летом 1939 года.

Основные факты несостоявшегося сражения были следующими: в течение второй недели сентября 1939 года, когда война в Польше еще не была завершена, немецкие войска на недостроенной линии Зигфрида Западного фронта насчитывали восемь недоукомплектованных кадровых дивизий и двадцать пять территориальных, резервных и дивизий местной обороны. Таким образом, всего там было тридцать три в основном плохо обученных и слабо вооруженных

подразделения, которые можно было назвать разве что сборными силами местной обороны.

У французов, когда они завершили мобилизацию, на западе было восемьдесят пять дивизий. (Здесь существуют некоторые расхождения во мнениях и подсчетах, но даже наименьшая из приводимых цифр – семьдесят две дивизии на западе.)

Более того, значительную часть немецких войск составляли новобранцы, многие из которых ни разу не стреляли боевыми патронами, а их общие запасы боеприпасов были рассчитаны всего на три дня войны. Линия Зигфрида не была достроена и частично не годилась для активной обороны. Донесения немецкой разведки и те, что готовил шеф немецкой разведки на Западном фронте генерал Лисс, показывают, что на западе Германия была опасно незащищенной. Генерал Вестфаль, в то время офицер штаба дивизии на линии Зигфрида, был убежден, что, если бы союзники атаковали в начале сентября, они достигли бы Рейна без особых проблем и, возможно, форсировали бы его без серьезного сопротивления. Однако нет никаких свидетельств того, что возможность такой атаки обсуждалась в английском или французском Генеральных штабах или в правительствах этих стран.

Оба правительства винили в своем бездействии пацифистские настроения общества и нежелание солдат английской и французской армий воевать. Настоящая книга покажет, что это неправда; наоборот, в этих странах оказывалось большое давление на политических руководителей и военных командиров, чтобы вступить в решающее сражение, но политические и военные лидеры не верили в него (или в себя?).

Собранные мной материалы, по моему глубокому убеждению, показывают необходимость фундаментального пересмотра существующих техник и практик прохождения донесений по дипломатическим и

разведывательным каналам. В особенности вызывает сомнение ценность дипломатических миссий, которые считались адекватными каналами информации соответствующих правительств.

Возможно, передача точной информации стала слишком сложной политически, чтобы оставлять ее в ведении дипломатов и других несекретных агентов. Страна, которая найдет в себе смелость первой порвать с устаревшими шаблонами дипломатии и шпионажа, не только получит значительные непосредственные преимущества и сэкономит огромные деньги. Она также проложит путь к новому пониманию международных отношений, без которого народы продолжают без необходимости бояться и подозревать друг друга и при случае могут не распознать подлинную опасность, угрожающую им.

Глава 1

Три легенды

Неделя, начавшаяся 7 марта 1939 года и завершившаяся развязкой 15 марта, должна считаться одной из самых странных и разоблачающих в современной истории. Она описывалась с большим количеством подробностей и оправданий, чем любой другой аналогичный период; и все же, когда мы вновь возвращаемся по, казалось бы, знакомой дороге, располагая дополнительными преимуществами в виде официальных, личных и лишь недавно рассекреченных документов, мы неожиданно сталкиваемся с одним абсолютно неопровержимым фактом: современная картина той судьбоносной недели марта нарисована людьми, находившимися в полном неведении относительно ее истинного характера.

Дипломатические службы и разведки англичан и немцев, французов и русских, поляков и швейцарцев не сумели обеспечить подробную, конкретную и, главное, точную информацию, на которой их правительства должны были основывать свои решения и действия. Если открытие архивов тех лет, которые непосредственно предшествовали войне, что-нибудь и показало, то лишь полный провал как дипломатической, так и разведывательной службы в вопросах сбора и передачи информации.

Именно провал этих служб в конечном счете сделал возможной последнюю великую войну – ведь без точной и детальной информации невозможно эффективное предотвращение войны.

Существует другая, и, возможно, даже более опасная, сторона неспособности обеспечить надежную информацию: ее место, как мы увидим, заняли страх –

взаимный страх – и преувеличение. Это были основные черты кризиса, который предшествовал началу войны в 1939 году. И все же точная и достоверная информация, как никогда раньше в истории, могла быть доступной для дипломатов и секретных служб тех стран, которых это непосредственно касалось. Она была где-то там, в каналах связи, и нам придется спросить себя, как получилось, что она не дошла до места назначения?

Таким образом, мы пытаемся найти нечто еще более важное, чем ответы на два первоначальных вопроса: было бы возможно военное поражение гитлеровской Германии в первые недели войны в сентябре 1939 года и если да, что этому помешало?

Однако, прежде чем вернуться к решающей мартовской неделе, представляется весьма полезным рассмотреть любопытный комплекс страха, поразивший британское и французское правительство – и поддерживавшие их круги – во время мюнхенского кризиса. Он не был, как мы теперь знаем, определяющим элементом мюнхенского урегулирования, однако дает поучительный пример того, как формировалось правительственное мнение и решения.

Три письма от Тома Джонса, этого «серого кардинала» правительства Чемберлена и газеты «Таймс», сердца газеты «Обсервер» и кливденской клики Асторов, проливают больше света на настроения тех дней, чем том избранных документов.

23 сентября 1938 года Джонс написал своему близкому другу Абрахаму Флекснеру, директору института перспективных исследований Принстонского университета, что англичане не видели возможности войны, так как французские министры «умоляли наших любой ценой ее избежать. Они могли поднять в воздух только 700 самолетов!». Более того, британские министры, ответственные за противовоздушную оборону

страны, сэр Сэмюэль Хор и Кингсли Вуд, «знали, что Лондон беззащитен перед Германией». Джонс также добавил, что в Лондоне никто не может сказать с уверенностью, на что готовы пойти русские. В конце письма он сделал вывод, что повсюду царит подавленное настроение и стыд и здесь хотели бы знать, могут ли они еще что-то спасти от разгрома.

Спустя два дня, накануне Мюнхенской конференции, Джонс опять написал Флекснеру, что за всеми разговорами и газетными публикациями, за всеми тревогами и отступлениями «стоит страх в сердцах министров в Лондоне и Париже». Небольшой по масштабам опыт испанских событий оказался достаточным, чтобы они стали опасаться за судьбу населения своих больших городов. Джонс отметил, что лорд Брэнд показал ему написанное неделей раньше письмо Линдберга, в котором «тот утверждает, что воздушная мощь Германии больше всех европейских стран, вместе взятых, и что ни мы, ни Франция не смогли бы помешать ей сравнять великие столицы с землей».

Еще четырьмя днями позже, 29 сентября, в день Мюнхена, Том Джонс вновь возвращается к этому предмету в третьем и более разоблачительном письме своему близкому другу. Он лично беседовал с Линдбергом, и этот разговор произвел на Джонса неизгладимое впечатление. «После моего разговора с Линдбергом в понедельник, – пишет он, – я присоединился к тем, кто добивается мира любой ценой, пусть даже унижений, ввиду нарисованной Линдбергом картины нашей относительной неготовности к войне в воздухе и на суше, а также его убеждения, что демократии будут уничтожены полностью и окончательно».

Далее он описывает, как Артур Солтер, один из руководителей либеральной партии и видный деятель Лиги Наций, пришел к выводу, что чехам следует

сказать прямо: никакие возможные меры Англии не спасут их от уничтожения. Джонс также рассказывает, как изложил все, что узнал от авторитетных людей, Стэнли Болдуину, и внушил ему, что он «своим сегодняшним обращением к палате лордов, как первоначально было запланировано, мог бы спасти страну от войны». Болдуин стоял «за мир любой ценой». Затем Джонс позаимствовал одну из машин Асторов и послал Линдберга встретиться с Ллойд Джорджем в Черте, «чтобы тот мог из первых рук узнать мнение авиационного эксперта о наших шансах».

Для полноты картины Джонс написал четвертое письмо леди Григг, изложив в нем информацию, которой руководство вооруженных сил снабдило премьер-министра, как основу его позиции на мюнхенских переговорах. Военно-морской флот будет готов к войне через год; армия и военно-воздушные силы – к концу 1941 года. В отношении французов Джонс высказывал мнение, что «если бы был созван французский парламент, то не более десяти сенаторов проголосовали бы за войну. Если бы правительство покинуло Париж с началом бомбардировок, велики шансы на то, что в Париже было бы создано временное коммунистическое правительство. Французский крестьянин готов сражаться в обороне, но не наступать на линию Зигфрида».

Это были вовсе не единичные или экстремистские взгляды. Их разделяли штабисты военно-воздушных сил. Они были склонны поддержать мрачные пророчества Линдберга и политические выводы, которые на их основе сделало правительство Чемберлена. Шолто Дуглас, бывший в то время помощником начальника штаба ВВС, в мемуарах вспоминает свое отношение и реакцию своих коллег по службе. Они не могли понять «тех, кто хотел, чтобы мы пошли на риск войны с Германией во времена Мюнхена». Суровые факты,

свидетельствовавшие о слабости военно-воздушных сил Великобритании, в сравнении с люфтваффе, вызывали у него «чувство постоянно усиливавшейся тревоги по мере продолжения политических переговоров в течение тех недель лета 1938 года». Он был убежден, что Англия и особенно Лондон «были открыты для ужасных и, возможно, гибельных ударов со стороны немецких военно-воздушных сил». Находясь в отчаянном настроении, он высказал свои взгляды Сирилу Ньюоллу, своему шефу, который разрешил ему изложить их перед штабом ВВС. Они легли в основу оценки, подготовленной для министра, сэра Кингсли Вуда, который в свою очередь передал документ кабинету. «Имея в виду эту важную информацию, Чемберлен должен был выбрать линию поведения для себя в мучительных переговорах, которые закончились в Мюнхене», – напоминает нам Шолто Дуглас.

Болдуин, Линдберг и штаб ВВС – это было тяжелое бремя, с которым Чемберлен ехал в Мюнхен. Они внушили ему то, что он и ожидал от них услышать: первую из легенд – более высокая подготовленность Германии к войне на суше и в воздухе.

Более того, кульминацией серии докладов, подготовленных британскими начальниками штабов для комитета имперской обороны, стал тезис о неготовности Англии к войне. Ее вооруженным силам и промышленности требуется больше времени для перевооружения, а французы не готовы вести наступательные операции против Германии ни на суше, ни в воздухе.

Французы также получили обращение Линдберга. Командующий военно-воздушными силами генерал Вюймен был ошеломлен информацией Линдберга. Он сообщил своему премьер-министру Даладье накануне его отъезда на конференцию в Мюнхен, что после первых дней войны Франция останется без военно-

воздушных сил. В Мюнхене представитель Геринга генерал Боденшатц отвел в сторону помощника французского военно-воздушного атташе Поля Стелена (который был также агентом *Deuxième Bureau*) и сказал ему, что военно-воздушные силы Германии готовы нанести молниеносный удар (ему нравилось это слово) по Чехословакии. У чешских границ сосредоточены две тысячи боевых самолетов. Они уже много недель готовятся к операции. Бомбы подвешены. Цели определены. Экипажи отработали каждую деталь операции. Немцы готовы принять и возместить до пятидесяти процентов потерь, но все поставленные цели будут уничтожены.

Стелен передал уверенность Боденшатца французской делегации и после мюнхенского соглашения отметил, что немецкой авиации не нужно было даже вступать в бой. Было достаточно простой угрозы, чтобы держать Европу в состоянии мучительного беспокойства, что, можно сказать, явилось решающим фактором в дипломатических победах Германии. Эта угроза позволяла Германии осуществлять захваты, не прибегая к войне. Немцы не без оснований были довольны люфтваффе, как инструментом своей политики.

В это время нацистских руководителей занимали совсем другие проблемы. Они не думали о бомбардировке Лондона или Парижа. Им надо было предотвратить катастрофу ближе к дому. Высшее руководство вооруженных сил разделилось, и часть его проявляла открытую нелояльность к Гитлеру. Одни планировали арест и свержение Гитлера, другие стремились получить гарантии, что Германия не окажется вовлеченной в войну ни с Францией, ни с Англией. Донесение об обстановке, данное начальником штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта генералом Йодлем на

Нюрнбергском процессе, следует сравнить с более ранней оценкой англичан и французов. 4 июня 1946 года адвокат Йодля доктор Экснер спросил своего подзащитного, верил ли он, что конфликт Германии с Чехословакией мог быть локализован.

Йодль ответил, что был убежден в этом. «Я не мог себе представить, – сказал он, – чтобы фюрер, учитывая положение, в котором мы находились, вступил в конфликт с Англией и Францией, который привел бы нас к немедленному краху».

Он обсудил этот вопрос с генералом Штюльпнагелем 8 сентября 1938 года, когда тот явился к Йодлю, обеспокоенный тем, что Гитлер может отойти от первоначально намеченной позиции и позволит себе втянуться в военные действия, несмотря на угрозу французской интервенции. Йодль разделял опасения Штюльпнагеля. Его беспокоила слабость немецкой позиции. «Не могло быть и речи, – заявил Йодль на процессе, – о том, чтобы удержаться против сотни французских дивизий, имея только пять боевых и семь резервных дивизий на западных оборонительных сооружениях, которые являли собой не что иное, как огромную строительную площадку. С военной точки зрения это было невозможно», – добавил он.

Эту точку зрения разделял Фабиан фон Шлабрендорф, один из основных оставшихся в живых участников попыток сместить Гитлера. Шлабрендорф был убежден, что нет никакого риска в бескомпромиссной позиции западных держав летом 1938 года. Оккупация немцами Австрии в марте 1938 года показала, утверждает он, что немецкая армия не была готова в то время вести большую войну, «особенно если такая война означала военные действия на нескольких фронтах». По мнению Шлабрендорфа, даже нападение на одну Чехословакию поставило бы немцев перед серьезными трудностями; у них все еще не было

необходимого вооружения и техники для прорыва чешских пограничных оборонительных сооружений.

«Если бы Англия и Франция вступили в войну в то время, когда немцы были заняты боевыми операциями против чехов, нет сомнения, что последовало бы очень быстрое поражение Германии». Шлабрендорф убежден, что ситуация была известна британской секретной службе, и он не может поверить, что Чемберлен и его правительство не были в свое время проинформированы об этом.

Генерал фон Манштейн, который не был связан с движением, желавшим избавиться от Гитлера, позднее подтвердил именно такое военное прочтение ситуации. На Нюрнбергском процессе (9 августа 1946 года) он заявил, что, если бы война началась в 1938 году, немцы не смогли бы успешно защитить ни «нашу западную, ни польскую границу». У него не было никаких сомнений, что, «если бы Чехословакия защищалась, мы были бы остановлены ее оборонительными сооружениями, так как не имели средств для их прорыва». Сам Гитлер, когда впоследствии ознакомился с системой обороны чехов, признал, что немецкие армии столкнулись бы с серьезной опасностью, и теперь он понял, почему его генералы настаивали на сдержанности. Однако, в отличие от своих генералов, Гитлер понимал менталитет своих главных противников в Лондоне и Париже.

Британский министр иностранных дел лорд Галифакс рассказывал своему другу, настоятелю Вестминстерского собора, что он никогда не читал «Майн кампф». Более того, он не делал тайны из своего намерения, став министром иностранных дел после отставки Идена в феврале 1938 года, сделать все возможное, «чтобы, не переходя границ чести, предотвратить войну», которую, по его убеждению, Англия в то время проиграла бы наверняка. В те месяцы между Мюнхеном и роковой неделей в марте Галифакс в

переписке со своими послами много рассуждал о последствиях отсутствия адекватной военной мощи для поддержания твердого курса для британской внешней политики. 1 ноября 1939 года он сказал своему послу в Париже Эрику Фиппсу, что «отныне мы должны считаться с германским превосходством в Центральной Европе». Это было точным отражением взглядов правительства непосредственно после Мюнхена. В глубине души они все еще верили, что мир возможен, и успокаивали себя – и страну – контролируруемыми мерами перевооружения.

Ключ к пониманию ситуации лежит в двойственном характере английского перевооружения. Его цель была строго оборонительной; перестраховкой на тот случай, если в будущем не оправдаются правительственные надежды на мирные намерения немецкой политики в отношении Англии. Ни до, ни после Мюнхена перевооружение не преследовало цели бросить вызов господствующему положению Германии в Центральной Европе – что бы ни случилось. Еще более существенным для нашего исследования является выяснение вопроса: произошли ли какие-либо значимые изменения в таком подходе после оккупации немцами Чехословакии.

Это снова возвращает нас к той мартовской неделе 1939 года, когда весь страх, неосведомленность, дезинформация и тревога о сохранении мира «любой ценой» завершились рядом вроде бы не связанных между собой событий, которые подготовили условия – вопреки предыдущим стремлениям к обратному – к конфронтации с Германией. В начале недели ни у кого из членов кабинета не было тревожных предчувствий. Военный министр Лесли Хор-Белиша вносил последние штрихи в подготовленную оценку состояния армии, которую он собирался представить парламенту в среду, 8 марта и в которой даже не упоминалось слово «Германия». Министр внутренних дел Сэмюэль Хор был

занят подготовкой речи перед своими избирателями на ежегодном собрании в Челси в пятницу, 10 марта. Он собирался сделать несколько ссылок на заметное улучшение в международных отношениях и по этому поводу советовался с премьер-министром. Чемберлен рекомендовал ему развенчать взгляд, что война неизбежна, и подчеркнуть большие возможности для сохранения мира.

Премьер-министр лично устроил конфиденциальный инструктаж для прессы в четверг, за день до того, как Сэмюэль Хор должен был произнести свою обнадеживающую речь в Челси. Чемберлен сказал корреспондентам, что в Европе наконец «наступает период спокойствия»^[1] и имеются хорошие перспективы скорого соглашения по разоружению. Хор в своем выступлении был более экстравагантен. Он рисовал картину встречи глав европейских государств, Сталина и Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье, которые совместно разработают основы «для новой золотой эры мира». В дополнение он осудил «паникеров», которые опасаются перспективы войны. Теперь очевидно, что ни Чемберлен, ни Хор не имели намерений ввести в заблуждение общественность; они сами верили в то, о чем говорили. Кабинет министров не предвидел никаких неприятностей^[2]. После этой весьма обнадеживающей пресс-конференции премьер-министр уехал на выходные на рыбалку. Министр иностранных дел отбыл на отдых в Оксфорд. Пресса восприняла намеки сведущих людей Уайтхолла. Газеты приветствовали новые веяния и видели в предстоящем визите в Германию президента совета по торговле Оливера Стэнли еще один шаг по пути урегулирования серьезных разногласий в Европе.

На самом деле постоянный заместитель министра иностранных дел сэр Александр Кадоган только что получил обнадеживающее личное письмо от британского посла в Берлине сэра Невила Гендерсона,

написанное 9 марта, вместе с совершенно секретным обзором англо-германских отношений. Гендерсон отметил в своем письме, что он все еще слышит «дикие рассказы об атаках в разных направлениях, но я, откровенно говоря, не верю ни одному слову. Пока мы будем спокойно заниматься подготовкой нашей обороны, все будет, по моему мнению, хорошо. Считаю, что немцы сами остро нуждаются в мире». После возвращения из Оксфорда министр иностранных дел сразу же ответил Гендерсону личным письмом. 13 марта он написал, что он тоже почувствовал «ослабление негатива»: утихли слухи и страхи; и у него не сложилось впечатления, что «правительство Германии планирует причинение вреда в каком-либо конкретном месте». Однако в конце он мимоходом выразил надежду, что немцы в момент написания этого письма «не проявляют нездоровый интерес к словацкой ситуации».

Это был до странности безмятежный ответ, если учесть, что в субботу 11 марта, двумя днями ранее, уже после того, как пресса сообщила об обнадеживающем повороте событий, и наутро после оптимистичной речи Хора в Челси, старший офицер разведки при министерстве иностранных дел принес сэру Александру Кадогану тревожную информацию. Он сообщил, что из надежных разведывательных источников ему стало известно о планируемой немцами оккупации Чехословакии «в ближайшие 24 часа». Сэр Кадоган выслушал информацию, но, судя по всему, не был ни убежден, ни потрясен неминуемостью угрозы. Он переговорил с министром иностранных дел, очевидно передав ему свои сомнения, так как Галифакс решил ничего не предпринимать и продолжал отдыхать. Чемберлен также был поставлен в известность, и также он решил не позволить столь неправдоподобной новости помешать его рыбалке. Нет никаких свидетельств тревоги ни у начальника имперского Генерального

штаба, ни у французов. Когда 15 марта немцы оккупировали Прагу, все они были удивлены. Ничего подобного они не ожидали. Механизмы дипломатической и разведывательной связи каким-то образом не сработали. Надо сказать, что не было нехватки в разговорах и предостережениях, однако они или не достигли ушей нужных людей, или им никто не поверил.

Здесь снова – как и позже – следует четко установить источник ошибки. Информация достигла министерства иностранных дел. Французы тоже были проинформированы. Это нам известно из дневника Кадогана. Почему же информация не была проверена; почему не были приняты меры предосторожности; почему ни Чемберлен, ни Галифакс не придали ей должного значения? В конце концов, после Мюнхена прошло шесть месяцев. Напрашивается вывод, что не только Чемберлен и Галифакс, но и весь кабинет и большинство руководителей вооруженных сил не хотели верить информации относительно угрозы уничтожения Чехословакии и нарушения мюнхенского соглашения. Имеющиеся материалы не позволяют сделать иной вывод, и в значительной степени это относится и к положению во Франции. Французы, пожалуй, получили более точную информацию от своего посольства в Берлине. Они никак не могут утверждать, что не знали о намерениях Гитлера. И все же, как и их британские коллеги, они отказались верить.

Это было отражено в передовице газеты «Таймс» через сорок восемь часов после того, как секретная служба предупредила сэра Александра Кадогана в министерстве иностранных дел о том, что немцы собираются в поход. «Если что и отличает этот год от предыдущего, – писала „Таймс“ утром в понедельник, 13 марта, – то лишь знание, что Германия выполнила свои требования к соседям, которые, по их собственному

признанию, не могли их сознательно оспаривать, и все же не смогли удовлетворить, когда путь к мирному урегулированию еще оставался открытым».

Мюнхенское решение считалось трагичным, но справедливым. Не было никаких оправданий для начала войны против Германии. Такова была основа готовности правительства пойти на переговоры. «В сентябре начало войны уже не сдерживали ни недостаток военных ресурсов, ни недостойное нежелание со стороны правительства», – объясняла «Таймс». Это, утверждала газета, было абсолютно неправильно, но было также неверно предполагать, дома или за границей, что быстрый прогресс в перевооружении привел к изменению британских целей. Периодически проявлялась готовность к переговорам, и газета призывала британское правительство к «более широкой формулировке» своей политики мира, которая послужила бы основой сплочения всех людей доброй воли.

Газета «Таймс» не была одинока в своем оптимистическом подходе к мартовским идам. Британский посол возвратился в Берлин в середине февраля после «серьезной болезни», в подлинности которой ему стоило большого труда убедить Риббентропа. Он хотел, чтобы немцы поверили, что его болезнь вовсе не была дипломатическим приемом выражения Британией своего отвращения к еврейскому погрому в ноябре прошлого года. Немцы приветствовали возвращение посла и всячески подчеркивали это. А посол, в свою очередь, сообщил в Лондон о твердых симптомах мирных намерений в высших правительственных кругах, миролюбивых оттенках в речах Гитлера и добавил свои личные заверения, что немцы не предпримут никаких поспешных авантур, хотя Мемель и Данциг придется возвратить рейху. Судя по

всему, не было чрезмерной озабоченности будущим Чехословакии^[3].

Насколько далеки от реальности были подобные предположения, можно судить по серии приказов, изданных имперской канцелярией в течение нескольких недель после мирного урегулирования в Мюнхене. Первым из них явилась «Временная директива», изданная Гитлером 21 октября 1938 года. Она предписывала вооруженным силам и экономическим министерствам впредь «в любое время» быть готовыми ликвидировать остатки Чехословакии и оккупировать Мемель. Они должны также быть готовы ко всем случайностям, возникающим в связи с обороной границ и защитой от неожиданного воздушного нападения. Но центральной темой оставалась Чехословакия. «Мы должны быть готовы в любое время разгромить остатки Чехословакии, если ее политика станет враждебной по отношению к Германии... Целью является быстрая оккупация Богемии и Моравии».

Четырьмя неделями позже, 24 ноября 1938 года, Гитлер издал свое «первое дополнение» к директиве от 21 октября. Оно было подписано Кейтелем: фюрер приказал, кроме обстоятельств, упомянутых в директиве, «осуществить необходимые приготовления для внезапного занятия свободного города Данциг». Через три недели Гитлер добавил еще одно указание к директиве. Подготовка к ликвидации Чехословакии должна продолжаться, но только «исходя из предпосылки, что не ожидается сколь бы то ни было серьезного сопротивления».

Наконец, 13 марта, в день, когда газета «Таймс» опубликовала успокаивающую редакционную статью, Риббентроп послал предупреждение немецкому посольству в Праге о необходимости быть наготове и принять меры, чтобы все сотрудники посольства

оказались недоступны, если чехословацкое правительство захочет с кем-либо связаться.

Из Будапешта регент Венгерского королевства адмирал Хорти в тот же день телеграммой «сердечно поблагодарил» Гитлера. Он проинформировал фюрера, что все необходимые распоряжения сделаны. «В четверг, 16 марта, произойдет пограничный инцидент, за которым в субботу последует главный удар». Хорти закончил свое сообщение новыми благодарностями и заверениями в своей «непоколебимой дружбе и признательности». В тот же день Гитлер в продолжительном разговоре по телефону со словацким премьером Тисо потребовал, чтобы тот объявил о независимости Словакии, тем самым ускорив чешский кризис.

Быстрое нарастание кризиса отражалось в течение всего конца недели в материалах прессы и радио Германии, Польши и Чехословакии^[4]. Немецкие, словацкие, чешские и венгерские войска пришли в движение. Одна словацкая миссия прибыла в Варшаву, другая – в Будапешт; правительства распускались и назначались. В этой суматохе в Берлин прибыл верховный комиссар Лиги Наций, очень проницательный швейцарский профессор Буркхардт. В воскресенье, 12 марта, он навел своего старого друга, главу немецкого министерства иностранных дел Эрнста фон Вайцзеккера, который сообщил ему, что завершены последние приготовления для оккупации Праги. На следующий день они снова встретились, и Вайцзеккер довольно подробно обсудил возможные последствия планируемой оккупации Чехословакии для Польши, Данцига и Мемеля. Буркхардт немедленно доложил о содержании этих бесед своему шефу в Женеве, политическому директору секретариата Лиги Фрэнку Уолтерсу.

Через два дня Буркхардт выслушал подробный рассказ о дальнейших намерениях Гитлера в Чехословакии, Данциге и Мемеле, нацистского президента данцигского сената Артура Грейзера. Буркхардт еще раз доложил об этом Уолтерсу, а тот в свою очередь проинформировал министерство иностранных дел в Лондоне.

Необычной чертой в ходе событий этой недели было то, что немцы почти ничего не предпринимали для сохранения их в тайне. Значительная часть информации о передвижениях войск, сообщения об удивительно неосторожных разговорах высокопоставленных чиновников, явные свидетельства уже знакомого ритма вторжения – все это было обязано дойти до британских и французских секретных служб, министерств иностранных дел этих стран и посольств в Берлине и Праге, не говоря уже о говорливом дипломатическом мире Варшавы и Будапешта. Тем не менее – и это представляется необъяснимым – британское правительство было шокировано и застигнуто врасплох. Муссолини, разумеется, тоже. Однако общепринятое мнение некоторых наших наиболее выдающихся современных историков, будто Гитлер сам был поражен неожиданным поворотом событий и приказал оккупировать Чехословакию, так сказать, под влиянием момента, не подкрепляется убедительными фактами. Свидетельства показывают, что мартовский кризис был заранее тщательно продуман и подготовлен. Его не предвидели ни Чемберлен, ни его друзья. Его влияние на английского премьер-министра было, однако, не совсем таким, каким было воспринято общественностью. После всех этих событий между Чемберленом и Гитлером еще имело место некое общение, которое сильно заинтриговало и поставило в тупик Гитлера и осталось для него загадкой до конца его дней.

Но сначала мы должны задаться вопросом: как получилось, что огромный информационный аппарат, имевшийся у министерства иностранных дел, вооруженных сил и секретных служб, не сумел поднять тревогу ни во Франции, ни в Британии. Черчилль был этим обеспокоен и месяцем позже, 13 апреля, поднял этот вопрос в парламенте. «После 25-летнего опыта работы в условиях мира и войны, – сказал он, – моя вера в британскую разведку осталась непоколебимой». Она, по его убеждению, «была лучшей в мире среди себе подобных». Тем не менее в случае с захватом Богемии «министры короны, по-видимому, не имели ни малейшего подозрения или, во всяком случае, никакой уверенности в том, что надвигалось. Я не могу поверить, чтобы это было промахом британской секретной службы», – добавил Черчилль, создав у аудитории впечатление, что только ему было известно иное.

Выступая сразу после Пасхи, когда Муссолини вторгся и оккупировал Албанию, Черчилль поставил вопрос, на который нет ответа до сегодняшнего дня. «Как случилось, – удивлялся он, – что накануне богемского произвола министры позволяли себе эйфории и предсказывать „начало золотой эры“? Как случилось, что на прошлой неделе с такой тщательностью соблюдались все праздничные обряды, когда было очевидно приближение исключительных событий, последствия которых пока невозможно предвидеть?»

Действительно, как это случилось? И был ли Черчилль прав, освободив секретную службу от своего осуждения? Любопытной чертой в обоих случаях было то, что не только министры короны оставались в очевидном неведении относительно надвигавшихся критических событий, но в таком же положении оказались и члены имперского Генерального штаба и штабов всех родов войск, которых это непосредственно

касалось. Ни армия, ни адмиралтейство не предприняли предварительных мер на случай похода Гитлера на Прагу или итальянского вторжения в Албанию месяцем позже. Наоборот, британский средиземноморский флот был разбросан, а один из его главных кораблей стоял на якоре в порту Неаполя.

Между тем это еще не конец истории. Она едва только началась. Мы должны согласиться с Черчиллем, что секретная служба знала о намерениях Гитлера и планах Муссолини. Нам известно от сэра Александра Кадогана, что он получил от разведывательной службы предупреждение, от которого волосы встают дыбом, в субботу, 11 марта. Мы также знаем, что информация была сформулирована так, что не убедила ни Кадогана, ни его шефа, министра иностранных дел; она не изменила мнение и премьер-министра, считавшего, что все идет хорошо. А может быть, Чемберлен все время ожидал этих событий и был готов принять их, как необходимую заключительную главу мюнхенского соглашения? Его первая реакция подтверждает такое предположение. Его последующее негодование и поворот на 180 градусов необходимо рассматривать как итог двух независимых, непредвиденных и несвязанных событий.

Первым был спонтанный гнев британской публики по поводу действий Гитлера; он распространился в консервативной партии, в парламенте и даже в кабинете министров. Чемберлен видел и помнил, как эти неконтролируемые силы могли уничтожить политическую репутацию после соглашения Хора – Лавалля в 1935 году. На этот раз он не собирался допускать таких волн. И пока он обдумывал свой следующий шаг, от секретной службы и по надежным частным каналам поступила новая информация. Она должна была определить следующие действия.

Неожиданно сигналы тревоги стали поступать к Чемберлену со всех сторон. Румынский посол В. Тилеа пришел с информацией (которая, как выяснилось позднее, оказалась ложной), что немцы собираются предъявить его стране экономический ультиматум. Сообщения из Данцига и Мемеля говорили о подготовке немцами нападения. Однако самая впечатляющая информация поступила от секретной службы, ставшей намного настойчивее после недавних провалов. Секретные и полусекретные разведданные, представленные премьер-министру, должны были убедить его, что оккупация немцами Праги являлась только прелюдией к нападению на Польшу, которое может произойти в конце марта. Немецкая армия, доложили Чемберлену, может быть мобилизована за сорок восемь часов; нападение на Польшу возможно в любой момент.

Чемберлен, Галифакс, Кадоган и руководитель секретной службы обсуждали эти донесения, по мере приближения марта к концу они становились все тревожнее. Чемберлен больше не мог позволить себе их игнорировать, но теперь он должен был также учитывать и другой аспект ситуации, перед лицом которой его поставили американцы.

Чемберлен незадолго до этого получил от американского посла в Лондоне Джозефа Кеннеди оценку военно-воздушных сил европейских держав, подготовленную разведывательным подразделением американского Генерального штаба. Это был тревожный документ, по силе аналогичный тому, что был подготовлен Линдбергом во время мюнхенского кризиса. Только он, пожалуй, был еще более мрачным по смыслу. Германия, согласно оценке американской разведки, имела в пять раз больше бомбардировщиков, чем Британия, и в одиннадцать раз больше, чем Соединенные Штаты Америки. Немецкое превосходство

в истребителях было примерно таким же. Таким образом, в докладе указывалось, что Германия имела неоспоримое господство в воздухе.

Военные советники Чемберлена не доходили до таких крайностей, но их оценки вряд ли являлись более обнадеживающими. Все признавали, что ситуация трудная. Требовались безотлагательные меры, но они подразумевали риски, которые, по мнению премьер-министра, были слишком велики для безопасности своей страны. Он должен был занять твердую позицию и одновременно успокоить Гитлера. Именно в этот момент Чемберлен решил выработать свое собственное решение. Он успокоил шумные протесты общественности решительной речью о грубом нарушении Гитлером мюнхенского соглашения. Речь он произнес накануне своего семидесятилетия, 17 марта. А двумя днями позже он написал откровенное письмо своей сестре. Он объяснил ей, что пришел к пониманию невозможности иметь дело с Гитлером после его последних действий.

Поэтому Чемберлен разработал план, с которым он 19 марта ознакомил некоторых министров и который на следующий день вынес на обсуждение кабинета. «План довольно смелый и дерзкий, – отметил он, – но я чувствую, что нечто подобное в данный момент необходимо; и, хотя не могу предсказать реакцию Берлина, думаю, что эта идея не приведет нас к острому кризису, во всяком случае, не сразу». И затем Чемберлен добавляет важную мысль, что, как всегда, он хотел бы выиграть время: «Я никогда не соглашусь с мнением, что война неизбежна».

Он «хотел выиграть время», но для чего? Чемберлен не был убежден, что война неизбежна. Следовательно, ему нужно было время не для подготовки к войне; оно было ему нужно для европейского урегулирования, в котором главную роль играл бы он, Чемберлен, а не

Гитлер. Началось странное движение к этой цели. Комитет по внешней политике кабинета министров, где основное ядро составляли Чемберлен, Галифакс, Хор и Саймон, начал обсуждение предложенных Чемберленом гарантий Польше. Были сомнения и разногласия по многим пунктам, и особенно в отношении участия Советского Союза. Последствия оказались далекоидущими; на карту поставлен фундаментальный отход от практики британской внешней политики: выпускать ли из-под своего контроля окончательное решение по вопросу войны или мира. Критики и сомневающиеся вызвали раздражение Чемберлена. Согласно письму лорда Бивербрука Лидделу Гарту, Генеральный штаб высказался против гарантий Польше, так как Англия не располагала ресурсами для выполнения обязательств. Хор-Белиша запросил разрешение представить членам кабинета документ, в котором излагалось мнение Генерального штаба, но Чемберлен не дал на это согласия, так как это было бы равносильно критике его политики.

В разгар дебатов кабинета, 22 марта, Гитлер оккупировал территорию Мемеля. Несколько лет спустя Гитлер вспоминал, что, «когда я занял Мемель, Чемберлен информировал меня через третьих лиц, что он очень хорошо понимал необходимость осуществления такого шага, хотя публично одобрить его он не мог». А 23 марта, через день после того, как Гитлер ввел свои войска в Мемель, Муссолини получил личное письмо от Чемберлена, в котором тот просил помощи Муссолини в установлении взаимного доверия. Письмо убедило Муссолини, что демократии не имели желания воевать и поэтому не было никакого риска в осуществлении планов захвата Албании месяцем позже, в Страстную пятницу.

Именно на этих, кажущихся противоречивыми, действиях Чемберлена мы теперь должны

сосредоточить свое внимание. Он не был Макиавелли. И не был наделен необычайной ловкостью в дипломатии. Как тогда мы можем объяснить эти противоречивые черты, которыми характеризуются его действия в течение двух недель после оккупации Праги и которые должны были привести его к польским гарантиям?

Для того чтобы объяснить его действия в то время, нам следует принять во внимание обычные человеческие эмоции: гнев на Гитлера, озабоченность из-за неблагоприятного общественного мнения, недовольство в своей собственной партии, серьезное беспокойство относительно возможных дальнейших действий Гитлера и упрямое желание восстановить свой авторитет. Все они сыграли свою роль – зачастую значительную – в оформлении новых взглядов Чемберлена. Но ни одна из них не убедила его отказаться от своего золотого правила во время мартовских дискуссий. Он и в марте был так же настроен сохранить мир, как и раньше – в сентябре. Он был твердо убежден в том, что «при наличии времени» сумеет добиться разрешения польского кризиса путем переговоров. На это указывают его частные письма. Это подтверждают его инструкции своим советникам. Его отношение к делам в комитете по внешней политике кабинета демонстрирует это; а некоторые из его личных заявлений, достоверно зафиксированных, не оставляют никаких сомнений.

Войны, и особенно война 1939 года, чаще всего являются результатом скорее воображаемых или неправильно истолкованных, чем реально сложившихся ситуаций. В 1939 году фоторобот, составленный на основе информации дипломатических источников и секретных служб, лишь слабо напоминал реального преступника, но и этого было достаточно, чтобы запугать англичан и французов. Так, в период этих решающих недель марта 1939 года Чемберлен

отчетливо понимал намерение Гитлера захватить Польшу. Но информация была ложной. В ней говорилось о нависшей угрозе нападения – теперь, в любой день, – и, чтобы встретить эту непосредственную угрозу, Чемберлен поспешил со своими гарантиями Польше.

Разница во времени в разведданных, дошедшая до Чемберлена, привела его к совершению крупнейшей и решающей ошибки во всей войне – пусть даже война еще не началась. Горькая ирония заключалась в том, что целью гарантий Польше в начальной стадии было удержать Гитлера от нападения на Польшу «теперь, в любой день» – в апреле – и заставить его сделать паузу, сохранить мир, тем самым обеспечив необходимое время для урегулирования данцигского и польского вопросов^[5]. Гарантии не задумывались, как видно из документов, для мобилизации быстрой военной помощи полякам в случае нападения или скорейшего разгрома Гитлера, если он решится на войну.

Поскольку Гитлер не напал ни на Данциг, ни на Польшу в конце марта или начале апреля, как об этом предупреждали Чемберлена секретная служба и другие источники, он успокоился: гарантии Польше сработали; они сдержали Гитлера^[6]. Критики Чемберлена, а также, что более удивительно, его друзья были склонны не замечать мощное влияние, которое оказало на него развитие событий, подтвердившее точность его трактовки и правильность его политики. Много месяцев спустя, в середине июля 1939 года, когда кризис вновь обострился, Чемберлен все еще был убежден в возможности решения без войны. «Если бы диктаторы имели хоть чуточку терпения, – писал он своей сестре, – думаю, можно было бы найти путь к удовлетворению претензий Германии и в то же время обеспечить независимость Польши». И замечание, которое он сделал в беседе с американским послом Джозефом Кеннеди позже, когда уже началась война,

подчеркивало упорство Чемберлена в политике выигрыша времени для разрешения спора между Гитлером и поляками на основе переговоров. По свидетельству Кеннеди, ни англичане, ни французы не пошли бы на войну из-за Польши, если бы не постоянные подстрекательства из Вашингтона. Чемберлен сказал Кеннеди, что американцы и мировое еврейство толкнули его к войне.

Здесь мы опять сталкиваемся с любопытной амбивалентностью Чемберлена. В своих разговорах в кабинете министров и с лидерами лейбористской оппозиции он давал понять своим коллегам, что если Гитлер нападет на Польшу, то поляки сумеют продержаться достаточно долго, чтобы англичане и французы успели мобилизовать все силы и прийти им на помощь. «Польское правительство, конечно, понимало тактическую ограниченность любого британского вмешательства, и тем не менее оно приветствовало наши гарантии и верило, что это скорее удержит Гитлера, чем спровоцирует его». Между тем здесь ясно подразумевалось, как позднее утверждал Сэмюэль Хор, что сдерживающим средством польских гарантий была мировая война против Германии, а не непосредственная местная помощь полякам. Лидерам лейбористской оппозиции 30 марта вновь сообщили, что, по имеющимся у правительства сведениям, нападение Германии на Польшу неминуемо. А на следующий день Чемберлен сообщил парламенту условия гарантий Польше. Это была любопытно сформулированная декларация.

Новостное агентство Рейтер и газета «Таймс», имевшие особенно тесные связи с канцелярией премьер-министра, дали «трактовку» этих гарантий, которая могла исходить только с Даунинг-стрит. Английские гарантии подразумевали, как разъясняли эти два издания с оттенком безошибочной авторитетности, что поляки вступят в новые переговоры с немцами и займут

примиренческую позицию. «Только пойдя на уступки немцам, поляки могут получить наши гарантии». Уступки в Данциге и польский коридор, по мнению британцев, не представляли угрозы польской независимости.

Однако Гитлер не стал ждать, когда Чемберлен примет решение относительно поляков. Он получил довольно точную информацию о самокопаниях в британском кабинете. А 25 марта, когда британцы еще ничего не решили и были поглощены сообщениями о немецких планах немедленного вторжения в Польшу, фюрер вызвал своего главнокомандующего сухопутными войсками фон Браухича. Гитлер сказал ему, что пока не хочет решать польский вопрос. Но подготовка к решению должна быть начата. «Решение в ближайшем будущем должно быть осуществлено при особо благоприятных условиях. В этом случае Польша будет полностью разгромлена, и в последующие десятилетия не будет необходимости считаться с нею как с политическим фактором». Он заставит поляков принять его условия, если они не будут готовы к урегулированию путем переговоров к середине лета. Гитлер добавил, что подготовка должна вестись соответственно, хотя он предпочел бы не прибегать к силе при решении данцигской проблемы, так как он не хочет загнать поляков в объятия англичан.

Однако ни Гитлер, ни его главнокомандующий сухопутными войсками не надеялись на мирное решение. Уже спустя девять дней, 3 апреля был готов план «Вайс» – стратегический план военных действий против Польши. Это был набор инструкций командующим вермахта: им надлежало быть готовыми к ведению боевых операций против Польши «не позднее 1 сентября». Возможно, Гитлер, как и Чемберлен, предпочитал урегулирование, основанное на принятии Польшей его условий, не прибегая к войне. Однако в

противоположность Чемберлену Гитлер был уверен, что в конечном счете ему придется прибегнуть к силе, по меньшей мере против поляков.

Гитлер, как это видно из его расписания, не стал дожидаться польских гарантий Чемберлена и принял план нападения на Польшу раньше. Дело в том, что Гитлер, в отличие от большинства своих современников, мыслил долгосрочными категориями. Оккупация Австрии, Судетской области и Праги – все это шаги к заключительному решению вопроса с поляками. Они также служили и другим целям, однако, как разъяснил Йодль на Нюрнбергском процессе, после захвата всей Чехословакии создались стратегические предпосылки для нападения на Польшу. Остались только политические соображения.

Такова была обстановка, на фоне которой спустя шесть месяцев после мюнхенского соглашения должны были начаться англо-французские штабные переговоры, причем при поразительном отсутствии политического руководства от их правительств относительно политических целей. В итоге два штаба обсуждали три основных предположения, с которыми они и согласились:

- что англичане не были готовы к войне;

- что французы не могли вести военные действия;

- что немцы имели значительно превосходящую хорошо налаженную действующую военную машину, готовую работать и удерживаемую только нежеланием Гитлера начать войну.

Глава 2

Легенда о британской и англо-французской неподготовленности

В отличие от политиков профессиональные военные, включая моряков и летчиков, пользовались репутацией реалистов, которые принимали трезвые решения, не поддавались эмоциям и руководствовались только хладнокровной оценкой установленных фактов. Мюнхенское соглашение, как мы видели, дало им время перевести дух. И они воспользовались этим. Имперский Генеральный штаб максимально использовал передышку и приобретение чехословацкого военного потенциала^[7].

В феврале, спустя четыре месяца после принесения жертвы, начальники штабов представили кабинету обширный доклад, в котором давалась оценка обстановки после Мюнхена. В этом документе, по странности названном «Европейская оценка обстановки», руководство трех видов вооруженных сил поставило на первое место по стратегической важности оборону Египта и Суэцкого канала. Подробно рассматривалась Индия; обдумывалась отправка военноморских подкреплений на Дальний Восток. Возможность осложнений в Европе была сведена к заключению, что англо-французская стратегия должна быть направлена главным образом на «обеспечение целостности французской территории». Только, как именно это должно быть сделано, объяснялось лишь внушительно звучащими банальностями. В документе не чувствовалось особой срочности: как будто Мюнхен дал им всем все время мира. Не было ощущения, что время

истекает, что приоритетом у Гитлера является не Египет, а Прага, что целью Гитлера является не Суэцкий канал, а Европа.

До дела дошло только 27 марта, ровно через шесть месяцев после Мюнхена и через две недели после того, как Гитлер нарушил это соглашение, оккупировав Чехословакию. В этот день британский и французский штабы начали «обсуждение», чтобы выработать совместные планы исходя из новой обстановки^[8].

Двумя днями позже, 29 марта, в Лондоне состоялось заседание кабинета, на котором было решено, что в случае войны на континенте участие в ней Англии не будет ограничиваться действиями военно-морского флота и авиации. В будущем англичанам необходимо подготовиться для отправки войск на континент. Кабинет также принял решение удвоить численность территориальной армии и одобрил предложенные премьер-министром «гарантии» польскому государству, которые должны были быть обнародованы 31 марта.

Итак, в зале заседаний кабинета министров на Даунинг-стрит британское правительство раскрыло наконец свой защитный зонтик над поляками, а в это же самое время – на другой стороне улицы – на первом заседании французского и британского штабов «военные» советники правительства приступили к разработке конкретных мер.

Они начали с весьма сдержанного обмена информацией. Представитель британской армии объяснил малость и медлительность предлагаемого британского вклада, а француз только «в общих чертах» раскрыл сведения о численности своих вооруженных сил. Он ничего не сказал британцам относительно предлагаемого плана кампании. Британцы и не настаивали. Они считали, что не имеют на это прав.

Таким образом, военные раздумья о европейской ситуации, судя по всему, были вызваны вовсе не

тревогами, которые заставили Чемберлена и его правительство пойти на такой драматический шаг, идущий вразрез с традиционной британской внешней политикой, как гарантии независимости Польши. Мы видели, что основной причиной поспешности с декларацией был страх, что нападение на Польшу может произойти в любой момент. Однако, связав таким образом Британскую империю обещанием прийти на помощь полякам, ни Чемберлен, ни начальники штабов в Лондоне и Париже, кажется, вовсе не задумывались, каким образом на практике осуществить эти гарантии, окажись это необходимым. По общему мнению, однако, нам следует сделать вывод, что это было следствием не мошенничества или продуманной двойной игры Чемберлена, а его убеждения – роковое чувство! – что достаточно будет заявления об английских гарантиях, чтобы удержать Гитлера от осуществления запланированного им нападения.

Однако это не может служить оправданием для англо-французских штабистов^[9]. Они должны были обеспечить практическую реализацию этих гарантий, если, конечно, не получили строгих указаний от своих правительств не рассматривать никаких мер, которые могли бы принести облегчение полякам в случае нападения на них немцев. А свидетельств существования подобной правительственной директивы нет. Создается впечатление, что в нем не было нужды: делегации британского и французского штабов сбросили со счетов все гарантии Польше, как только о них было заявлено. Ни на каком этапе совместного планирования штабисты не допускали влияния этих гарантий на установившиеся взгляды относительно того, что англичане и французы будут противостоять, казалось бы, превосходящей мощи германского рейха и итальянского дуче.

«Мы встретимся с противниками, более подготовленными к войне в национальном масштабе, чем мы», – писали они своим правительствам в докладе, составленном в итоге первого совместного обсуждения. Немцы и итальянцы имеют превосходство в воздухе и в наземных силах, но уступают на море и в общей экономической мощи. Из этого представители двух штабов сделали вывод, что «в таких условиях мы должны быть готовы встретить крупное наступление против Франции или Англии или против той и другой страны одновременно». И чтобы отразить удар, они рекомендовали Британии и Франции сосредоточить все начальные усилия. «Наша главная стратегия будет оборонительной. В это общее правило было внесено только одно исключение: мы должны быть готовы использовать любую возможность добиться без чрезмерных издержек успеха против Италии, что могло бы умерить ее желание воевать».

Однако сам ход обсуждений между представителями двух штабов был, пожалуй, еще более показательным для взглядов того времени, чем сделанные ими суммарные выводы. Британская делегация информировала французов, что обязательство, взятое год назад, остается без изменений: первоначальный британский вклад в континентальные силы может составить не более двух регулярных дивизий. Кроме того, учитывая складывающуюся серьезную обстановку, Англия будет готова к отправке на континент еще двух дивизий только через одиннадцать месяцев. С другой стороны, те две бронетанковые дивизии, которые на начальных стадиях переговоров с французским правительством в 1938 году было обещано отправить «как можно скорее», будут готовы только еще через 18 месяцев, то есть не ранее сентября 1940 года.

Французы, разумеется, были «обеспокоены» столь малообещающими перспективами; а поляков оставили в

счастливым неведении. Французские штабисты объяснили, что первой целью Франции в войне с Германией будет оборона французской территории. «Когда это будет обеспечено, Франция намерена оставаться в обороне, продолжая экономическую блокаду Германии, пока не будут собраны достаточные силы для наступления».

Англо-французские штабные переговоры исходили из этих двух отправных положений. У них не было затруднений в достижении соглашения по вопросам широкой стратегической политики, которой должны были следовать союзники, и в оценке возможных немецких действий; все это нашло отражение в выводах, представленных двум правительствам.

Было бы бесполезно утверждать, что французы не были поражены тем, что услышали на этих лондонских переговорах относительно британской подготовки. Как и вся британская общественность, они находились под впечатлением грандиозной программы и заявлений, сделанных прессой и руководителями военных ведомств во время обсуждения в парламенте состояния вооруженных сил в начале марта. Все это создало впечатление массового и решительного движения вперед по осуществлению программы перевооружения – 19 дивизий для экспедиционных сил, огромные новые воздушные флоты для обеспечения господства в воздухе, ежедневные расходы по 250 000 фунтов на обновление военно-морских сил. На начальных этапах переговоров французы обратили внимание на разительный контраст между уверенными публичными заявлениями и малоутешительными данными о британском потенциале, которые им были представлены.

Британская делегация старалась смягчить тревогу французов по поводу очень уж незначительных усилий Британии на суше, подчеркивая ее потенциал на море и

в воздухе. «Великобритания в настоящее время прилагает больше усилий к расширению королевских военно-воздушных сил, чем ранее... Она на пути к созданию бомбардировочной авиации, сравнимой с немецкой», – говорили французам. Однако этот новый инструмент мог использоваться только с исключительной осторожностью. Британские и французские штабисты согласились, что союзники «не предпримут воздушных операций против любых целей, а только против чисто „военных“ объектов в самом узком смысле этого слова, то есть против целей, относящихся к ВМФ, ВВС и армии». Воздушные атаки будут ограничены теми, которые «не повлекут за собой жертв из числа гражданского населения».

Пока британские и французские штабные эксперты завершали свои первые дискуссии по этому продуманному документу, их коллеги из штаба вермахта вносили последние уточнения в план «Вайс». Он был готов для представления Гитлеру 3 апреля. Гитлер, как мы уже видели, к 25 марта 1939 года в целом решил, какой курс будет проводить, когда изложил свою точку зрения Браухичу, прежде чем дать ему указания о подготовке более подробной директивы. Он хотел держать англичан и французков в состоянии неопределенности, ввести их в заблуждение и парализовать заслуживающей доверия, но противоречивой информацией относительно намерений Германии; именно он, а не Чемберлен хотел с наибольшей пользой употребить плоды и выгоду, полученные в Мюнхене.

Соответственно он установил план для Браухича: никаких поспешных шагов, чтобы дать британцам, французами и поляками возможность идти на дальнейшие уступки. Он еще не готов к решению польской проблемы. Должно прийти время, чтобы начать подготовку к ее решению «при особенно благоприятных

условиях». Польша, по его замыслу, должна быть полностью разгромлена, чтобы она на многие десятилетия перестала существовать как политический фактор. Вопросы депортации польского населения и заселения территории страны Гитлер хотел оставить открытыми. Имея в виду эти общие указания, штаб вермахта приступил к работе – в то же самое время, когда представители французского и британского штабов встретились, чтобы рассмотреть ту же польскую проблему. Правда, судя по общему тону лондонских переговоров, этой проблеме едва ли уделялось существенное внимание.

Таким образом, примерно в то же самое время, когда англо-французские штабисты представили доклады своим правительствам^[10], начальник штаба вермахта генерал Кейтель закончил свою «Директиву вооруженным силам на 1939–1940 годы». Интересно сравнить эту директиву с предположениями, высказанными одновременно британскими и французским штабистами в отношении немецких планов нападения на Польшу. Чтобы не оставалось никаких сомнений относительно серьезности его намерений осуществить эти планы, Гитлер добавил приписку с указанием графика операции. В первой части длинной директивы повторялись общие указания, данные Гитлером Браухичу 25 марта; затем следовали военные выводы и конкретные задачи вооруженных сил. Отдельным разделом рассматривалась предполагаемая оккупация Данцига, что могло оказаться возможным независимо от плана «Вайс» в результате использования благоприятной политической ситуации.

Однако Гитлер хотел быть уверенным, что его инструкции будут поняты правильно; все же это было не гипотетическое штабное учение^[11], одна из многочисленных военных игр, которыми армейские штабы любят развлекаться и запутывать историков. Это

была директива реальной операции, отсюда и приписка с графиком. В конце директивы, как отметил Кейтель, имелись три специфических указания, которые добавил фюрер: подготовка должна быть проведена с таким расчетом, «чтобы осуществление операции было возможно в любое время начиная с 1 сентября 1939 года».

С этой целью командование вермахта должно разработать «точный график» для нападения на Польшу и скоординировать действия трех видов вооруженных сил. Все эти планы и детальные графики необходимо было подготовить и представить на рассмотрение Верховного командования вермахта к 1 мая 1939 года. Гитлер не играл в игры. Он дал руководству вермахта четыре недели на подготовку проектов всех разработок и назначил дату операции. В своих предположениях он был значительно ближе к цели, чем штабы Британии и Франции. Почему?

На этом этапе напрашивается один довольно-таки экстраординарный ответ. В это время Гитлер запретил ведение любой разведывательной деятельности против Британии; и он, по всей вероятности, в основном игнорировал горы разведывательных документов, которые собирались в Британии службой безопасности Гиммлера (СД) и министерством иностранных дел Риббентропа. Если бы из всех этих источников не поступило ни одного сообщения, Гитлер, вполне вероятно, обошелся бы и без них. Их отсутствие не повредило бы его знаниям о мышлении и планах Лондона. Судя по действиям Гитлера, у него было вполне ясное представление о британских планах и возможностях их осуществления, о нежелании лондонского правительства действовать в те решающие месяцы.

Мы не станем проявлять излишнюю доверчивость и приписывать оценку Гитлером обстановки

исключительно его политической и военной интуиции, которой он, несомненно, обладал. Отсюда следует, что у него были другие, более точные источники информации, чем «обычные каналы», к которым он относился с нескрываемым презрением. Возникает вопрос: не имел ли он своего собственного «Канариса» или «Гизевиуса», а возможно, кого-нибудь занимающего еще более удачное положение в английских правящих кругах, который постоянно информировал его о планах и намерениях англичан? Это – в свете действий и поступков Гитлера – неизбежный вывод. Ничем иным невозможно объяснить определенность и уверенность, с которой Гитлер оценивал действия правительства Чемберлена. Пока мы оставим эту мысль при себе.

Иное дело в Париже. Здесь немцы имели первоклассный разведывательный аппарат, который поставлял им информацию о французском правительстве и вооруженных силах Франции. Через него они получали немало данных и о британских планах и намерениях, ведь то, что англичане передавали французам, вскоре становилось известно немецкой разведке.

Это, однако, только одна сторона подготовительной битвы за исходные позиции. К счастью, англичане и французы имели среди своих атташе в Берлине способных и достаточно проницательных молодых сотрудников, которые не разделяли беззаботный подход к политике Германии, характерный для некоторых их начальников в посольствах или в министерствах. Британским военным атташе был Кеннет Стронг (впоследствии ставший руководителем английской военной разведки и возглавлявший ее вплоть до ухода в отставку в 1966 году), а французы имели в аппарате военно-воздушного атташе Поля Стелена (впоследствии ставшего начальником штаба ВВС Франции), который побывал в Берлине по специальному заданию Второго

бюро. Он сопровождал Даладые в Мюнхен и имел исключительные связи как в немецких кругах, так и в собственных правительственных кругах.

Именно Стелен впоследствии понял, что на протяжении всего мюнхенского кризиса и почти в течение года после него немцы реверсировали процесс разведки. Вместо того чтобы скрывать от англичан и французов военные секреты, они использовали любую возможность, чтобы предать их гласности и убедить союзников в реальности превосходства военных возможностей Германии, и особенно ее авиации. Вместо того чтобы скрывать информацию от военных атташе союзников, немцы снабжали их доверительной информацией, с тем чтобы ее получали правительства в Лондоне и Париже из своих собственных надежных источников. Мы уже видели, как помощник Геринга Боденшатц вмешался, чтобы внушить немецкую точку зрения Стелену, и какое впечатление это произвело на французов. Однако теперь, когда шли англо-французские штабные переговоры и проводилось предварительное зондирование в Москве относительно включения Советского Союза в кольцо, сдерживающее немецкую экспансию, «откровенность» немцев приобрела удивительный новый поворот.

Он стал очевиден после предыдущих переговоров Боденшатца со Стеленом, имевших место в конце января 1939 года, в относительно спокойный период между мюнхенским соглашением и оккупацией Праги. Генерал Боденшатц сообщил Стелену, что происходит полная реорганизация люфтваффе. Ее цель – утроить воздушную мощь Германии к 1941 году, хотя у Германии есть все необходимое, чтобы «осуществить это завтра», появившись такая необходимость. Боденшатц попросил Стелена дословно передать все сказанное им правительству в Париже. Германия хочет взаимопонимания с Францией. Германия питает к

французам глубокие симпатии. Посещение командующим французскими военно-воздушными силами генералом Вюйлеменом люфтваффе произвело значительно более благоприятное впечатление, чем состоявшийся до этого визит итальянских офицеров.

Фюрер, продолжил Боденшатц, испытывает огромное доверие к «президенту Даладье»; он считает личность главы иностранного правительства решающим фактором в военной оценке страны. Боденшатц добавил, что Гитлер не стал бы прибегать к политике запугивания в отношении Британии, если бы там у руля стоял «некто вроде Ллойд Джорджа, а не какой-то Чемберлен». Германии необходим мир для внутреннего развития. Гитлеру необходим мир для претворения в жизнь его масштабных строительных планов, и его время последующие поколения будут сравнивать с веком Перикла и Людовика XIV.

Боденшатц добавил, что Геринг останется естественным и признанным преемником. Геринг первым осудил ноябрьский еврейский погром и пытался убрать Геббельса из правящих кругов. Боденшатц заверил Стелена, что с оптимизмом смотрит в будущее.

Стелен передал информацию, как и просил Боденшатц. Мы не знаем, каково было личное мнение Стелена, но французский посол в Берлине Кулондр, правительство в Париже и союзник в Лондоне приняли заверения Боденшатца за чистую монету.

Спустя шесть недель, сразу после оккупации немцами Праги, Боденшатц снова встретился со Стеленом, на этот раз с совершенно иной конфиденциальной информацией. Можно подумать, что теперь на Западе эту информацию воспримут с большей настороженностью, учитывая прошлый опыт. Однако никаких признаков настороженности не было. Наоборот, информация, которую он теперь передал Стелену, «радостный и в болтливом настроении», вскоре

просочилась к участникам второго раунда англо-французских штабных переговоров в Лондоне и сыграла свою роль в англо-французской оценке складывающейся ситуации.

Теперь Боденшатц перенес акцент с «мира» на «оборону». Немцы, сказал он Стелену, будут придерживаться строго оборонительной стратегии на западе. «Сооружение Западного вала почти закончено», и любое наступление здесь можно отбить относительно слабыми силами. Это оставит немцев со 150 дивизиями, которые могут прорвать любую блокаду на востоке. Против западных держав немцы могли бы нанести удар военно-воздушными силами; причем «молниеносный» – Боденшатц употребил именно это слово – удар по Англии был бы решающим. С этой целью группа люфтваффе «Север» оснащалась самыми современными самолетами – «Юнкерс-88».

Ровно через месяц, 30 апреля, Боденшатц снова встретился со Стеленом и передал французской секретной службе поразительную информацию. В некотором роде это было дальнейшим развитием ранее определенной темы. Боденшатц сообщил: теперь Гитлер убежден, что союз Британии и Польши приведет их к вооруженному конфликту с Германией, Гитлер все время повторяет, что начнет войну «только тогда, когда у него на руках будут все козыри». Он решительно настроен устранить малейший риск длительной войны на два фронта. Поэтому остается только два пути: либо британцы и французы убедят поляков пойти на уступки, которых требует Германия, либо Германия должна добиться взаимопонимания с Советским Союзом. «По этому поводу уже идут переговоры, – сообщил Боденшатц. – Однажды вы услышите, что происходит на востоке». Три раздела Польши уже было; нет причин, чтобы не состоялся четвертый, добавил он в заключение.

Стелен доложил об этом французскому послу в Берлине. На Кулондра сообщение произвело глубокое впечатление, и он командировал Стелена с докладом и личными комментариями посла в Париж к министру иностранных дел. В течение шести дней Стелен ждал приема у Боннэ, но безрезультатно. Расстроенный, он вернулся в Берлин. Однако для нас важнее проследить, что произошло с докладом Стелена о его разговоре с Боденшатцем, и, главное, выяснить подлинные цели, которые преследовали немцы, передавая через Боденшатца эту информацию. Чего он, Геринг или Гитлер хотели достичь, устраивая преднамеренную утечку информации о переговорах с русскими, которые всерьез еще и не начинались? Чего надеялись добиться, идя на такой риск?

Чтобы найти ответ, необходимо на время покинуть мир воображения и притворства, в котором существовали военные, возможно, даже больше, чем гражданские, в апреле 1939 года. Реальностью были продолжавшиеся приготовления Гитлера к нападению на Польшу 1 сентября; реальностью были трудные, тягостные англо-французские штабные переговоры; реальностью было перевооружение и развертывание вооруженных сил в Европе. Нам необходимо более пристально рассмотреть эти вопросы, прежде чем снова вернуться к той любопытной информации, которую сообщил Боденшатц Стелену о переориентации Гитлера в отношении Советского Союза. «Утечка» Боденшатца, как мы увидим, была направлена на запуск цепи событий, которые парализовали бы любые англо-французские намерения принять эффективные меры в поддержку Польши. Для этого Лондону и Парижу и было дано предварительное уведомление о планируемом соглашении с Советским Союзом, которое на самом деле в то время было всего лишь намерением Гитлера. Однако это была весьма примечательная демонстрация

мастерства в военной дипломатии. «Утечка» сделала свое дело. Она усилила недоверие французов и британцев – особенно Чемберлена – к Советскому Союзу. Также был дан сигнал о замыслах Гитлера русским, которые вскоре узнали в Париже о беседах Боденшатца и Стелена.

К этому времени Гитлер уже полностью оценил своих противников в Париже и Лондоне. Теперь он начал провоцировать их, завлекать, искушать и запугивать. Он воспользовался результатами той «конфиденциальной» информации, которая «просочилась» в Лондон и Париж; его заверения и предупреждения передавались через нейтральные каналы, бывшие вне подозрений. Кроме того, он сам делал публичные заявления, особенно в защиту своей внешней политики, прозвучавшие 28 апреля в рейхстаге.

Одновременно Гитлер решил, что приближается благоприятный момент для нападения на Польшу. 11 апреля он издал собственные личные инструкции о завершении работ над планом «Вайс»; в оригинал были внесены новые уточнения плана нападения на Польшу, а в начале мая – дополнительные уточнения. В это время на другой стороне пролива, где в апреле вновь собрались англо-французские штабисты, причем их переговоры растянулись на май, союзники либо сами заходили, либо попадали в каждую ловушку, устроенную для них Гитлером. Они делали то, чего от них хотел Гитлер; оценивали ситуацию так, как хотел он. Все это не было неожиданностью. Англичане не были глупцами, не были ими и французы. Это были трезвые реалисты, а не романтики. Они не могли принимать желаемое за действительное, когда речь заходила о противодействии нацизму. И все же они совершили тяжелейшую из ошибок, введенные в заблуждение очевидной достоверностью переданной им информации. Опять-таки сработал повсеместный механизм дипломатических

депеш, разведывательных донесений и хорошо информированных частных источников, объединенных, чтобы нарисовать впечатляющую картину, которую, как хотели немцы, англичане и французы должны были принять как реальную, – и они это сделали.

Несомненно, что такая презентация обстановки во всей ее многогранности сделала возможными быструю победу Гитлера в 1939 году и новую победу в 1940 году. Именно в марте и апреле Гитлер осуществил нейтрализацию западных союзников и тем самым предотвратил их активное вмешательство в сентябре, когда оно могло оказаться роковым для дальнейших планов Гитлера и, возможно, для его режима.

А теперь проследим, как информация, запущенная в секретные каналы в Берлине, вышла из них в другом конце, в Лондоне, и как она повлияла на продолжавшиеся англо-французские штабные переговоры.

К концу апреля англичане значительно усовершенствовали обещанный вклад в материальном отношении, хотя отставали по срокам. На этих переговорах была предпринята попытка подвести предварительный баланс сил, развернутых союзниками и Германией. Англо-французские эксперты пришли к выводу, что у Франции есть 72 дивизии против немцев, а с еще четырьмя британскими дивизиями общая численность будет доведена до 76 дивизий; еще 12 французских дивизий разместятся по границе с Италией. По оценке англо-французских штабистов, против этих сил Германия будет в состоянии мобилизовать по меньшей мере 116 дивизий. Если предположение о подавляющем превосходстве Германии и не было излишне подчеркнуто, то оно было видно для всех.

Впечатление о немецком превосходстве подчеркивалось представлением оценочного баланса

сил в воздухе. Сообщалось, что у союзников и немцев имелись следующие силы:

	Германия	Союзники
Истребители	1000	856
Бомбардировщики	1900	824
Связь и разведка	800	954
Итого	3700	2634

Штабисты не считали, что Германия нападет на Францию, «пока не разделается с Польшей»; однако после этого Гитлер будет в состоянии бросить против союзников примерно 100 дивизий. Объединенный штаб не мог предвидеть, как скоро Гитлер освободится, чтобы напасть на них. Они постарались внушить своим правительствам отрезвляющее мнение, что к тому времени немцы будут иметь двойное преимущество: инициативу и превосходящие силы.

Однако никто не предлагал воспользоваться временной занятостью сил Германии в Польше; не было всесторонней оценки степени вовлечения этих сил; как не было и серьезного анализа возможности, что «превосходство» Германии может быть временно, но решающим образом уменьшено во время войны против Польши. Это упущение обнаруживается еще сильнее в ходе обсуждения роли англо-французских военно-воздушных сил, в марте на совещании объединенного штаба, а также на последующих совещаниях в апреле и мае.

Командование бомбардировочной авиации королевских ВВС немного раньше подготовило довольно конкретные, хотя и слишком оптимистичные, расчеты, как можно уничтожить 19 электростанций и 26 коксовых

заводов Рура путем осуществления трех тысяч самолето-вылетов в течение двух недель. А теперь, когда дело дошло до решающего момента, вмешался совершенно новый фактор. Начало сказываться сочетание информации Боденшатца и Линдберга. В королевских ВВС была дана оценка состояния военно-воздушной мощи Германии, которая не могла не произвести устрашающее и парализующее воздействие на правительства Франции и Британии – в точности так, как желал Гитлер. Расчеты штаба ВВС показали, что немцы могли на протяжении 14 дней ежедневно посылать на Лондон по тысяче бомбардировщиков – устрашающая картина весной 1939 года. Именно это внушенное преувеличение возможностей люфтваффе в последующем сказалось и на мышлении, и на планировании союзников. Именно оно явилось причиной запоздалой отправки английских экспедиционных сил во Францию, причем по круговому маршруту через западные порты на Атлантическом побережье Франции, чтобы избежать возможного нападения с воздуха; оно вынудило французов не допустить использования английской авиацией французских аэродромов при налетах на намеченные объекты в Германии, и, наконец, оно привело к прогрессивному, если можно использовать это слово в таком контексте, отстранению бомбардировочного авиационного командования вообще от выполнения целенаправленных действий на решающих предварительных фазах войны.

Создав стратегическую бомбардировочную авиацию, два штаба договорились, что основной ее задачей будет содействие успеху наземных операций. Бомбардировщики должны были ждать нападения на Францию и только тогда подвергать бомбардировкам с воздуха районы сосредоточения немецких войск, узлы коммуникаций и аэродромы. Однако, по мнению штаба королевских ВВС, эти объекты являлись далеко не

самыми удачными целями, и французам объяснили, что «они не должны ожидать больших результатов от действий английских бомбардировщиков».

Тень Боденшатца – Линдберга угрожающе нависла над этими переговорами. Наиболее остро вопрос встал после того, как Англия заявила о гарантиях независимости Польши. Объединенный штаб ВВС рассмотрел новое обязательство и пришел к выводу, что оно может привести Германию к нападению в первую очередь на Польшу. Однако в таком случае, по мнению английского генерального штаба, «невозможно сделать что-либо для оказания помощи Польше». Французская делегация высказалась о своих планах по осуществлению пробных атак на линию Зигфрида, однако для англичан было совершенно очевидно, что они не создадут серьезной угрозы для Германии и существенно не ослабят давление на поляков. Британская делегация подчеркнула, что вмешательство английской армии ощутимо не повлияет на немецкое наступление против поляков.

Тем самым вопрос об основном вкладе Англии в боевую мощь союзников – о помощи Польше путем стратегического наступления бомбардировочной авиации – оставался открытым. И британский, и французский штабы ВВС были категорически против политики, для эффективного проведения которой потребуется использование французских аэродромов. Комитет имперской обороны был разочарован прямым отказом использовать военно-воздушные силы Британии и Франции для оказания помощи Польше, и доклад был возвращен штабистам для дальнейшего изучения вопроса.

Однако в это же самое время инструкции двух правительств определили, что нельзя наносить никаких ударов с использованием бомбардировщиков, в результате которых может пострадать гражданское

население Германии. Тем самым были созданы благоприятные условия для ответных воздушных налетов немецкой авиации на британские города и порты. По мнению британского и французского правительств, их страны были значительно более уязвимы для авиации, чем Германия. Поэтому командование бомбардировочной авиации было переориентировано на действия против немецкого военно-морского флота. Это считалось более безопасным, так как не привело бы к ответным действиям против Лондона или Парижа. Этим актом также исключалась какая бы то ни было существенная помощь полякам. Геринг, Боденшатц и Линдберг свое дело сделали хорошо. Королевские военно-воздушные силы были парализованы; бомбардировочная авиация в первые, критические дни начала войны, когда судьба Германии фактически зависела от нее, бездействовала.

Полякам ничего не сообщили; однако уклончивые отговорки и заверения со стороны руководящих кругов Британии и Франции начали вызывать их беспокойство. Тем более что польская разведка докладывала о подготовке Германии к нападению на Польшу; это было особенно заметно в Словакии, где немецкие приготовления приняли такие размеры, что их уже было трудно скрывать – и, по всей вероятности, немцы не очень старались их скрыть. Польские лидеры оказались в странном противоречивом положении. Они, казалось, все еще были убеждены, что англо-французские гарантии удержат Гитлера от нападения и что его открытые приготовления к войне ведутся скорее для запугивания поляков, чем для их фактического уничтожения. Иными словами, они считали, что Гитлер устроил грандиозный блеф, чтобы заставить поляков и их гарантов пойти на уступку в Данциге и польском коридоре.

Только одновременно польских лидеров постоянно мучили сомнения, что они могут ошибаться: они могут быть не правы и в отношении Гитлера, и в отношении их новых союзников на западе. Они мало что могли сделать, чтобы узнать подлинные намерения Гитлера, но они могли попытаться прояснить позицию французов и британцев. Военный министр Польши Каспшицкий фактически без приглашения 14 мая приехал в Париж для переговоров с военными руководителями Франции.

Прямая встреча с поляками несколько смутила французов, так как они только что завершили серию специальных переговоров с представителями британских штабов. Было принято согласованное решение не предпринимать никаких действий, если Германия направит свой удар в первую очередь против Польши, что, по мнению англичан, было наиболее вероятным намерением Гитлера, хотя французы были меньше уверены в этом. Они, очевидно, боялись, как бы Германия внезапно не обрушилась на Францию.

Итогом этих англо-французских переговоров накануне прибытия в Париж польского военного министра было решение, что «не может быть речи о поспешном нападении на линию Зигфрида». Именно этот вопрос собирался обсудить с союзниками военный министр Польши. Как выяснилось, генерал Гамелен и командующий французскими ВВС были не слишком откровенны с поляками. Генерал Вуймен заверил их – всего через несколько недель после принятия как раз противоположного решения на переговорах в Лондоне, – что с самого начала французские военно-воздушные силы будут действовать решительно, чтобы ослабить давление на поляков. Генерал Гамелен лично вел значительную часть этих двулчных переговоров, которые впоследствии обеспечили ему алиби и которые создали у польского военного министра полное впечатление, что главные силы французской армии в

составе 35–38 дивизий будут использованы для открытия второго фронта против немцев не позднее 16 дней после нападения на Польшу.

Польская миссия вернулась в Варшаву все же несколько обеспокоенная отсутствием энтузиазма в Париже и особенно тем, что не удалось добиться четких политических обязательств; но она осталась довольна военными заверениями, которые, как она полагала, были получены от генерала Гамелена и командующего французскими военно-воздушными силами генерала Вюймена.

Поляки в действительности зашли значительно дальше в своих предположениях относительно того, что произойдет в начале войны, чем Гамелен был впоследствии готов признать как на суде в Риоме, так и в своих мемуарах. У них, по-видимому, был более ясный и более точный сценарий немецких приготовлений к началу военных действий. Они изложили его французам во время переговоров в Париже и, спустя несколько дней, в конце мая, британцам, когда британская делегация в составе представителей трех видов вооруженных сил прибыла в Варшаву для дальнейших переговоров по вопросу практического осуществления английских гарантий.

Поляки ожидали нападения примерно 77 немецких дивизий. Против них поляки, по их утверждению, могли мобилизовать 52 дивизии, хотя им не хватало тяжелой артиллерии и танков. Однако их главной слабостью было отсутствие необходимых резервов. Они могли обеспечить боевые действия 40 дивизий только в течение трех месяцев. Английская военная миссия пришла к выводу, что без соответствующей помощи союзников поляки выйдут из войны к концу шестого месяца или даже раньше.

Однако главный пункт в аргументации поляков заключался в том, что при концентрации такого

большого числа немецких дивизий против Польши у немцев на Западном фронте останется только 25–28 дивизий. Это открывало исключительные возможности для французской армии и королевских ВВС, которые имели бы временное тройное превосходство на суше и в воздухе. Британская делегация полагала, что для обороны западных границ на линии Зигфрида будет оставлено значительно больше немецких войск, примерно 30–35 дивизий. Однако британцы не внушили полякам выводы, к которым пришли на предыдущих штабных переговорах с французами: весьма сомнительно, смогут ли союзные войска на западе сделать нечто большее, чем «сдерживать минимальное количество немецких дивизий, необходимых для обороны линии Зигфрида».

Приближалось лето – опасное время для Европы, когда земля высыхает и становится достаточно твердой для быстрых перебросок войск армий вторжения. Тем не менее правительства и военные штабы продолжали обсуждать перспективу войны как нечто нереальное. У англо-французской и польской сторон постепенно росло неверие в то, что война действительно может разразиться. Короче говоря, во время военных, политических и дипломатических переговоров все еще господствовала вера в эффективность английских гарантий Польше. Эта вера настолько сильно укоренилась в дипломатических кругах Великобритании, что министр иностранных дел лорд Галифакс считал необходимым подчеркнуть решимость Англии начать войну, если независимость Польши окажется под угрозой или если Польша подвергнется нападению. Однако немцы, узнавшие содержание британских инструкций в день их передачи, благодаря неожиданному успеху итальянской секретной службы, отнеслись к предупреждению спокойно. Мы приближаемся к роковой дате, когда Гитлер дал ясно

понять своим вооруженным силам, что британская угроза его больше не сдерживает. Он тщательно оценил эти угрозы, и они его больше не пугали.

Таким образом, майские переговоры шли на разных уровнях. Мы проследили ход переговоров между британцами, французами и поляками и между британцами и французами без поляков. Две серии переговоров пришли к совершенно разным выводам: у поляков создалось впечатление, что, хотя и крайне неохотно, британцы и французы придут им на помощь, если они подвергнутся нападению немцев. Они также несколько успокоились, так как поверили, что при создавшихся условиях немцы не вторгнутся в Польшу.

Британцы и французы, в отсутствие поляков, пришли к существенно иному выводу. Они согласились, что в случае нападения на Польшу ничего не смогут сделать для поляков, разве что гарантировать в долгосрочной перспективе разгром Германии. Однако их не слишком беспокоил такой вывод, так как они также верили, что будет найдено политическое урегулирование на условиях, приемлемых для британского и французского правительств. В результате заседания объединенного штаба, начавшиеся в конце марта и продолжавшиеся в апреле и мае, приобрели характер чисто академических упражнений, в которые мало кто из участников верил. Французские предложения, изложенные Гамеленом и Вюйменом при переговорах с польским военным министром, выражали те же настроения.

Но пока решающим элементом в сохранении равновесия была уверенность поляков, что британцы и французы их поддержат и что из-за Данцига войны не будет. Эта самоуспокоенность в Варшаве усилилась после визита советского заместителя комиссара иностранных дел Владимира Потемкина, состоявшегося 10 мая, незадолго до отъезда военного министра на переговоры в Париж. Переговоры Потемкина с польским

премьером, полковником Беком, получились необычайно сердечными и успокоили поляков. Он заверил их, что Советский Союз понимает тяжелое положение Польши и намерен продолжать отношения между двумя странами, которые он считает хорошими, правильными и нормальными.

Бек был особенно доволен тем, что советский министр заверил его в понимании советским правительством позиции, занятой Польшей в отношении предполагаемого русского альянса с Британией, Францией и Польшей. Бек объяснил Потемкину, что политика польского правительства – не вступать в особые отношения ни с одним из двух своих могущественных соседей: ни с Россией, ни с Германией. Более того, Потемкин передал Беку инструкции своего правительства, где было сказано, что, если Польша подвергнется вооруженному нападению, Советский Союз будет проводить политику благожелательного уважения к Польше. Это обсуждение бросило любопытный свет на советские намерения, учитывая советские протесты относительно неблагодарного отношения поляков во время британских переговоров о совместных действиях с Советским Союзом.

Между тем разворачивались события, имевшие прямое отношение к решению судьбы Польши. В то время как польский военный министр занимался переговорами и планированием несколько туманного и неопределенного сотрудничества с Францией, немецкий и итальянский министры иностранных дел Риббентроп и Чиано 6 мая встретились в Милане и в деталях согласовали военно-политический договор между Италией и Германией, который и был подписан 22 мая в Берлине. Однако куда более значительным оказался поворот, который приняли предварительные переговоры о заключении экономического соглашения между Германией и Советским Союзом. 20 мая недавно

назначенный комиссаром иностранных дел Молотов, сменивший на этом посту Максима Литвинова, предложил немецкому послу до завершения разработки экономического соглашения создать для него политическую базу. Молотов не стал развивать эту мысль дальше, но немец увидел ее важность и понял намек. Спустя десять дней, 30 мая, государственный секретарь в министерстве иностранных дел отправил телеграмму послу в Москве: «Мы решили прозондировать почву с Советским Союзом...»

То, о чем Боденшатц говорил Стелену в апреле, начало претворяться в жизнь только сейчас, однако ни в Лондоне, ни в Париже еще не осознали, что происходит. Наоборот, мнение изменилось в совершенно ином направлении. Британский посол в Варшаве прилагал усилия, направленные на достижение нового компромисса, основанного на совместной польско-немецкой декларации. Его немецкий коллега в Варшаве сообщал о новом, обнадеживающем настроении относительно восстановления дружественного отношения к Германии. Поляки заигрывали через посредничество итальянского и японского правительств. В Париже Пьер Этьенн Фланден, бывший премьер-министр, выразил уверенность в мирных намерениях Гитлера и Муссолини.

Однако в Лондоне Чемберлен выступил 19 мая с решительным заявлением в конце внешнеполитических парламентских дебатов. Он предупредил Германию о возможных последствиях ее политики и о том, что вооруженный конфликт будет катастрофическим для всех, кого он коснется. Но затем появилась та концовка, которая вновь показала направление мыслей Чемберлена. «Я все же прошу палату помнить, – призывал он, – что в данном случае мы пытаемся создать не альянс между нами и другими странами, а мирный фронт против агрессии. Мы не достигнем успеха в этой

политике, если, обеспечив сотрудничество одной страны, будем представлять другую как беспокойную и не желающую сотрудничать с нами». И он снова возвращается к идее «мирного фронта», который предотвратит начало войны, а не «альянс».

Что имел в виду Чемберлен, становится понятно из англо-французских штабных переговоров. Ясно, что с точки зрения военной терминологии «мирный фронт» не имел никакого смысла; с точки зрения Чемберлена, он мог служить средством, которое приведет поляков за стол переговоров с немцами. При таких условиях война может быть предотвращена только огромными уступками польского правительства, даже в ущерб интересам своей страны.

Таким образом, в середине мая правительства верили в одно и заставили других поверить в это, а в действительности события развивались совершенно по-другому. И снова мы тщетно ищем в донесениях дипломатов и докладах разведывательных служб какой-либо ключ к тому, что происходило на самом деле, какие действия собиралась предпринять Германия, что должно было насторожить союзников, какие планы обдумывали русские. Ни в Лондоне, ни в Париже правительства не проявляли каких-либо признаков беспокойности тем, что их ожидало. А в Берлине, где Гитлер снова не обращал внимания на сообщения своих дипломатов и шпионов, германский фюрер подготовил оценку обстановки, которая свидетельствовала как о глубоком понимании ее, так и о наличии у него очень подробной инсайдерской информации о настроениях британского и французского правительств и их военных советников.

Гитлер вызвал своих военных руководителей на 23 мая. В его кабинете в новой имперской канцелярии собралось большинство, но не все главные военные руководители, но не было ни одного гражданского лица,

даже Риббентропа. Присутствовали Геринг, Редер, Мильх, Браухич, Кейтель, Гальдер, Боденшатц, Ёшоннек и Варлимонт; Шмундт вел протокол.

Целью данного совещания, по словам Гитлера, являлось, помимо всего прочего, рассмотрение сложившейся обстановки и определение задач для вооруженных сил, вытекающих из нее. Гитлер, по-видимому, принял решение в отношении Польши и Британии. Польша – враг; она всегда была врагом Германии. Договоры о дружбе ничего не изменили. Присутствующие должны ясно представлять, что предметом спора не является Данциг как таковой. Речь идет о необходимости для Германии жизненного пространства на Востоке. «Если судьба вынуждает нас к войне с Западом, полезно владеть богатым районом на Востоке».

Польский вопрос не может быть отделен от конфликта с Западом. Поэтому «не может быть и речи о пощаде для Польши». Германии предоставлено решить, напасть ли на Польшу «при первом удобном случае». Германия не может ожидать повторения чешского кризиса. «Будут боевые действия. Наша задача – изолировать Польшу».

Гитлер далее подробно развил свой тезис, заострив внимание на основных моментах. «Нельзя допустить одновременного конфликта на Западе (с Францией и Британией)». Конфликт с Польшей, настаивал Гитлер, «начиная с нападения на Польшу, будет успешным только в случае, если Запад останется в стороне»^[12]. Именно этого они должны добиваться. Это будет «делом умелой политики». Гитлер, по сути, говорил своим военным, что военные и политические соображения не могут быть отделены друг от друга и что при данных обстоятельствах необходимо понимать, что политические меры важнее; его политические шаги создадут соответствующие условия для решительных

действий вооруженных сил. И Гитлер начал это делать, хотя и не был полностью откровенен со своими военными. Теперь нам больше известно о существовавших в то время обстоятельствах, чем им. И выступление Гитлера перед генералами 23 мая приобретает для нас иной смысл, учитывая то, что нам теперь известно, чем для его военных лидеров, которые все еще были в неведении относительно некоторых главных элементов гитлеровской дипломатии.

Так в весьма любопытном пассаже Гитлер поведал им, что экономические отношения с русскими возможны, только если и когда политические отношения с ними улучшатся. Он надеялся на это и не исключал, что Россия может не проявить интереса к уничтожению Польши.

Интересно, что Гитлер сформулировал проблему практически в тех же словах, с которыми Молотов обратился к немецкому послу 10 мая, и что он больше не думает об «уничтожении Польши» гипотетически. Если британские гарантии и повлияли на его мышление, то его гнев был направлен против Британии, а не против Польши. Он уже принял ряд решений, и вопрос вступления в войну оставался открытым только в части времени. Гитлер уже решил оккупировать Бельгию и Голландию, по соглашению или силой.

После 23 мая фактически не осталось путей для мирного урегулирования в Европе, кроме полной капитуляции перед требованиями Гитлера по Данцигу и Польше, каковы бы ни были последствия подобной англо-французской капитуляции.

Однако оставалось еще пятнадцать недель для осуществления «умелой политики», чтобы убедить британцев и французов, а также русских в достоверности их собственной легенды относительно их неподготовленности к войне и убедить их оставаться в стороне – по любым причинам, пока немцы заняты

разгромом Польши. Как на Западе восприняли это инспирированное Гитлером самовнушение, лучше всего видно на примере британского министра иностранных дел лорда Галифакса. Он ничего не знал о выступлении Гитлера перед немецкими генералами 23 мая, однако «Стальной пакт» с Муссолини, заключенный днем раньше, убедил Галифакса, что «приближается война» и что весна и лето будут периодом ожидания.

Говорят, Галифакс ждал начала войны со спокойствием и даже с чувством облегчения – жребий брошен. Впоследствии он подготовил меморандум с обзором этого периода. В нем он доказывал, что ни польские, ни румынские правительства не питали никаких иллюзий относительно масштабов конкретной помощи, которую они могли ожидать от Великобритании, в случае если Гитлер предпочтет войну. Для поляков английские гарантии представляли собой наилучшую возможность – «в действительности единственную возможность» – предостеречь Гитлера от развязывания войны.

По-видимому, не один только Галифакс не осознавал весьма причудливой логики своей аргументации. Он утверждал, что Британия дала гарантии полякам, чтобы удержать Гитлера от нападения на Польшу. Однако в конце мая Галифакс пришел к выводу, что гарантии не достигли своей цели; Гитлер приготовился к нападению на поляков. А что же дальше? Разве британцы и французы не могли ничего предпринять, кроме как ждать нападения Гитлера со спокойствием и облегчением, как об этом пишет биограф Галифакса? Собственно говоря, ничего другого не оставалось, так как политики и военные в Лондоне и Париже создали легенду об англо-французской «неподготовленности». В душе они боялись неизвестности. У них было ошибочное и чудовищно искаженное представление о мощи и подготовленности Германии, и тем более о ее

намерениях и возможностях ее военно-воздушных сил. Еще более удивительным было отсутствие веры в свои собственные возможности, в свой народ и в своих союзников, а также собственная неспособность или нежелание попытаться овладеть ситуацией, с которой они столкнулись. Создается впечатление, что правительства союзников, военные лидеры и секретные службы, сбитые с толку, испуганные, ошупью, как слепые, шли прямо в распростертые объятия Гитлера. Ему особенно и не приходилось прибегать к искусной политике: слепота союзников, их некомпетентность и внушенный самим себе страх оказывали Гитлеру лучшую услугу^[13].

Итак, в конце мая легенды прочно укоренились: британцы считались неподготовленными, французы – слабыми и не играющими роли в равновесии сил. Немцев считали сильными, подготовленными и решительными, и судьба Европы была отдана в руки Гитлера. А теперь нам пора вернуться от легенд к действительности.

Глава 3

Легенда о подготовленности Германии

К концу мая Гитлер и вооруженные силы Германии были готовы к войне, но не такой, как ожидали британцы или французы, и не такой, какую обсуждали англо-французские штабисты. План «Вайс» – план уничтожения Польши – был пересмотрен, дополнен, уточнен и готов для практического применения, но только при наличии крайне ограниченных политических и экономических условий. Дело в том, что в процессе детализации плана и уточнения военных потребностей в ресурсах для проведения «молниеносной операции» немецкое руководство все больше понимало серьезность риска и масштаб ограничений, при которых им предстояло действовать.

Выяснились две группы очевидных фактов, которые нельзя было игнорировать: экономика Германии не могла выдержать длительную войну, а ее вооруженные силы были не в состоянии вести войну на двух фронтах одновременно – против Польши на востоке и против французов и британцев на западе. Более того, на этот раз Гитлер был достаточно осторожен, чтобы не поверить в собственную пропаганду. Он, пожалуй, совершал ту же самую ошибку, что и его противники. Исключительно подробная оценка французских и британских сил, подготовленная для него, которая, несмотря на поразительную точность во многих отношениях, сильно преувеличивала возможности королевских ВВС – по меньшей мере их готовность нанести наступательный удар по Германии – и численность французских бронетанковых сил. Гитлер

уверовал в утверждения французского и британского министров относительно ускорения темпов перевооружения и сравнивал их с мрачными данными о состоянии военной экономики Германии, представленными его экономическими советниками.

Германия остро нуждалась в основных видах сырья. Отчаянно не хватало стали, а ввод новых мощностей ожидался не ранее чем через два-три года. Положение с горючим было критическим. В докладе, подготовленном для Гитлера штабом вермахта, потребности Германии в горючем определялись в 23 млн тонн в год, в том числе 10 млн тонн авиационного бензина, а рассчитывать можно было только на 3 млн тонн, что меньше половины нормальных потребностей страны в мирных условиях. Резервные запасы покрыли бы потребности не более чем 3-5 месяцев. Так же обстояло дело с железной рудой, магнием и каучуком, которых хватило бы на очень короткое время, самое большее на несколько месяцев.

Гитлер также был обеспокоен возможным нанесением удара по Германии французами и британцами, если те сумеют приспособить ход войны к развитию своей экономики. На протяжении многих месяцев до и непосредственно после начала войны Гитлер был озабочен тем, что Германия могла быть быстро разгромлена серией воздушных и наземных операций, направленных на Рур. Гитлер напомнил об этих мыслях в следующей директиве. Как только Рур окажется в пределах досягаемости тяжелой артиллерии французов или подвергнется постоянным налетам британской авиации, он прекратит играть роль «активного фактора в военной экономике Германии», и заменить его будет нечем.

Примерно в это же время, в ноябре 1939 года, Гитлер вновь обратился к своим командирам с обзором периода, предшествовавшего началу военных действий. При этом он особо подчеркнул один аспект, который его

сильно беспокоил летом 1939 года, пока у него еще не было твердой уверенности относительно реакции британцев и французов. «У нас есть ахиллесова пята – Рурская область, – говорил он своим генералам. – Ход войны зависит от Рура. Если Франция и Англия ударом через Бельгию и Голландию вторгнутся в Рурскую область, мы окажемся в величайшей опасности... Если французская армия войдет в Бельгию, чтобы оттуда напасть на нас, для нас это будет уже поздно». В свете подобных опасений доклады о состоянии Западного вала, линии Зигфрида были какими угодно, только не обнадеживающими. Строительство было закончено только в отдельных ключевых местах, в частности в Сааре. Однако эти участки были не более чем витриной. Остальная часть линии Зигфрида, по утверждению генерала Йодля, была «не намного лучше, чем огромная строительная площадка». Первую линию обороны предполагалось закончить только к осени, как и было обещано ранее.

Для завершения картины, какой она была представлена Гитлеру летом 1939 года, остановимся на оценке французской армии, составленной немецкими экспертами для фюрера. После исследования и детального анализа всех аспектов, характеризующих вооруженные силы Франции, немецкая разведка сделала вывод, что в целом «французскую армию следует считать такой же, какой она была в Первую мировую войну, то есть наиболее внушительной из всех наших потенциальных противников», способной мобилизовать до ста дивизий за две недели.

Такова была реальность немецкой готовности, непреодолимой силы Гитлера, могущества люфтваффе, которые оказали столь роковое влияние на правительства и военные штабы в Лондоне и Париже. Однако главным в первые недели июня было то обстоятельство, что, несмотря на все директивы и

приготовления, Гитлер оставался неуверенным и встревоженным. Он был более чем когда-либо убежден, что должен любой ценой избежать одновременной войны на два фронта или длительной оборонительной войны. Ограничения в обоих случаях имели решающее значение.

Однако ни одна из тревог Гитлера не просочилась к тем людям, которые влияли на формирование политики в столицах западных союзников. Те, наоборот, пребывали под влиянием взглядов таких людей, как Адам фон Тротт, который в первые дни июня посетил своих друзей Асторов в их загородном доме в Кливдене. Есть два важных рассказа об их беседах. 6 июня 1939 года Том Джонс написал краткий меморандум по поводу этих бесед.

«Адам фон Тротт, молодой офицер Генерального штаба сухопутных войск, который находится здесь с целью сбора политической информации для Генерального штаба (не правительства), в частном порядке информировал меня, что сложилась следующая обстановка...» Далее Джонс перечислил основные моменты, изложенные Адамом фон Троттом. Гитлер решил перейти к действиям этим летом, и ни Генеральный штаб, ни общественность не смогут изменить ход событий в приближающиеся недели. Стратегия Гитлера сводится к тому, пояснял фон Тротт, чтобы захватить районы производства зерна, угольные и нефтяные районы Восточной Европы и Балкан; если потребуется, немцы разгромят русских за шесть месяцев и оккупируют Украину. После этого Германия сможет выдержать войну любой продолжительности.

Единственная возможность предотвратить все это, сказал фон Тротт Джонсу, – внушить лично Гитлеру реальность могущества союзников и тем самым дать ему понять, на какой риск он идет, развязывая войну. Тротт предложил сделать это через Геринга, рассказав ему,

что у немцев сложилось ошибочное представление о военной мощи Великобритании, и ознакомив некоторых руководящих офицеров люфтваффе с боевыми возможностями королевских ВВС (не выдавая военных секретов). Это могло бы произвести впечатление на Гитлера; также на него могло бы повлиять коалиционное правительство, в состав которого вошли бы представители «поджигателей войны» и «левых». На самого Тротта произвела сильное впечатление единая и решительная позиция англичан, «однако и его окружение верили в обратное».

Адам фон Тротт прибыл в Лондон 1 июня, навестил Дэвида Астора, с которым вместе учился в Оксфорде, и провел некоторое время в Кливдене. Среди гостей в Кливдене было несколько министров – членов кабинета, в том числе министр иностранных дел лорд Галифакс, лорд Лотиан, который вскоре должен был получить назначение послом в Соединенные Штаты, и бывший министр обороны, ныне министр по делам доминионов сэр Томас Инскип. Помимо общих разговоров за столом Тротт имел возможность побеседовать с Галифаксом и Лотианом, а позднее и с премьер-министром Невиллом Чемберленом.

Тротт вернулся в Берлин 9 июня и тремя днями позже представил обстоятельный меморандум о своих встречах и беседах в Англии, а также краткое изложение содержания бесед и своих выводов. Последние два документа были переданы Гитлеру, и надо думать, что они были составлены так, чтобы оказать на него влияние. Поэтому в данном случае важны не точность или политическая направленность этих документов, а их влияние на Гитлера в Берлине и впечатление, которое Тротт произвел на английских государственных деятелей в Лондоне.

К сожалению, Тротт, по всей видимости, имел ошибочные идеи о намерениях Гитлера. У нас нет

возможности узнать, было ли это результатом его собственной неосведомленности относительно изменившихся взглядов Гитлера, как он их изложил на брифинге 23 мая, или он оказался слепым орудием для передачи ложной информации своим английским друзьям, преднамеренно организованной Вальтером фон Хевелем, личным офицером связи Риббентропа с Гитлером, который и предложил эту поездку в Лондон. Возможно, фон Тротт должен был выполнить ту же задачу, которую выполнил Боденшатц, снабжая информацией Стелена и других. Однако непредвиденным результатом поездки фон Тротта стало то, что его друзья встревожились. Его доклады о встречах в Лондоне, должно быть, имели точно такое же воздействие и на фюрера.

Частные беседы Тротта с премьер-министром и министром иностранных дел, очевидно, не произвели на них большого впечатления. В них он подтвердил их мнение, что Гитлер направит свои силы на Восток и на некоторое время его силы будут там скованы, тем самым Англии и Франции представится дополнительное время для приведения своих вооруженных сил в состояние полной боевой готовности. Предложение, чтобы один из двух командиров люфтваффе, Мильх или Удет, был приглашен с визитом в королевские ВВС с целью ознакомления с их боевыми возможностями, должно быть, прозвучало странным для напуганных людей, стоявших у руля и считавших себя далеко отставшими от люфтваффе.

Гитлер тоже, должно быть, почувствовал, что, возможно, дела не так плохи, как он предполагал, если Чемберлен и Лотиан все еще думают об урегулировании на основе предоставления большей независимости чехам и словакам. Гитлер был уже полностью поглощен решением польского вопроса, и заверения английских политиков о том, что они допускают возможность

предоставления Германии свободы «экономических» действий, видимо, нравились Гитлеру как шаг в правильном направлении. То же самое можно было сказать о приведенном Троттом высказывании Чемберлена, что Иден, Черчилль и Дафф Купер не важны и их можно полностью игнорировать. Тротт пришел к выводу, что «определенный отказ фюрера от установления какого бы то ни было частичного взаимопонимания с Англией привел в настоящее время, ввиду нависшей угрозы тотального конфликта, к подлинному возрождению у англичан стремления к полному взаимопониманию как единственной альтернативе войне». На фоне мрачной действительности в Германии, которая предстала перед Гитлером, вывод Тротта явился для него солнечным проблеском, то есть вызвал реакцию, как раз противоположную той, что хотел добиться Тротт.

А судя по письму, которое Лотиан послал Сматсу сразу же после бесед с фон Троттом, его попытки произвести впечатление на англичан также оказались бесплодными. Вместо того чтобы создать твердый фронт, продемонстрировать реалистическую оценку сущности молниеносной войны, которую готовили немцы, у Лотиана в результате бесед с Троттом создалось впечатление, приведшее его к такому выводу в письме Сматсу: «Следующий кризис „нервов“ может начаться в любое время, возможно, по польской проблеме. По моему мнению, когда Гитлер начнет интервенцию, мы должны удержать поляков от войны [sic!] и сами установить блокаду, тем самым дав ясно понять, что блокада будет снята, как только Гитлер выведет свои войска и проявит готовность рассмотреть урегулирование мирными средствами». По мнению Лотиана, это не обязательно приведет к войне, так как не будет кровопролития. При условии наличия надежного фронта в Великобритании, доминионах и

Америке лично он верит, писал он Сметсу, что «Гитлер отступит и воздержится от развязывания мировой войны». И конечно, это будет концом Гитлера, заключает Лотиан.

Однако Лотиан, умный, здравомыслящий человек, допускал возможность, что Гитлер в конце концов может пойти на уничтожение Польши, заняв оборону на линии Зигфрида, и напасть на Лондон и Париж с воздуха. Что же тогда должны предпринять союзники? – спрашивает он. Его ответ сводился к тому, что союзники в первую очередь должны разгромить Италию. Когда они это сделают, Россия присоединится к союзникам и «фашистский империализм исчезнет», а это поможет Англии добиться долгосрочного урегулирования с Германией.

Такое впечатление от кливденских выходных и частных бесед с фон Троттом осталось у Лотиана и его окружения, куда, согласно докладу фон Тротта, входил и премьер-министр. Все это не привело к лучшему пониманию намерений Гитлера, так же как и к более ясному осознанию, насколько ненадежна судьба Европы, зависящая от мер западных держав по противодействию решительному намерению Гитлера уничтожить Польшу. Однако ни фон Тротт, ни его британские хозяева, по-видимому, не понимали истинной сущности кризиса, с которым они столкнулись: это был больше кризис Гитлера, чем их. Гитлер хотел знать ответ на один вопрос, который значил для него больше, чем все другие; причем его интересовало вовсе не то, объявят ли англичане войну, если он нападет на Польшу. Он хотел знать, начнут ли британцы и французы немедленные военные действия на Западе, когда он еще будет полностью занят на Востоке.

Ответы, привезенные в те недели из Лондона фон Троттом и другими визитерами, принесли Гитлеру большое облегчение. Хотя никто в действительности не

знал, какого ответа хотел Гитлер. Его, очевидно, излишне не волновали сообщения о решимости Англии не уступить на этот раз или о настроениях общественности, более настроенной воевать, чем снова идти на компромисс. Все это он уже предвидел и высказал, выступая перед офицерами 23 мая. Его интересовало совсем другое. И один малоизвестный, но очень проницательный наблюдатель в Лондоне в том же месяце, 29 июня, дал Гитлеру именно ту информацию, которой он ждал.

По общему мнению, Гитлер интеллектуально погрузился в войну уже на майской встрече со старшими офицерами. Но он понимал сдержанность генералов и сам чувствовал сомнения. И вот около четырех недель спустя после доклада Тротта появилось сообщение некоего Ганса Селиго, в сущности, никому не известного заведующего отделом печати британской секции Auslandsorganisation. Селиго взял с места в карьер. «В настоящее время в Англии осуществляются приготовления во всех областях, как будто вот-вот начнется война». Люди готовы к ее началу в любой момент. Селиго тут же указывает, что есть одно исключение. Широко распространившиеся народные настроения еще не нашли отражения «в решимости правительства пойти на немедленную войну». По мнению Селиго, дело обстояло как раз наоборот. «Можно сказать с довольно большой определенностью, что сам Чемберлен и группа внутри кабинета, которая принимает решения, совершенно определенно направляют усилия на предотвращение войны и предпочли бы компромисс использованию силы при решении вопроса о Данциге и польском коридоре, приемлемом для населения этих районов».

Далее Селиго переходит к сравнению некоторых докладов, которые посылались немецким посольством в Берлин, где описывались сложившиеся реалии.

«Официальное дипломатическое представительство Германии» убеждено, что переговоры с англичанами могут длиться неопределенно долго и что британское правительство склонно достигнуть понимания с Германией о будущем поддержании мира. Однако Селиго предостерегает от принятия этого утверждения за чистую монету. Он напоминает, что у большинства немцев, прибывающих в Англию «для сбора информации», вызывает удивление и оставляет глубочайшее впечатление британский боевой дух, «который они встречают повсюду». И он перечисляет основные факторы, определяющие новые силы англичан.

Селиго, судя по его докладам, был спокойным, информированным репортером, который не видел необходимости смягчать и приукрашивать факты или льстить, чтобы угодить получателям его информации.

Факты, которые он излагал своим начальникам в Берлине, отличаются убедительной простотой. Подготовленность англичан, писал он, достигла «определенного максимума», который, учитывая общую обстановку, он считал довольно внушительным. Помимо постоянной армии имелось 275 тысяч человек призывного возраста, готовых для обучения; противовоздушная оборона была укомплектована и несла круглосуточную службу; береговые станции службы наблюдения и службы местной противовоздушной обороны были приведены в боевую готовность. Британская противовоздушная оборона могла отражать воздушные нападения в течение длительного времени, хотя и не предотвращала их полностью. Флот мог успешно осуществлять блокаду Германии и держать свои атлантические линии снабжения открытыми, одновременно ставя немецкие подводные лодки в безвыходное положение. Линия Мажино была вполне адекватной, чтобы остановить

любое продвижение немецких войск во Францию; она высвобождала достаточные контингенты британских и французских войск, чтобы защитить уязвимые места в обороне на севере и юге.

В докладе Селиго одно предложение, несомненно, составляло главное, что интересовало Гитлера в тот момент: оно завершало предыдущую ссылку Селиго на предпочтение Чемберленом альтернативы войне. Сами по себе склонности Чемберлена были для Гитлера недостаточным основанием, чтобы основывать на них свои действия; в конце концов, у Чемберлена они могли изменяться. Но здесь было нечто иное, что не могло измениться до наступления крайнего срока, 1 сентября. Селиго сухо сообщал, что в вооружении остаются большие бреши, особенно в вооружении регулярной армии, но это не столь уж важно для британцев, поскольку их тактические планы, в особенности в начале войны, не предусматривают «сколько-нибудь крупных операций для британской действующей армии».

Это могло показаться Селиго «не важным», но для фюрера это была исключительно важная информация. Французские и британские источники начали считать. Обе страны имели эффективные военные инструменты для использования против Германии: у французов это были наземные силы, у англичан – морские и воздушные. Однако для Гитлера имело значение только одно: подтверждения из Лондона и Парижа, что пока ни Чемберлен, ни Даладье не собирались использовать свои силы в войне на двух фронтах против Германии, когда равновесие сил было не в пользу Германии, в связи с ее операциями против Польши.

Неизвестно, какое из донесений – а их было в это время множество, и все в одном и том же духе – подтолкнуло Гитлера к решению. Все говорило об одном и том же: если Гитлер нанесет удар по Польше, с Запада не последует вторжения, хотя там всегда были

реальные силы и возможности для его осуществления. Это был риск, и риск огромный. Вскоре после возвращения фон Тротта Гитлер определил два параллельных направления действий. Он приказал активизировать деятельность по восстановлению отношений с Советским Союзом, чтобы не допустить вмешательства с Востока, а также внес важные изменения в свои планы нападения на Польшу, чтобы избежать вмешательства Запада в самый последний момент.

Эти его указания нашли свое отражение в дальнейшей детализации плана «Вайс», который был подготовлен Кейтелем для командующих войсками. В нем указывался предварительный график наступления, хотя и не упоминалось точное время нападения на Польшу. Однако важность этого документа, датированного 22 июня 1939 года, заключалась в новых «указаниях» фюрера. Он изменил свою тактику и больше не запугивал британцев и французов открытой демонстрацией своих намерений, как перед Мюнхеном. Он решил успокаивать их до последнего, когда для них будет слишком поздно изменить свои решения и прийти на помощь полякам, вынудив Германию к войне на два фронта или, что еще хуже, напав на незащищенный тыл Германии в то время, когда вермахт будет занят операциями в Польше. Для Гитлера это было бы кошмаром. Поэтому было необходимо избегать любых действий, которые могли бы вызвать преждевременную тревогу у западных союзников.

Гитлер отдал приказы, чтобы не делалось ничего, способного вызвать тревогу у населения Германии; призыв резервистов надлежало тщательно маскировать; работодатели гражданским лицам разъясняли, что речь идет только о проведении осенних маневров. Он также указал, что «предложенное высшим командованием армии освобождение в середине июля помещений

госпиталей в прифронтовых районах должно быть отсрочено в целях безопасности». Эта мера, безусловно, вызвала бы беспокойство населения и не осталась бы незамеченной разведкой союзников.

Для Гитлера это были дни решений. Он определил порядок нанесения молниеносного удара по Польше; он наметил ход военной изоляции Польши от ее западных союзников и ее политической изоляции от возможной помощи Советского Союза. Он также пришел к выводу, что в долгосрочной перспективе война с Англией неизбежна. Польша, говорил он своим военным на брифинге 23 мая, явится первой ступенью на пути обеспечения успеха в более серьезной борьбе с британцами, которая потребует полной реорганизации экономики Германии и программы вооружений.

Соответственно, спустя день после утверждения Кейтелем польской операции, 23 июня, совет обороны рейха собрался на специальное заседание. Председательствовал Геринг; присутствовали многие гражданские и военные руководители рейха. Геринг сообщил им, что война неизбежна и она потребует тотальной мобилизации всех ресурсов страны. Всем предстоит большая работа. Надо будет призвать в вооруженные силы 7 млн человек; недостаток в рабочей силе на военных предприятиях и в сельском хозяйстве намечалось восполнить за счет переброски рабочей силы из Чехословакии и концентрационных лагерей. В итоге данного заседания наиболее отчетливо обнаружились неэффективность и недостатки военной экономики Германии и ее программы вооружения. Принятые на заседании решения не давали никакого немедленного эффекта, кроме общего расстройств экономики в период ее перевода в состояние тотальной экономической мобилизации.

Все это давало еще больше оснований Гитлеру настаивать на своей концепции блицкрига. Подлинная

сущность этой концепции подробно рассмотрена в недавних исследованиях Алана С. Милуорда, в его анализе немецкой экономики того времени. В свое время ошибочно полагали, утверждает Милуорд, что блицкриг означал просто военную тактику нанесения быстрого сокрушительного удара с позиции силы. Блицкриг был как стратегическим, так и тактическим инструментом. Он позволял немцам максимально использовать свою более высокую подготовленность к короткой войне, «которая начнется неожиданно и завершится быстрой победой»; это было средством избежать тотальной экономической мобилизации.

Однако прежде всего концепция «молниеносной войны» должна была предотвратить большое сосредоточение мощных сил, противостоящих Германии в одно и то же время. Это означало, что успешное нападение может быть осуществлено сравнительно небольшими силами при условии, что планирование будет достаточно гибким, чтобы можно было применить «молниеносность» против каждого противника в отдельности.

Она эффективна против слабого, доверчивого, запуганного противника, не желающего сражаться. Она сработала против Австрии и Чехословакии. Ожидалось, что она сработает и против Польши. Гитлер надеялся, что психологически она сработает против Британии и Франции; и в ограниченном смысле так и получилось. Она удержала их в стороне от польской войны, но не от войны вообще. Именно такую корректировку осуществил Гитлер, приказав Герингу созвать совет обороны рейха на июньское совещание. Его в спешном порядке собрали еще раз, спустя месяц, когда стала очевидной вся неподготовленность Западного вала.

К середине лета Гитлер, таким образом, решился осуществить нападение на Польшу, несмотря на трудности немецкой экономики, неготовность обороны

западных рубежей Германии и неспособность своих вооруженных сил вести войну на два фронта. Гитлер знал, на какой риск идет и о преимуществах, которые он давал Чемберлену и Даладье. Но знали ли они о тех возможностях, которые были им доступны? Увидим.

После довольно негативных выводов, изложенных в документе от 4 мая, англо-французский штаб вновь встретился в июне, чтобы рассмотреть обстановку в свете происходящих событий, особенно в связи с переговорами с польским военным министром в Париже и переговорами британской и французской миссий в Варшаве. Повестка дня этого летнего заседания не отражала ни малейшего намека на подозрения относительно тех решений, которые Гитлер принял в мае, так же как относительно тщательных приготовлений к нападению на Польшу, которые шли полным ходом. И если разведывательная информация об этих фактах поступила в Лондон – а надо полагать, что так и было, – тогда она была или направлена не по адресу и ею пренебрегли, или она затерялась, или не была оценена должным образом. Она не сыграла роли в совещаниях британских и французских штабистов в июне.

Штабы все еще были поглощены смыслом польских гарантий. Они с большой осторожностью допускали, что польский конфликт мог бы иметь определенное преимущество для западных держав. Если немцы сначала нападут на Польшу, «что британские начальники штабов считали наиболее вероятным», это даст Англии и Франции больше времени для завершения подготовки и может серьезно ослабить ударную мощь Германии. Однако штабисты были уверены, что в конечном счете Польша будет разбита, если Германия не будет вынуждена одновременно сражаться на западе и ослабит давление на поляков.

Казалось, надежд на что-либо подобное нет. Генерал Гамелен, излагая французскую точку зрения, утверждал, что главный удар должен быть нацелен на итальянцев; наступление против сильно укрепленной линии Зигфрида потребовало бы длительной подготовки и не могло быть предпринято в спешке. Самое большее, что могли обещать французы на немецком фронте, – это ограниченные зондирующие наступления, которые вряд ли нарушат ритм немецкой атаки на востоке. Этот вывод был подтвержден более ранним решением объединенного штаба ВВС ограничить действия союзной авиации ударами по «военным объектам в самом узком значении этого слова». Заседание закончилось принятием трех предложений, которые были представлены французскому и британскому правительствам:

1. Судьба Польши будет зависеть от конечного исхода войны, а это, в свою очередь, будет зависеть от нашей способности нанести конечное поражение Германии, а не от нашей способности облегчить давление на Польшу в самом начале войны.

2. Чем дольше Италия останется нейтральной, даже если ее нейтралитет будет благожелательным по отношению к Германии, тем лучше для союзников.

3. Это означает отказ от единственных контрнаступательных мер со стороны союзников, которые предполагались ими на ранних стадиях войны, не считая экономического давления.

Штабы также рассмотрели альтернативную гипотезу, что немцы могут в первую очередь напасть на Францию. Они посчитали такое развитие событий маловероятным, однако, случись это, немцам пришлось бы оставить на востоке 30–35 дивизий, а это опять-таки было бы побочным преимуществом польских гарантий. Однако результат этого раунда переговоров снова оказался негативным в отношении немедленных

действий или даже планов этих действий. Рекомендация, что союзники должны выиграть войну, надо полагать, вряд ли была необходима; однако в контексте польских гарантий она решила судьбу Польши.

Если англо-французские штабисты относились к этим гарантиям довольно бесцеремонно, то в Берлине отношение к ним было гораздо серьезнее. Гарантии сильно беспокоили немцев. Гитлер пересмотрел все свои планы на будущее в свете британского заявления. Он даже был вынужден, как мы видели, переключить все военное и экономическое мышление Германии, основывавшееся исключительно на стратегии молниеносной войны, на планирование с учетом требований как молниеносной, так и длительной войны. Эта комбинация в конечном счете оказалась неподъемной для немецкой экономики.

Однако Гитлер все еще верил, что проявленная им твердость вынудит англичан и французов уступить; что, если даже они будут стоять на своем в отношении гарантий Польше, они не выполнят своего обещания так, чтобы помешать осуществлению его планов, а изменившиеся условия предоставят ему новые возможности избежать длительной войны. Политика Гитлера, направленная на подрыв английских гарантий, была эффективно и, очевидно, произвольно поддержана противниками Гитлера в Германии.

Мы видели, какое влияние оказала миссия фон Тротта на его британских друзей, а также впечатление, которое должен был вызвать его доклад у Гитлера. Нам известно, что Тротт поехал в Англию по настоянию Генерального штаба и противников политики Гитлера и с одобрения шефа личного кабинета Риббентропа фон Хевеля. В течение недели после возвращения фон Тротта, 15 июня, и после того, как в Берлине ознакомились с его докладом, в Лондон выехал другой

частный немецкий эмиссар. Доктор Эрих Кордт был старшим сотрудником министерства иностранных дел Германии, а его брат занимал важный пост в немецком посольстве в Лондоне. Он прибыл, чтобы встретиться с Робертом Ванситтартом, представлявшим политическую оппозицию той группировке, с которой встречался фон Тротт в Кливдене; однако конечными целями были те же люди – Галифакс и Чемберлен. Он выехал по предложению фон Вайцзеккера, проницательного, хотя и недооцененного, руководителя министерства иностранных дел Германии, непревзойденного мастера лицемерия, до сих пор заводившего в тупик все попытки выяснить его действительные взгляды и цели. Хотя фон Вайцзеккер не упоминал имени Кордта в своих довольно-таки бесцветных мемуарах, он становился почти страстным, когда начинал описывать цели этой миссии. «Я должен был дать англичанам ясно понять, что своим обещанием оказать полякам помощь они выдали им незаполненный чек. Тем самым они предоставили власть развязать войну безответственным иностранцам». Британцам следовало держать поляков на коротком поводке. Вайцзеккер хотел предостеречь поляков, не поощряя Гитлера, и убедить Гитлера, что англичане не блефуют. Создается впечатление, что фон Вайцзеккер был лучше информирован о взглядах британского кабинета, чем окружения фюрера.

Такова была главная, но не единственная миссия Кордта. Он также должен был предупредить британцев, что немцы ведут переговоры с русскими и готовят сделку. Это едва ли было новостью, но все еще оставалось одним из серии аналогичных сообщений, которые достигали министерства иностранных дел. На самом деле сама частота, с которой подобные сообщения появлялись среди прочих дипломатических слухов, начиная с упреждающего предупреждения Боденшатца Стелену, имела тенденцию снижать

достоверность информации. Британский посол в Париже докладывал о признаках идущих между немцами и русскими переговоров 7 июня. Британский посол в Берлине упомянул в депеше от 13 июня, что, по его мнению, «немцы добрались до Сталина». А 16 июня Кордт сообщил Ванситтарту, что получил информацию «из надежного источника».

В заявлении, сделанном под присягой после войны, Галифакс подтвердил, что он получил информацию, которую Кордт передал Ванситтарту. Но, учитывая общее положение дел, и особенно заверения русских об их стремлении достигнуть соглашения с Францией и Британией, больше внимания было уделено другой части информации Кордта, касавшейся предостережений в связи с польскими гарантиями. Кордт внушил своим британским друзьям, что польские гарантии не сдержали Гитлера, который считает их провокацией. Это, по мнению влиятельных немецких друзей Кордта, может заставить Гитлера ускорить события. Поэтому необходимо, объяснил Кордт, по мнению его друзей в немецком Генеральном штабе, министерстве иностранных дел и среди лидеров оппозиции, избегать всего того, что могло бы спровоцировать Гитлера вести войну. Однако Кордт не привел никакой убедительной альтернативы, не высказал мнение, что предпримет Гитлер, если британцы аннулируют гарантии и будут сдерживать поведение поляков. Теперь-то нам известно, что планировал Гитлер; но знал ли это фон Вайцзеккер, знал ли Кордт? Действительно ли они верили, что судьба плана «Вайс» зависела от польской «провокации»? Можно только выразить симпатию скептицизму и неприязненному отношению Ванситтарта к миссии Кордта.

Однако она имела катастрофические последствия. Дело в том, что Кордт, приехавший сразу после Тротта, кажется, еще больше усилил колебания британцев и

французов относительно подкрепления гарантий. Одно следствие этих колебаний можно было видеть уже в переговорах с польской миссией по техническим и финансовым вопросам, прибывшей в Лондон за несколько часов до Эриха Кордта. Поляки хотели договориться о немедленных поставках материалов и значительных кредитах. Только в реакции британцев никакой срочности не ощущалось. Самолеты, о поставках которых в конце концов договорились, так и не прибыли в Польшу вовремя, кредиты были жестко урезаны. Поляки запросили вначале 56 млн фунтов стерлингов, а договорились только на 8 млн. Вопрос о немедленной военной помощи полякам, если они подвергнутся нападению, вообще не рассматривался, хотя польская делегация упорно настаивала на его прояснении.

Более того, начальники штабов решили внести полную ясность в этот вопрос перед комитетом имперской обороны. В начале июля они доложили комитету, что судьба Польши должна зависеть от конечного исхода войны, а это будет зависеть от способности союзников нанести поражение Германии в долгосрочной перспективе, а не от ослабления давления на Польшу в самом начале войны. Начальники штабов понимали: кое-что все же можно было бы сделать, чтобы помочь полякам косвенно – нанесением воздушных ударов по Германии. Однако это, утверждали они, поднимает все вопросы, связанные с принятой политикой в отношении бомбардировок, и они продолжали рассматривать альтернативы. Это и ограниченные воздушные нападения на немецкий военно-морской флот и другие, безусловно, военные цели, и принятие политики «снятых перчаток» с самого начала и нанесения ударов по немецкой военной машине, что нанесет Германии огромный вред, хотя и будет стоить жизни множеству мирных жителей.

В конечном счете начальники штабов отвергли все без исключения варианты, которые могли бы привести к эффективной помощи полякам, так как они вызвали бы со стороны Германии опасные ответные удары по городам и промышленным объектам союзников и, более того, вызвали бы отчуждение нейтралов. Ни в одном месте представленного меморандума начальников штабов не говорилось о возможных преимуществах для союзников принуждения Гитлера к войне одновременно на двух фронтах, и рассматривались «паникерские» источники, на сведениях которых можно было принять решение в пользу длительной войны ценой игнорирования судьбы Польши.

Комитет имперской обороны одобрил доклад «как основу для переговоров с французами и поляками», которых, говоря словами официального историка, «было важно удержать от „импульсивных действий“, которые могли дать Германии оправдание для мести без разбора». Французы, ознакомившись с выводами британцев, с большим облегчением одобрили их и заверили, что будут проводить только самые ограниченные операции на суше и в воздухе. Было решено, что «в качестве немедленного шага Польша должна быть проинформирована о тех ограничениях, которых будет придерживаться Франция».

С польским правительством не посоветовались и не сообщили ему в конкретной форме, что Запад не окажет Польше никакой военной помощи, если она подвергнется нападению первой. Вместо этого было решено послать в Варшаву генерала сэра Эдмунда Айронсайда, который вскоре должен был стать начальником имперского генерального штаба, чтобы встретиться с польскими военными и выяснить их планы и намерения. Айронсайду не дали указаний проинформировать поляков о меморандуме британских штабистов и о его одобрении французами.

Он отправился на Даунинг-стрит 10 июля, через шесть дней после принятия решения об отправке его в Варшаву, чтобы получить указания от премьер-министра и министра иностранных дел. Чемберлен сказал ему, что правительство понятия не имеет, «что собираются делать поляки», и он хочет, чтобы Айронсайд это выяснил. Он также объяснил свое собственное неоднозначное отношение к Гитлеру. Предприятия Гитлера не имеют смысла; должна быть практическая гарантия, что, если Данциг вернется к Германии, поляки будут иметь те же права, что теперь. «Союзникам следует придумать какую-нибудь гарантию, которая свяжет Гитлера». Но потом британский премьер выразил уверенность, что Гитлер обладает острым политическим чутьем и не желает войны, а уже через несколько минут заговорил о войне как о неизбежности. Зато относительно русских у него не было никаких сомнений: Британия может сделать только одно – прийти к соглашению с Советским Союзом.

Следующий день Айронсайд посвятил изучению последних документов, касающихся обмена мнениями между британскими и французскими штабами, и, к своему удовлетворению, выяснил, что не будет поспешного наступления на линию Зигфрида и что другие формы оказания помощи, например воздушные налеты, начнутся нескоро. «Я должен убедить поляков, что поспешность против них», – записал Айронсайд в своем дневнике 13 июля; 17-го Айронсайд вылетел в Варшаву с намерением узнать, что планируют делать поляки, или сказать им, что планируют делать союзники. Уже во вторник, 18 июля, он имел первую встречу с польским главнокомандующим маршалом Эдвардом Рыдз-Смиглы.

После встречи Айронсайд телеграфировал своему правительству в Лондон следующее: он убежден, что поляки не сделают ничего поспешного в военном

смысле; их военные усилия поразительны; Британии не следует ставить так много ограничительных условий для оказания финансовой помощи полякам, да и «времени очень мало». Он также добавил, что поляки достаточно сильны, чтобы оказать сопротивление, если подвергнутся нападению.

В Варшаве Айронсайду пришлось трудно. Он обнаружил, что ни французы, ни британцы не сообщили полякам суровую правду о своем предполагаемом дезертирстве. Французы лгали полякам, заверяя их, что начнут контрнаступление против Германии, если Польша будет атакована. Вряд ли он почувствовал себя спокойнее, вернувшись в Лондон 24 июля и встретившись с военным министром Хор-Белишей, который собирался присутствовать на совещании комитета имперской обороны, где намечалось обсуждение польского вопроса. Айронсайд был поражен «удивительной неосведомленностью о Польше» на столь поздней стадии работы над проблемой, а также тем, что не было даже попыток воспользоваться сведениями, которые он привез из Польши, перед совещанием комитета.

Следующие три дня Айронсайд посвятил изучению документов и планов, разработанных британскими и французскими штабами. Французы отказались от каких-либо мыслей о наступлении и против линии Зигфрида, и против итальянцев. Затем Айронсайд отправился к Хор-Белише, желая сообщить ему, что нет никаких планов и немцам предоставлена свобода отправить в нокаут Польшу и Румынию. Айронсайд был подавлен мыслями, что премьер-министр скроен не для войны и, по мнению Айронсайда, является пацифистом в сердце с «твердой верой, что Бог избрал его в качестве инструмента для предотвращения надвигающейся войны».

Айронсайд, вероятно, вспоминал генералов и авиационных маршалов союзников, которые были

немногим лучше и почти не отличались от премьер-министра. Однако и немцы не были осведомлены относительно маневра союзников при розыгрыше польской карты. Немцев все еще сильно беспокоила перспектива войны на два фронта – и на это у них были все основания, – и они всячески старались устранить эту пугающую перспективу. В конце июля на одном из скучных приемов в Берлине Геринг сам взялся за дело. И снова выбранным посредником должен был стать умный и понимающий Поль Стелен.

Послушав некоторое время скучные светские разговоры, вспоминает Стелен, Геринг отвел его в сторону и пригласил Боденшатца присоединиться к ним. Геринг хотел знать, когда французский посол вернется из летнего отпуска. Стелен ответил: примерно в середине августа. «Это будет слишком поздно, – заметил Геринг. – Кулондр должен быть в Берлине; что-нибудь может случиться в любой день». Затем Геринг стал внушать Стелену, что французскому премьеру необходимо срочно сообщить о возможных событиях: он должен сообщить Даладье, чтобы Франция не брала на себя никаких рискованных обязательств в отношении Польши, – в течение трех или четырех недель она может оказаться втянутой в кризис куда более опасный, чем предмюнхенский кризис в сентябре.

Геринг распорядился немедленно вернуть Стелену реквизируемый у него ранее личный самолет, чтобы он мог вылететь в Париж с этим сообщением. Боденшатц, провожая Стелена, добавил личное предостережение: к 1 сентября Германия будет в состоянии войны с Британией и Францией, «если союзники не проявят такого же понимания, как в Мюнхене». Через три дня, 31 июля, Стелен уже летел в Париж.

Уже на следующее утро Стелен прибыл к командующему французскими ВВС генералу Вюймену.

Он подробно изложил содержание разговора с Герингом и Боденшатцем, сообщил свое личное впечатление о ходе немецкой мобилизации и высказал убеждение, что она завершится к середине августа; от себя Стелен добавил, что немцы, вероятнее всего, нападут на Польшу в течение четырех недель.

Вюймен не согласился. Французское правительство располагает менее пессимистичными данными, ответил он Стелену; оно подготовилось «ко всем возможным случайностям». Но не в этом суть, возражал Стелен. Вопрос в том, можно ли точно сказать Гитлеру, что предпримут союзники на западе, если Германия нападет на Польшу. Это – единственная надежда спасти мир и Польшу. По мнению Стелена, немцы, вероятно, были так же хорошо информированы относительно намерений англичан и французов, как и относительно своих планов^[14]. Гитлер все равно узнает, что французы намерены ничего не делать. После этой бесполезной встречи с Вюйменом у Стелена состоялась такая же встреча с министром авиации Ги ла Шамбром, обмен мнениями с которым оказался еще более разочаровывающим. Затем он возвратился в Берлин. Это была исключительно показательная интерлюдия в предвоенной дипломатической игре.

Зачем Герингу понадобилось вмешиваться таким образом? Он сделал это с целью предотвратить войну или желая увериться в том, что французы будут вести себя спокойно в случае нападения Германии на Польшу? Действовал ли он в сговоре с Гитлером, чтобы отпугнуть французов и британцев от польского фронта, или проводил самостоятельную внешнюю политику? Легче ставить такие вопросы, чем отвечать на них, но многое зависит от правильного понимания того, что происходило во время этих бесед.

Центральным фактом являлось то, что во главе на первый взгляд монолитной немецкой военной машины, с

наводящими ужас гестапо и службой безопасности Гиммлера, однопартийным государством, строго контролируемой прессой и отсутствием привычных демократических принципов, находились личные отношения между лидерами, граничившие с анархией. Интриги и соперничество определяли жизнь Риббентропа и Розенберга, Геринга и Геббельса, Гесса и Гиммлера, каждый из нацистских лидеров проводил свою независимую политику, направленную на укрепление собственного положения. Не лучше была ситуация и в вооруженных силах: генералы были озлоблены и расколоты, а в некоторых важных случаях даже проявляли пораженческие настроения. Контрразведывательные органы возглавлялись офицерами, настроенными против Гитлера, желавшими его смещения и находящимися в контакте с союзниками и некоторыми нейтралами.

Однако сила Гитлера заключалась в том, что в этот решающий момент в конце июля все его министры и старшие офицеры хотели того же, хотя и по разным соображениям. Никого из них не беспокоило предстоящее уничтожение польского государства. Их всех (кроме Гитлера) тревожила угроза англо-французского вторжения; они боялись его «ради Германии» и не могли представить себе Германию, ведущую успешную войну на двух фронтах. На том приеме, где присутствовал Стелен, Геринг был их представителем. Единственным способом сохранения мира было принесение в жертву Польши, примерно так же, как Чехословакия была принесена в жертву год назад. Однако Геринг выразил эту позицию более отчетливо. На карту будет поставлено само существование Британии и Франции, если они придут на помощь полякам. Геринг предостерегал французов, потому что, в отличие от Гитлера, немцы еще не были убеждены, что британцы и французы ничего не сделают

для помощи Польше. И главной причиной этих сомнений было знание, что у союзников на западе будет огромное военное превосходство, пока немцы занимаются польской кампанией.

Итак, немцы ехали в Лондон и Париж; иногда с лучшими намерениями, иногда – с худшими; они приезжали один за другим, чтобы отговорить британцев и французов от вмешательства в дела своего польского союзника. Речь идет о Тротте и Кордте, Геринге, Боденшатце и многих других. Они не знали, что Гамелен и Горт гораздо эффективнее проводили в жизнь курс, благоприятный для Германии, и то же самое делали министры авиации Британии и Франции. Немцы ломались в открытые двери. Не зная всего о намерениях союзников, немцы были охвачены неуверенностью. Все признаки указывали на бездействие союзников, кроме одного – их впечатляющего военного и экономического потенциала. Немцы не могли поверить, что он не будет использован, когда они нападут на поляков.

Геринг, фон Вайцзеккер и все другие хотели увериться в бездействии союзников; они боялись, что война против Британии и Франции завершится сокрушительным поражением Германии^[15]. Только они напрасно беспокоились; ни Чемберлен, ни Даладье не были готовы воспользоваться возможностью, которую предоставил им Гитлер. Они попросту ее не заметили. Не только два правительства, но также их командующие и начальники штабов не знали истинного положения дел^[16]. Хуже того, они думали, что знают. Чемберлен и Даладье не хотели войны и верили, что Гитлер не хочет развязывать войну. Их взгляды подкреплялись взглядами военных советников, настаивавших – опять-таки из-за незнания подлинных намерений немцев и внушенного себе страха перед военной мощью Германии – скорее на политике невмешательства в польский конфликт, чем вовлечении в него.

Это были критические часы для Гитлера. Он не хотел повторить ошибку, допущенную кайзером в 1914 году, и неправильно понять намерения англичан. Он неоднократно заявлял генералам и Риббентропу, что Британия не станет вмешиваться, если он применит силу против поляков, а без одобрения англичан, он был уверен, французы не предпримут никаких враждебных действий. Час принятия решения приближался, и поступали все новые подтверждения правильности его позиции – а самое убедительное подтверждение поступило от немецкого посольства в Лондоне, от посла, которого история, так же как его подчиненные, в то время считала незначительной фигурой. Однако посол Дирксен в политику не играл; он не стремился повлиять на Гитлера. Он был лишенный воображения, но компетентный профессиональный дипломат, который докладывал то, что видел. Его донесения дали Гитлеру дополнительную уверенность, в которой он нуждался; они дополнили информацию Селиго из Лондона.

10 июля 1939 года Дирксен послал в Берлин политическое донесение о «сгущении атмосферы в Англии». Донесение было опубликовано немцами после начала войны как часть своей «Белой книги», в которой пытались выставить разжигателями войны британцев, французов и поляков. Но самый важный отрывок донесения Дирксена, который, вероятно, оказал самое большое влияние на фюрера, в немецкой публикации был опущен. Дирксен писал: основное различие в настроениях англичан в сентябре 1938 года, во время Мюнхена, и теперь, в середине лета 1939 года, заключалось в том, что в сентябре 1938 года «народные массы были пассивны и не желали воевать», теперь же они захватили инициативу и требуют, чтобы правительство заняло твердую позицию и боролось. Какой бы неприятной ни была реальность, Германии следует считаться с ней, особенно в такой стране, как

Британия, где «общественное мнение играет столь решающую роль».

Затем следует подвергшаяся цензуре часть депеши Дирксена, вывод, который не был опубликован немцами. Было бы, однако, ошибкой, продолжал Дирксен, видеть в таком состоянии британского общественного мнения неизбежность войны. Общественное волнение уляжется, как только спокойная атмосфера в Англии «позволит более беспристрастно оценить немецкую точку зрения». «Зачатки» такого изменения уже появились, писал Дирксен. «Внутри кабинета и узкой влиятельной группы политиков заметно желание перейти от негативной политики окружения к более конструктивному отношению к Германии... Личность Чемберлена служит определенной гарантией того, что политика Англии не будет передана в руки бессовестных авантюристов».

Спустя две недели Дирксен представил еще более обнадеживающие сведения в сообщении о беседах доктора Гельмута Вольтата, эмиссара ведомства Геринга по осуществлению «четырёхлетнего плана», с Робертом С. Хадсоном, министром по делам заморской торговли Великобритании, и Горацием Вильсоном, высокопоставленным чиновником британского правительства, ближайшим советником Чемберлена по взаимоотношениям с Германией. Встреча состоялась 18 июля. Дирксен подчеркнул нежелание англичан втягиваться в польский конфликт. Сэр Гораций Вильсон предложил, по словам Дирксена, чтобы целью их переговоров было широкое англо-германское соглашение по всем важным вопросам, «как это первоначально предусматривал фюрер». Это отодвигало на задний план Данциг и Польшу. «Сэр Гораций Вильсон определенно сказал герру Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши, и

польская проблема утратила бы значительную часть своей остроты».

Однако действительно хорошие для Гитлера новости были еще впереди. Сэр Гораций сообщил Вольтату, что правительство Чемберлена предполагает провести новые выборы этой осенью^[17]. Чемберлен чувствовал свою силу и был уверен в своей победе, независимо от того, под каким лозунгом пройдут выборы – готовности к войне или долгосрочного мира и понимания с Германией. Сэр Гораций заверил герра Вольтата, что Чемберлен, естественно, предпочитает мир.

В личном докладе Герингу Вольтат более подробно остановился на взглядах, высказанных Вильсоном, который, по мнению немецкого посла, был единственным человеком из всех, с кем Вольтат вел переговоры, чьи взгляды действительно имели значение при оценке позиции Англии. Вольтат сообщил, что Гораций Вильсон пришел на переговоры с целью восстановления дружественных отношений с Германией, подробности которых были подробно изложены в «Программе германо-британского сотрудничества». Сэр Гораций подчеркнул, что их переговоры «должны быть сохранены в тайне». Сначала следует договориться только Британии и Германии; Франция и Италия подключатся позже. Переговоры должны вестись «самыми высокопоставленными лицами», докладывал Вольтат, очевидно подчеркивая, что эти переговоры расценивались совершенно иначе, чем переговоры в Москве, где они велись без участия «высокопоставленных лиц».

Задавшись вопросом, не слишком ли он оптимистичен, Вильсон перешел к оценке личности Гитлера, сообщил далее Вольтат. Вильсон сказал, что имел возможность понаблюдать за Гитлером и думает, «что фюрер как государственный деятель в борьбе за мир мог бы добиться еще больших успехов, чем те,

которых он уже добился в строительстве великой Германии». Он верил, что Гитлер хочет предотвратить мировую войну из-за Данцига. Поэтому, «если политика великой Германии в отношении территориальных притязаний *приближается к концу своих требований*» (курсив мой. – Д. К.), фюрер мог бы теперь перейти вместе с правительством Британии к поискам путей для этого. Тогда Гитлер вошел бы в мировую историю как один из величайших государственных деятелей и в то же время произвел бы революцию в мировом общественном мнении в отношении Германии. Вильсон добавил, что Чемберлен готов выступить с аналогичной декларацией намерений. Было, однако, важно, чтобы подобные англо-германские переговоры «не дошли до сведения лиц, принципиально враждебных к идее взаимопонимания». Если бы англичане и немцы провели такие переговоры с умением и осторожностью, они могли бы реализовать «одну из величайших политических комбинаций, какую только можно себе представить».

Вильсон, разумеется, подчеркнул, что альтернативой соглашению будет война. Однако речь шла о войне в самых общих чертах. На протяжении всех переговоров с Вольтатом и Дирксом ни разу не говорилось о прямой помощи Британией Польше^[18].

Между тем на фоне всего прочего, о чем говорил Вильсон – в том числе и о возможных выборах осенью, – все это не звучало как мобилизация к войне, и Дирксен еще раз вернулся к этому вопросу в донесении от 1 августа. В нем были отчеты о беседах с британскими политиками, выступающими за урегулирование с Германией, и Дирксен сделал вывод, что усиливается впечатление о необходимости достигнуть соглашения с Германией в ближайшие недели, «чтобы можно было определить предвыборную политику». Существовала надежда, что летние каникулы в парламенте создадут

более спокойную обстановку, необходимую «для оформления программы переговоров с Германией, которая имела бы шансы на успех».

Через два дня, 3 августа, Дирксен вновь встретился с Горацием Вильсоном. На этот раз их беседа имела особую важность, поскольку велась с большей, чем обычно, откровенностью. Сэр Гораций Вильсон развил ранее высказанную мысль, что англо-германское соглашение освободило бы Британию от ее обязательств в отношении Польши, Турции и других стран, что это обуславливалось бы включением в соглашение отказа от агрессии против третьих сторон. Поскольку такое заявление устраняло угрозу агрессии, не было необходимости в предоставлении им гарантий. Затем Вильсон подробно остановился на вопросах ведения переговоров и обеспечения безусловной секретности, что было необходимо для их успеха, после чего он перешел к наиболее важному аспекту беседы. Он заявил Дирксену, что, «по имеющимся у английского правительства сведениям (обратите внимание на дату этой беседы – 3 августа. – *Авт.*), Германия в ближайшее время собирается призвать под ружье 2 миллиона солдат и провести на границах Польши масштабные маневры с участием огромного количества самолетов».

Дирксен ответил, что крупные маневры, запланированные немцами, «никоим образом не сравнимы с военными мероприятиями, осуществляемыми другими державами». Поляки мобилизовали 1 млн человек, которые развернуты у немецкой границы («сэр Гораций усомнился в том, что было мобилизовано такое большое число поляков, но ничего не возразил против цифры 900 000»); вооруженные силы Британии – сухопутные, морские и воздушные – были «более или менее мобилизованы»; Франция также осуществила обширные мобилизационные меры, утверждал Дирксен. Поэтому

немцы не могли «изменить свои планы или отменить маневры». Вильсон заверил Дирксена, что имел в виду не это. Все, что он просил, заключалось в том, чтобы маневры проводились в обычном для условий мирного времени порядке. Сэр Гораций выделил три вопроса, по которым английское правительство хотело бы получить разъяснение относительно политики Германии: какие указания даст Гитлер для развития более тесных экономических связей, которые обсуждались с Вольтатом; будет ли Гитлер в состоянии гарантировать, что международная обстановка не ухудшится в ближайшие недели; как Гитлер даст знать о «своем решении взять на себя инициативу в создании атмосферы, в которой программа переговоров может быть рассмотрена с перспективой на успех».

Поэтому не следует удивляться, что предупреждения, высказанные генералом Айронсайдом в Варшаве, когда он заявил немцам, что Британия намерена быть наготове, чтобы помочь Польше, были восприняты нацистами с изрядной долей скептицизма. Это был не первый пример, с которым немцы столкнулись в данном контексте, двойственности англо-французской политики. Несколько недель ранее произошел любопытный эпизод, когда Риббентроп назвал блефом заявление Боннэ. Однако тон, который немцы приняли по отношению к французам, был совершенно иным, чем тон слащавой корректности, характерный для переговоров Вольтата в Лондоне. Обмен мнениями с французами начался с ноты французского правительства, которая была вручена немецкому послу в Париже 1 июля министром иностранных дел Франции М. Боннэ. В ней делалась ссылка на переговоры, которые Боннэ вел с Риббентропом во время его визита в Париж в декабре 1938 года. Далее в решительной форме говорилось, что Боннэ счел своим долгом «определенно заявить, что

любая акция, в любой форме, которая будет иметь тенденцию изменить статус-кво Данцига и тем самым спровоцировать вооруженное сопротивление Польши, приведет в действие франко-польское соглашение и обяжет Францию оказать Польше немедленную помощь».

Ничто не могло быть более ясным, более твердым, более обманчивым и лживым с точки зрения истинных намерений Франции. Это стало очевидно уже из того, как Боннэ отверг во время визита польского военного министра в Париж в мае предложенную генералом Гамеленом ограниченную операцию. Что же тогда заставило Боннэ внезапно сделать такой неожиданно провокационный шаг? Для того чтобы произвести впечатление на Риббентропа и немцев? Боннэ был не настолько глуп. Или для того чтобы вызвать реакцию немцев, которую Боннэ, должно быть, предвидел? Может, он на самом деле искал новые аргументы, чтобы использовать их против новых предложений о прямой французской помощи полякам в случае военного конфликта с Германией? Ответ мы получим при рассмотрении последовавших далее событий.

Риббентроп заранее знал об этой ноте (не было ли это частью сценария Боннэ?) и предупредил немецкого посла в Париже барона фон Вельчека о том, что он должен сказать Боннэ, когда тот вручит ему документ. Позже Вельчек доложил Риббентропу, что ему представилась возможность довольно подробно изложить Боннэ ответ и предостеречь Боннэ относительно «катастрофической политики, в которую, очевидно, Франция позволяет себя втягивать, следуя за британцами, при самых неблагоприятных условиях». Немец также заявил, что ему удалось представить военную и экономическую мощь Германии в самом выгодном свете.

Но это было только началом подготовленного диалога. 13 июля, как раз когда Вольфганг готовился к другой миссии в Лондоне, Риббентроп написал личное письмо Боннэ в Париж, в качестве ответа на официальную ноту от 1 июля. Он также напомнил об их парижской встрече в декабре. Боннэ тогда говорил ему, что Мюнхенская конференция коренным образом изменила отношение Франции к Восточной Европе и впредь Франция будет признавать, что Восточная Европа находится в «сфере интересов Германии». Этой позиции Германия придерживается и теперь. Политика Германии на востоке не касается Франции; «соответственно, правительство рейха не считает себя обязанным обсуждать с французским правительством вопросы германо-польских отношений, и еще меньше – признавать за Францией право оказывать какое-либо влияние на вопросы, связанные с определением судьбы немецкого города Данциг». А на тот случай, если кто-либо из коллег Боннэ все еще сомневается, Риббентроп добавил, что «на нарушение территории Данцига Польшей или на любую провокацию со стороны Польши, которая несовместима с престижем германского рейха, последует ответ в виде немедленного германского вторжения и уничтожения польской армии».

Боннэ получил ответ, какой хотел. Однако игра еще не закончилась. 25 июля, когда у него уже не могло быть никаких сомнений относительно нежелания Франции открыть второй фронт ради Польши, Боннэ ответил Риббентропу личным письмом. Оно было составлено в еще более сильных выражениях; в нем подчеркивалось, что честь Франции обязывает ее прийти на помощь Польше, особенно в связи с проблемой Данцига. Если поляки видели это письмо – а Боннэ наверняка позаботился, чтобы они увидели его, – они должны были прийти в восторг и испытать немалое облегчение. Аналогичные чувства оно вызвало и у Гитлера. Только по

другим основаниям. Через эту личную переписку с Риббентропом Гитлер передал Боннэ инструмент и нужные ему обоснования, чтобы быть уверенным: не будет никаких эффективных акций французов для оказания помощи полякам.

Однако политики и дипломаты не были одиноки в своем самодовольном неверии в перспективу скорой войны. Генерал Дилл, начальник учебного центра Олдершот, один из способнейших английских генералов, самый вероятный претендент на должность командующего британскими экспедиционными силами в случае войны, 31 июля посетил генерала Кеннеди в военном министерстве. Они беседовали о перспективе войны. Дилл считал маловероятным, что Гитлер решится на войну с Британией из-за его континентальной политики. Опасность заключалась в том, что, «играя слишком близко к краю пропасти», он мог соскользнуть вниз.

Однако Гитлер, как мы увидим, этого не боялся. Несмотря на предостережения со стороны большей части своих советников, генералов, разведки и отдельных «миротворцев» из немецкого министерства иностранных дел и Генерального штаба, Гитлер придерживался своей точки зрения, что ни англичане, ни французы не придут на помощь полякам. Почему Гитлер был так уверен, идя на риск в то время, когда мог потерять все, пребывая на пике власти? После вступления в войну с Польшей в первые три-четыре недели все будет против него, и он лишится всего, если англичане и французы предпримут контрнаступление против его ослабленной обороны на западе.

Глава 4

«Но вы же хозяева положения»

Черчилль прибыл в Париж утром 14 августа в сопровождении генерала Спирса. Они были гостями заместителя главнокомандующего генерала Жоржа и имели целью ознакомиться с французской обороной на линии Мажино. Проезжая через Булонский лес, чтобы позавтракать в спокойной обстановке, они еще не знали, что в это время Гитлер инструктировал своего главнокомандующего генерала Браухича и начальника штаба генерала Франца Гальдера о дальнейшем ходе событий и характере, который он намеревался им придать. Однако, даже не присутствуя на этом совещании в кабинете Гитлера в Оберзальцберге, и Черчилль, и Жорж были уверены, что война уже на пороге, если только союзники еще раз не капитулируют по всем пунктам немецких требований. Они оба считали, что передышка после Мюнхена была с выгодой использована немцами; особое впечатление на них производили доклады о крепости немецкого Западного вала – линии Зигфрида вдоль французской границы.

16 августа Черчилль встретился с Гамеленом, который в это время руководил маневрами в Эльзасе, и через десять дней вернулся в Париж с чувством значительного облегчения после ознакомления с французской обороной и, еще больше, с общим моральным состоянием французских вооруженных сил. В Париже Черчилль пригласил генерала Жоржа на завтрак. Французский командир явился, захватив с собой полный обзор обстановки: он подробно охарактеризовал развертывание французских и немецких армий и дал оценку боевых возможностей дивизий.

Мы теперь знаем, что разведывательные данные, которыми располагал генерал Жорж, о вале Зигфрида и еще более о размещении там немецких войск сильно преувеличивали фактические силы немецкой обороны в то время. Но даже при этом Черчилль был потрясен. «Но вы же хозяева положения», – сказал он Жоржу.

Французы и в самом деле были хозяевами, тем более если основываться на цифрах, которые поразили Черчилля. Они численностью превосходили немцев на Западном фронте по всем статьям. У них было в пять раз больше солдат, чем у немцев на западе; французы были лучше обучены и значительно лучше оснащены и обеспечены. Они имели значительное превосходство в бронетанковых войсках, поскольку у немцев на западе танков не было. Французы (вместе с британцами) имели существенное преимущество в воздухе и на море. В течение трех недель сентября ворота в Германию оставались открытыми для французских армий, британской авиации и военно-морского флота.

Накануне войны Франция имела около 6 млн человек, годных для военной службы, из них больше миллиона «цветных» солдат. 5 млн человек (включая полмиллиона «цветных») прошли двухгодичную подготовку и были откомандированы: 2 млн 800 тысяч человек – в боевые части, 1 млн 925 тысяч человек – в местную оборону; остальные не были распределены^[19]. Значительная часть этой огромной людской силы была мобилизована в течение лета и находилась на наиболее уязвимых участках обороны. Но даже при этом французское высшее командование, не дожидаясь начала войны, начало серьезную мобилизацию.

Французская система формальной мобилизации шла поэтапно, что, по сути, привело к мобилизации трех четвертей всех мужчин, подлежащих призыву, еще до начала всеобщей мобилизации. Она была объявлена в августе 1939 года. Первый из четырех этапов

осуществлялся в течение лета. На этом этапе 1, известном как этап *alerte*, «боевой готовности», были призваны резервисты для укомплектования основных подразделений 49 специальных крепостных батальонов и 43 специально отобранных артиллерийских частей. Этот этап подготовил страну к дальнейшим этапам.

21 августа Гамелен информировал Хор-Белишу, что во Франции идет мобилизация. В этот день была приведена в действие система противовоздушной обороны; на следующий день, 22 августа, началось осуществление этапа 2, известного как этап *alerte renforcée*, «усиленной боевой готовности». Эти меры в основном носили формальный характер. Войска уже находились на своих местах. И сразу последовал этап 3 со специальными мерами по обеспечению безопасности Парижа и наиболее уязвимых ворот во Францию на северо-востоке и юго-востоке страны. Были завершены мероприятия и по противовоздушной обороне. 24 августа начался четвертый этап – *couverture*, прикрытие. Сначала он велся только в прифронтовых районах, а 26 августа распространился на всю территорию Франции.

После оккупации Парижа, когда немцы получили возможность изучить соответствующие французские документы, немецкая разведка отмечала, что французская мобилизация значительно опередила немецкую и фактически была завершена заранее. К 26 августа французы фактически мобилизовали три четверти всех своих вооруженных сил, всего 72 дивизии, при этом еще не объявив всеобщую мобилизацию. Это они сделали 1 сентября. После завершения мобилизации французы сформировали на территории французской метрополии 99 дивизий и собрали 11 тысяч артиллерийских орудий. Вооруженные силы Франции имели 3286 танков, из них 600 устаревших легких танков «Рено FT»^[20].

В официальных французских оценках фактического состояния военно-воздушных сил того времени, составленных министрами и старшими офицерами и представленными в первую очередь суду в Риоме, который должен был установить вину Народного фронта в поражении Франции, было много путаницы и противоречий. Мало пользы принесли и данные немецкой разведки, поскольку в них также завышалась фактическая численность доступных и годных к эксплуатации французских самолетов. По состоянию на 1 сентября у Франции фактически было 463 боевых самолета-бомбардировщика, хотя и не самых современных, и 634 боевых истребителя. Для полноты картины к этому мы должны добавить 566 английских бомбардировщиков и 608 истребителей, что в целом составляло примерно 2200 бомбардировщиков и истребителей против 3600 немецких боевых самолетов, из которых, однако, 2600 были заняты в операциях против Польши.

Из всего изложенного выше можно сделать следующий вывод: эта огромная сила была собрана и готова к действиям уже к концу первой недели сентября. Даже если мы будем считать только то, что было мобилизовано к 26 августа, все равно получается 72 дивизии, 8000 орудий, 2500 танков и 2000 боевых самолетов; 4 млн солдат находились на позициях, тех самых солдат, которых Черчилль назвал «хозяевами положения». С каким противником они могли встретиться утром 9 сентября, через 14 дней после мобилизации? С каким сопротивлением могли столкнуться, если бы перешли в наступление на немецкие позиции, чтобы облегчить натиск на поляков?

Спустя много месяцев размышлений, страха и усилий разведки, британские и французские союзники оказались наконец лицом к лицу с немецкой действительностью. Однако «психологическая

преграда» все еще давала о себе знать. В «Разведывательном бюллетене» Второго бюро от 9 сентября приводились последние данные французской разведки о немецких силах на Западе. Второе бюро сообщало, что вдоль Западного вала немцы разместили 43 дивизии, причем оно установило точное местоположение и идентифицировало 26 из них. Несколько раньше, в самом начале военных действий, Второе бюро сообщало, что Германия мобилизовала 135 дивизий^[21], а также приписывало немецким военно-воздушным и бронетанковым силам значительно большее количество самолетов и танков, чем их было в действительности.

В то утро 9 сентября, в субботу, когда французская разведка разослала армейским командирам и правительству свою пересмотренную оценку сил противника, начальник штаба сухопутных сил Германии генерал-майор Франц Гальдер получил от своего шефа разведки адмирала Канариса доклад о том, что французы собираются начать наступление на Саар. Он подготовил подробную карту обстановки на Западном фронте для представления Гитлеру. Гальдер начал тревожиться. Обратившись к подготовленной Гальдером карте, нам тоже легче понять недоумение Гальдера, чем пассивность французов на западе, тем более что карта была дополнена данными о фактическом составе и численности французских войск на границе с Германией.

Против 4,5 млн французов немцы выставили около 800 тысяч солдат; однако приблизительно половина из них находилась в процессе сосредоточения или на пути к фронту. Изучая карту обстановки в тот день, Гальдер начал осознавать всю чудовищность риска, на который шел Гитлер, и смысл его утверждения, что риск – неизбежная часть их оперативного плана.

В целом картина выглядела несколько лучше, чем в самом начале войны, но все еще была далеко не обнадеживающей, и Гальдер с тревогой осознавал, что его пометки на карте вряд ли отражали подлинную обстановку на местности. Так, 72 французским дивизиям, элите французских вооруженных сил, противостояла немецкая группа армий «С» под командованием фон Лееба, выдающегося немецкого генерала, имевшего репутацию специалиста по обороне. В начале войны он принял командование от генерала фон Витцлебена в его штабе во Франкфурте, и после отъезда фон Лееб считал необходимым лично ознакомиться с обстановкой на месте. По мнению Витцлебена, положение дел было таково, что если французы предпримут наступление, то они прорвутся через немецкие оборонительные линии ^[22].

После осмотра своих войск и системы обороны фон Лееб понял, что Витцлебен ничего не преувеличил. И 2 сентября он послал специального курьера в Берлин к генералу фон Браухичу со строго конфиденциальным донесением о тревожном состоянии дел на его фронте, особенно на том участке, который охватывает возможные пути наступления союзников через Бельгию и Голландию. Он сообщал, что у него всего две дивизии Landwehr – ландвера (части местной обороны), один кадровый полк и две дивизии пополнений, которые еще надо было обучить. Имелись еще некоторые части пограничных войск безопасности.

Положение было таково, что одной из дивизий местной обороны, 225-й, пришлось занять оборону на фронте протяженностью 50 миль, а двум необученным дивизиям – на участке протяженностью 80 миль. Лееб не мог себе представить, чтобы французы не воспользовались столь благоприятными условиями, и поэтому настоятельно просил срочных дополнительных резервов, тем более что им потребуется не менее шести

дней, чтобы добраться до оборонительных рубежей. Лееба в первую очередь тревожили вероятность французского наступления и очень небольшие шансы на его остановку на немецкой границе. О дальнейших перспективах он даже не думал.

Прошла уже неделя после обращения Лееба, когда Гальдер 9 сентября подготовил свою карту обстановки. У армии фон Лееба до сих пор не было ни одного танка и имелось только несколько самолетов. По крайней мере, на бумаге он имел в своем распоряжении 15 кадровых дивизий; они подкреплялись 11 дивизиями ландвера, укомплектованными главным образом солдатами, которым было уже за тридцать, и офицерами, ветеранами Первой мировой войны. Еще у него было 7 дивизий, состоявших только из частично обученных частей пополнения. Армия располагала горючим и боеприпасами в весьма ограниченном количестве. Их, по утверждению генерала Вестфала, не хватило бы и на три дня боевых действий.

Всего генерал Гальдер насчитывал 40 дивизий, которые теоретически были доступны фон Леебу. Однако многим из них все еще требовалось время (неделя или значительно больше), прежде чем они могли быть введены в бой. И Гальдер, пожалуй, отдавал себе отчет в том, что стратегическая угроза была даже более серьезная, чем угроза, создаваемая значительным численным превосходством союзников. Гитлер «положил все яйца в одну корзину» – сосредоточил все свои силы на центральном участке фронта; север и юг оборонялись очень слабо. Такая диспозиция легко могла превратиться в западню для немцев, однако Гитлер оставался уверенным, что наступления союзников не будет.

Таким образом, для обороны северных подступов через Бельгию у фон Лееба была только одна кадровая дивизия и шесть других, не самых лучших

подразделений; три кадровые и семь других, менее боеспособных дивизий прикрывали наиболее уязвимый участок Люксембург – Мозель. Главные силы фон Лееба находились в наиболее подготовленной части линии Зигфрида, на Саарском фронте – вниз к излучине Рейна у Карлсруэ – восемь кадровых дивизий и девять других дивизий. Именно эта, далеко выдвинувшаяся вперед группировка особенно беспокоила Гальдера: ее легко можно было обойти с флангов. Две кадровые дивизии и четыре других подразделения – все, что осталось для прикрытия участка от Верхнего Рейна и Шварцвальда до швейцарской границы у Базеля.

Оказалось, что карта обстановки Гальдера была скорее выражением надежды, чем констатацией фактов по состоянию на утро 9 сентября. Группа армий «С» фон Лееба, как нам известно, не имела ни танков, ни авиации для прикрытия. Минимальное количество боевой авиации было оставлено для обеспечения прикрытия городов Германии от возможных воздушных налетов британской авиации, но едва ли хотя бы какие-то самолеты были доступны Западному фронту.

Такой дисбаланс сил был отражен в цифрах, с которыми генерал Жорж ознакомил Черчилля в Париже 26 августа; и через два дня Черчилль передал их Хор-Белише. Уже 30 августа Хор-Белиша информировал кабинет министров, что, по имеющимся у него данным, на Западном фронте немцы оставили 15 дивизий, 46 дивизий направлены на Польский фронт. Это было довольно точное определение численности немецких войск, которые фактически были готовы для использования в боевых действиях накануне нападения на Польшу, и оно подчеркивает исключительную важность первых дней войны.

Немецкие данные о размере своих сил на западе существенно различались, однако это объясняется разными периодами, которые описывались, но никогда

не конкретизировались. Таким образом, имелась существенная разница между количеством немецких войск на западе в начале войны с Польшей – в первые десять дней сентября, и в конце Польской кампании – в последнюю неделю сентября. Самое большое значение имели первые дни сентября.

На допросе после войны человек, который должен был лучше других знать, что к чему, генерал Йодль, утверждал, что в начале войны на западе было не более 23 немецких дивизий. Генерал Вестфаль, командовавший там резервной дивизией и давший наиболее подробное и убедительное описание состояния фронта, сообщал, что после завершения концентрации войск (он не указал точную дату) у немцев было 8 кадровых и 25 других, в основном посредственных, дивизий для обороны Западного вала – всего 33 дивизии. Британский официальный историк, имевший доступ ко всем возможным источникам информации, пришел к тому же выводу. Генерал фон Манштейн подсчитал, что на западе в это время было 11 кадровых и 36 прочих дивизий (из которых, по его утверждению, 34 дивизии были только частично боеспособны). Однако он, по-видимому, пишет о положении фронта в середине сентября, а не в начале войны.

Тэлфорд Тейлор, один из американских представителей обвинения на Нюрнбергском процессе, основываясь на ранних оценках обстановки, принадлежавших Гальдеру, делает выводы, резко отличающиеся от общепринятых. Он заключает, что, по сути, на Западном фронте сложился баланс сил. Однако в настоящее время, располагая дополнительной информацией, мы можем иметь дело с фактами, а не с абстрактными размышлениями: в первые, решающие недели сентября, как мы увидели, союзники имели превосходство и стратегические возможности, какие

больше никогда не представлялись им в ходе всей войны.

Более того, военное превосходство союзников на западе существенно усиливалось незавершенностью и несовершенством линии Зигфрида. Несмотря на отчаянные попытки в последний момент устранить некоторые наиболее серьезные упущения: отсутствие орудийных башен, защитных жалюзи, пулеметных установок, а также и другого существенного оборудования, основным фактом остается то, что линия, как таковая, была подобием «потемкинской деревни». По крайней мере, так ее описал генерал Вестфаль, когда в начале войны прибыл туда со своей резервной частью.

Западный вал представлял собой любопытную картину. На некоторых ключевых местах его строительство было закончено, например в Сааре. Однако на остальных участках было завершено сооружение только первой линии обороны, да и то не везде. Не предусматривалось никакой системы обороны в глубину; не было соответствующих укрытий для войск на случай воздушного нападения или сильного артиллерийского налета. Даже в августе и сентябре там все еще находилось свыше 150 тысяч строительных рабочих, в основном иностранцев.

У немецкой армии на западе была и другая трудность. Транспортная сеть Германии не могла одновременно удовлетворить потребности для мобилизации войск против Польши и на западе. Приоритет был отдан Восточному фронту, соответственно подразделения и оборудование для Западного фронта существенно задерживались. Так, резервному подразделению генерала Вестфалья потребовалось полных десять суток для сбора и переброски на позицию на линии Зигфрида.

Полковник Герке, глава транспортного отдела Генерального штаба армии, докладывал своим

начальникам, что железные дороги не в состоянии справиться со всеми потребностями; по его подсчетам, с момента мобилизации и до занятия дивизией своих позиций на Западном фронте потребуется 13 суток. Фон Лееб, как мы видели, докладывал Браухичу, что потребуется шесть суток, чтобы дивизия из района сосредоточения достигла фронта.

Зная действительную картину сил, противостоявших друг другу на западе, и те дополнительные преимущества, которые имели британцы и французы, мы можем вернуться к решающим дням августа. Теперь мы завершим наше расследование обстоятельств и ответственностей, которые привели к неспособности англо-французских союзников осуществить сражение, которое покончило бы с войной, а возможно, и с самим Гитлером осенью 1939 года.

Нам следует вернуться к 14 августа, дню, когда Черчилль приехал в Париж на завтрак к генералу Жоржу. Примерно в это же время главнокомандующий немецкими сухопутными силами Браухич, начальник Генерального штаба сухопутных сил Гальдер, командующие военно-морскими и военно-воздушными силами Редер и Геринг и главный архитектор Западного вала Тодт находились на пути в Оберзальцберг. Они были вызваны к Гитлеру на специальное совещание. Историки уделили до странности мало внимания этой – учитывая время проведения совещания – решающей встрече Гитлера с его ближайшим окружением из высшего военного руководства. Более того, значение этого совещания умалялось подчеркиванием сходства его выступления на совещании 14 августа с теми заявлениями, которые он сделал графу Чиано в предыдущие два дня. Тем не менее подлинная важность совещания заключается не в сходстве двух выступлений Гитлера, а в их коренном различии. Каждое из этих выступлений было частью гитлеровской модели.

Однако это была модель не свободомыслящего человека или большого лидера, делающего свой выбор из множества возможных вариантов. Гитлер, несмотря на все свое могущество, не был таковым. Он не мог дождаться, пока его модель начнет действовать. И всеми силами торопил события. По существу, Гитлер являлся пленником собственного замысла. Все должно произойти до 1 сентября. Так или иначе, данцигский и польский вопросы должны быть решены. И к началу августа ему стало ясно, что больше не может быть мирного урегулирования польского кризиса ни на каких условиях, кроме полного подчинения Польши. Стало также очевидно, что больше нет необходимости рассматривать мирное урегулирование с Польшей. Переговоры с русскими продвинулись достаточно, чтобы убедить Гитлера: со временем он достигнет соглашения со Сталиным. Но поскольку время было именно тем, что не было в его распоряжении, он решил заплатить достаточную цену за русскую сделку. Он отлично понимал, что может сделать только одно приемлемое для Сталина предложение: Восточную Польшу. Это, в свою очередь, укрепило его уверенность в том, что решение польского вопроса силой не только неизбежно, но и желательно.

В первые дни августа выявились и другие, не менее важные для него обстоятельства. Донесения, полученные им от посла в Лондоне, доктора Вольтата, а также из многочисленных других источников, убедили его в данный момент в существовании центрального фактора в его уравнении. Каковы бы ни были действия британцев, решатся они на новый Мюнхен или вступят в войну с Германией, они не обдумывают возможность начала немедленных наступательных операций против Германии, чтобы воспользоваться занятостью ее вооруженных сил на Польском фронте. То же самое относилось к французам. По его мнению, это было

слабым звеном его планов: концепция предполагаемого пакта с Советским Союзом с одновременным «урегулированием» польского вопроса, могла быть сорвана преждевременной мирной инициативой Муссолини или Чемберлена. Вторым слабым звеном его планов было то, что, если имеющаяся у него информация и предположения были ошибочны, англо-французское наступление на западе поставило бы под угрозу быстрое завершение польской войны и даже безопасность рейха. Гитлер полностью сознавал опасности: риски были колоссальные, а времени отчаянно не хватало – всего десять дней до 26 августа – даты предполагаемого нападения на Польшу. И он решил вмешаться в ход событий.

Как мы знаем, Гитлеру было известно, что Чиано регулярно передавал информацию британцам, особенно подробности, касавшиеся намерений немцев. Усилия Рима устроить новую встречу Гитлера и Муссолини давали Гитлеру возможность, которую он давно искал. Вопрос о встрече с Муссолини был обойден, а вместо этого итальянцам предложили послать Чиано на встречу с Риббентропом. Было предусмотрено, что после встречи с Риббентропом Гитлер лично примет Чиано и проинформирует его. Более того, Муссолини и Чиано должны были проникнуться убеждением, что основным вопросом переговоров с Чиано будет участие Италии в войне, «навязанной Германии». Однако в данный момент этот вопрос меньше всего интересовал Гитлера. Цель его переговоров с Чиано была двойственной. Гитлер хотел задавить в зародыше мысль о созыве Муссолини конференции, призванной найти мирное урегулирование польского вопроса. Кроме того, Чиано должен был передать англичанам такую информацию, которая усилила бы у них противодействие предложениям о немедленном военном вмешательстве на Западном фронте и в то же время отбила бы у Чемберлена охоту к

дальнейшим попыткам посредничества. Информация должна была быть передана так, чтобы ни Чиано, ни британцы не подозревали, что это ловкий маневр Гитлера. Таким образом, в Оберзальцберге были подготовлены декорации.

Проведя день 11 августа с Риббентропом, Чиано прибыл в Оберзальцберг 12 августа, в субботу, и на следующий день, в воскресенье, у него состоялись две продолжительные беседы с Гитлером. На них говорил главным образом Гитлер. Он четко, может быть, даже слишком четко изложил ту информацию, которая предназначалась для британцев и французов, и, как мы знаем, Чиано, ничего не подозревая, передал ее по назначению, но только в несколько разбавленном виде.

Гитлер начал с описания положения на Западном фронте Германии и с помощью сфабрикованных карт, развернутых на столе, стал излагать обстановку, которая была фальшивой буквально по каждому пункту, имевшему наиболее важное значение для Британии и Франции. Гитлер подчеркнул мощь немецких оборонительных сооружений на западе и подробно останавливался на несуществующих деталях, которые должны были сорвать любые попытки французов прорваться через линию Зигфрида в традиционных направлениях наступления. Он сделал особый акцент на массивности немецкой обороны вдоль бельгийской границы, где на самом деле она была исключительно слаба и не закончена.

Затем Гитлер начал играть на известном страхе английского правительства и министерства авиации. Любая попытка блокировать Германию будет встречена контрнаступлением с воздуха. Вся территория Англии, добавил Гитлер, теперь находится в пределах досягаемости новых немецких бомбардировщиков; впоследствии это заявление Гитлера штаб королевских ВВС в Лондоне ошибочно расценил как знак того, что

люфтваффе действительно имеют стратегическую бомбардировочную авиацию, способную вести самостоятельные воздушные операции против основных городов Британии. Гитлер, казалось, полностью осознавал это уязвимое место в британском оборонительном мышлении и обыграл его со всех сторон. Вернувшись к непосредственной теме разговора, он начал обсуждать военные отношения союзников и Польши. Главным фактором была уязвимость Британии с воздуха. Лондон может быть атакован с больших высот без помех со стороны противовоздушной обороны, объяснял он Чиано. Затем, скорее имея в виду Чемберлена, а не Муссолини, добавил, что королевские ВВС не смогут выделить много истребителей для Французского фронта, поскольку он собирается напасть на Англию силами своих воздушных флотов сразу же после начала войны. Британцам потребуется каждый самолет для обороны своей страны.

Таково было сообщение Гитлера для Чиано. Он не дал ему ни одной возможности неправильно истолковать его слова. Будет война с Польшей, и последует немедленный массивный удар по Англии, если она решит вмешаться в конфликт. Однако каждый отдельный фактор, упомянутый Гитлером при описании немецкой военной мощи, был или недостоверным, или его и вовсе не существовало – как описание линии Зигфрида. Военно-воздушные силы не имели стратегической бомбардировочной авиации. Немецкий так называемый двухмоторный бомбардировщик был приспособлен для обеспечения поддержки наземных войск, а не для самостоятельных операций. В начале войны люфтваффе не имели ни средств – самолетов и бомб – для нападения на Лондон в более или менее серьезных масштабах, ни планов такого нападения. Но Чиано ничего этого не знал. Он ушел от Гитлера под впечатлением решимости Германии начать войну и

военной мощи, которую она могла собрать на земле и в воздухе для нападения на Польшу, а если потребуется, и на союзников Польши. Они вновь встретились на следующий день, в воскресенье. Гитлер повторил сказанное накануне, но подчеркнул полную решимость покончить с Польшей. Она будет разгромлена и на следующее десятилетие прекратит свое существование как военный фактор. И он сможет выступить против западных союзников.

Чиано вернулся в Рим и подготовил для Муссолини обстоятельный доклад о своих переговорах. Однако он несколько изменил акценты Гитлера. То, что фюрер говорил между прочим, не придавая особого значения, вызвало у Чиано настороженность. В ходе воскресной беседы Гитлер сказал, что французы не смогут преодолеть немецкую оборону на западе, так же как и прорвать итальянские приграничные укрепления. При этом Гитлер отмахнулся от сомнения, как не имевшего существенного значения. Но для Чиано – и Муссолини – это было все; они это твердо знали. Итальянцы были убеждены, что они не в состоянии задержать продвижение французов вглубь Италии, а неспособность или нежелание Гитлера учитывать эту слабость итальянцев вызвали у Чиано сомнения относительно правильности оценок Гитлером других аспектов, которых он коснулся во время встречи. Именно это вызвало у Чиано куда большую озабоченность, чем вся остальная информация, которую Гитлер предназначал для передачи англичанам и французам. Это была одна из редких ошибок Гитлера, допущенных при обращении со своими союзниками, и именно она имела роковые последствия. Доклад Чиано испугал Муссолини. Он усилил желание Муссолини держаться в стороне от войны, а также обесценил значительную часть информации, которая предназначалась для французов и англичан, – картину непреодолимой германской мощи.

В данном случае это не сыграло особой роли: западные державы и без помощи Чиано пришли к тем же выводам, на которые Гитлер хотел их натолкнуть. Один вопрос, который английское и французское правительства никогда, даже поверхностно, не рассматривали на своих переговорах и совещаниях, – это возможность прихода на помощь полякам, когда на них будет вестись наступление. Гитлер отдавал себе полный отчет в этом, и только это имело для него значение. С этого он начал объяснения своим старшим офицерам, когда те собрались у него в кабинете на второй день после отъезда Чиано, утром 14 августа. Им, в отличие от Чиано, он не мог рассказывать сказки о Западном вале, немецкой боевой мощи на западных границах и массированных атаках, которые люфтваффе будут наращивать против британских и французских городов. Настало время посмотреть правде в глаза, время принятия решений; только двенадцать дней осталось до того, как армии двинутся на Польшу. Гитлер и люди, собравшиеся в его кабинете, знали правду о соотношении сил на западе. Поэтому выступление Гитлера носило совершенно иной характер, чем его речь перед Чиано.

Он начал с признания, что без значительного элемента риска не может быть ни политического, ни военного успеха. Он хладнокровно и придерживаясь фактов обрисовал фактическую позицию нейтральных стран, неопределившихся и вероятных противников Германии, но ни словом не обмолвился о положении самой Германии, ни слова не было сказано о прочности обороны на западе Германии или о наступательных возможностях люфтваффе. Присутствовавшие все об этом знали. Вместо этого он много говорил о намерениях британцев и французских, словно был полностью информирован о них. Он объяснял, почему не взял бы на себя ответственность ввязаться в войну, будь он на

месте Чемберлена или Даладье. Он успокаивал генералов. Нет никаких приготовлений ко всеобщему наступлению против Германии; «люди Мюнхена» не готовы идти на риск, а британский и французский Генеральные штабы сделали довольно трезвые оценки и высказались против вступления в войну. В заключение Гитлер сообщил, что англичане не имеют в виду никаких серьезных акций в связи с гарантиями Польше. Перехваченные телефонные разговоры дали Гитлеру подтверждающие доказательства.

Больше всего в тот момент его беспокоило то, по его словам, что британцы могут попытаться вмешаться в окончательное решение польского вопроса, выступив с новыми компромиссными предложениями для урегулирования проблемы. Поэтому Германии нужно приступить к тотальной изоляции поляков, не игнорируя при этом возможность вести боевые действия также и на западе. Фюрер сказал достаточно, стараясь передать аудитории, что процесс достижения понимания с русскими продвигается и что русские понимают необходимость сокрушить поляков силой. Очень важно, чтобы Германия добилась решающих успехов в течение первых 8—14 дней войны против Польши. И весь остальной мир должен понять, что силовое решение неизбежно при всех обстоятельствах и что польский вопрос будет решен в течение шести – восьми недель, даже если Англия объявит войну, заключил Гитлер.

Во второй половине дня Гитлер и генералы встретились снова. И Гитлер впервые коснулся ограниченности немецких сил на западе. Он говорил о необходимости экономно расходовать силы и не ввязываться в незначительные столкновения. Гитлер потребовал, чтобы армейские командиры изыскали резервы и составили график их переброски на западные границы Германии. Однако в его указаниях не было конкретики. Фюрер сохранял уверенность, что со

стороны французов не последует никаких серьезных операций, так как англичане не склонны поддерживать их. Гитлер добавил, что в действительности англичане проводят зондирование, чтобы выяснить, как он, Гитлер, смотрит на дальнейшее развитие событий после падения Польши. Даже самые выдающиеся британские политические деятели, которые настаивали на твердой позиции в отношениях с Германией, начали отступать, прикрываясь «докладом Айронсайда». Гитлер заверил военных, что польская армия не равня немецкой.

На следующий день рано утром генерал Гальдер встретился со статс-секретарем министерства иностранных дел фон Вайцзеккером. Гальдер передал ему краткое содержание выступлений Гитлера на совещаниях, и Вайцзеккер подтвердил точность данной Гитлером оценки международной обстановки. Фон Вайцзеккер особенно подчеркнул страстное желание Чемберлена и Галифакса избежать кровопролития. Более того, американцы, очевидно, проявляют сдержанность. В целом фон Вайцзеккер согласился с оценкой вероятного хода событий на ближайшие десять дней, данной Гитлером. Этот разговор состоялся до 10 часов утра во вторник 15 августа.

Немного позже в то же утро бывший немецкий посол в Италии Ульрих фон Хассель, один из наиболее решительных членов группы противников Гитлера, посетил английского посла Невилла Гендерсона. Они обсудили визит Чиано в Зальцбург, но, видимо, не были знакомы с подробностями. Гендерсон был настроен довольно пессимистично и считал, что все шансы складываются в пользу войны. Фон Хассель оставался недолго и вернулся домой.

Во второй половине того же дня к фон Хасселю пришел Гизевиус «в состоянии сильного возбуждения». Он сообщил Хасселю точное краткое содержание всего того, что Гитлер сказал армейским командирам в

Оберзальцберге. В результате, сказал Гизевиус, отменен съезд партии в Нюрнберге и ведутся приготовления в Верхней Силезии, чтобы спровоцировать поляков таким образом, что война станет неизбежной. Гизевиус добавил, что Гитлер не верит в возможность вмешательства западных держав, но он готов к нему, если они все же вмешаются. Но больше всего потрясло фон Хасселя сообщение Гизевиуса о будущем соглашении Германии с Советским Союзом.

Теперь очевидно, что Гизевиус, должно быть, получил эту информацию либо от Вайцзеккера, либо через Эриха Кордта. Это были наиболее важные сведения, которые до сих пор доходили до противников Гитлера. Фон Хассель немедленно связался с Гёрделером, а Гизевиус сообщил об этом другим ведущим членам «сопротивления». К вечеру все главные члены оппозиции были полностью информированы о подробных планах Гитлера. Кости брошены, и сделан выбор в пользу войны, независимо от того, что будет дальше.

И здесь мы подошли к первому критическому моменту несостоявшейся битвы. У нас нет прямых подтверждений того, что информация относительно совещания в Оберзальцберге 14 августа и принятых там решений была передана в британское или французское посольство или в аппараты военных атташе. Но мы должны исходить из предположения, что такой человек, как фон Хассель, встречавшийся с Гендерсоном по любому важному вопросу, или Кордт, Остер или сам Гизевиус, поддерживавший постоянные контакты с западными союзниками, не упустил бы случая передать им столь важную информацию. Однако факт остается фактом, что, насколько это удалось проверить, ни министерство иностранных дел, ни военное министерство не были поставлены в известность 15 августа или около того о том, что Гитлер принял

решение начать войну, решение, которое имело большее значение, чем все остальные. Нигде не зафиксировано, что кабинет или комитет по внешней политике кабинета знали об этом; имперский Генеральный штаб определенно ничего не знал.

Британскому послу в Берлине сэру Невиллу Гендерсону, очевидно, о решении Гитлера ничего не сказали его немецкие друзья, разделявшие с ним беспокойство о сохранении мира и всячески поддерживавшие его усилия добиться в последний момент посредничества Чемберлена, чтобы вынудить поляков принять минимальные требования Германии. Еще 16 августа, через два дня после совещания в Оберзальцберге, Гендерсон написал пространное личное письмо Вильяму Стрэнгу, служившему в министерстве иностранных дел. Оно было более откровенным, рассудительным и более личным, чем обычные служебные донесения Гендерсона; в нем был один характерный абзац, который подтверждал, что Гендерсон мог не иметь ни малейшего представления о принятых в Оберзальцберге решениях, когда он писал это письмо. (Даже много позже, уже после начала войны, когда Гендерсон писал свои мемуары, он не имел никакого представления о проведенном Гитлером совещании 14 августа.)

Ссылаясь на краткое содержание беседы Гитлера с швейцарским верховным комиссаром Лиги Наций в Данциге 11 августа (за день до того, как Гитлер принял Чиано), Гендерсон пишет: он убежден что «Гитлер говорил правду, когда он заявлял, что в этом году сдерживал своих генералов. Из всех немцев, хотите – верьте, хотите – нет, Гитлер занимает самую умеренную позицию по Данцигу и польскому коридору». Ни один человек, знавший о характере совещания в Оберзальцберге, не стал бы так писать.

И мы подходим ко второй загадке, связанной с совещанием в Оберзальцберге 14 августа. Могли ли руководители оппозиции Гитлеру решить ничего не сообщать британцам и французам и тем более полякам о том, что Гитлером принято окончательное решение начать войну против Польши? Могли ли они решить, что, если сообщат Чемберлену, что ни посредничество, ни новая конференция не предотвратят развязку войны, исчезнет последняя надежда на мирное урегулирование? Могли ли они предпочесть согласиться с доводами Гитлера, что за быстрым разгромом Польши Германия скорее обратится с щедрыми мирными предложениями к Британии и Франции, чем предстанет перед единственной другой реальной альтернативой?

Одна-единственная альтернатива, которая все еще была возможна сразу после 14 августа, заключалась в немедленном информировании англичан о принятых решениях в Оберзальцберге и об уязвимости немецкой обороны на западе. Это была возможность успешного контрнаступления союзников через Рейн и с воздуха. Короче говоря, это означало обеспечение Германии военного поражения на западе, когда ее основные силы были полностью заняты на востоке. Но это могло стать возможным при условии, что французы и англичане начнут немедленную мобилизацию. Но они ничего не знали и не начали мобилизацию наутро после 14 августа^[23].

Причины этого очевидного молчания и уступки планам Гитлера были объяснены генералом Гальдером в его меморандуме следственной комиссии немецкого бундестага уже после войны. Он дал письменные показания, касающиеся отношения оппонентов Гитлеру в целом, и доктора фон Этцдорфа, впоследствии немецкого посла в Лондоне, в частности. Гальдер сослался на меморандум, который был составлен фон Этцдорфом осенью 1939 года, однако то, что сказал

Гальдер, явно относилось в равной степени к позиции, занятой лидерами оппозиции после совещания в Оберзальцберге 14 августа. Гальдер писал, что, «точно так же, как барон фон Вайцзеккер и командование сухопутных сил, герр фон Этцдорф признавал пределы всяческого активного сопротивления Гитлеру: оно не должно мешать или создавать преграды войскам, участвующим в боевых действиях. Мы даже не думали об актах саботажа; наоборот, мы были едины в убеждении, что непоколебимая поддержка немецкого фронта была существенной предпосылкой, если бы речь шла о мирных переговорах».

Концепция умышленного приведения Германии к поражению была совершенно чужда немецким генералам. Тем более что вопрос пока шел о Польше, а не о Британии или Франции. Идея «бумеранга», которую проводил Гизевиус, подразумевала риск контролируемого и лимитированного поражения, которое Британия и Франция нанесут Германии, что приведет к свержению Гитлера. Гальдер, а также Остер имели в виду такую возможность до нападения на Польшу; она рассматривалась только как наименьшее зло по сравнению с тотальным поражением Германии западными союзниками. И действительно, впоследствии, в 1944 году, этот вариант был принят как меньшее зло по сравнению с поражением от русских. Однако такой вопрос не возникал накануне готовившейся войны против Польши в сентябре 1939 года.

Все это может объяснить, почему немецкие лидеры сопротивления не смогли сообщить британцам и французам о решимости Гитлера использовать силу против Польши. Но это не объясняет, почему британская и французская секретные службы не смогли получить эту точную информацию вовремя через свои каналы. Каковы бы ни были причины, ни дипломаты союзников, ни военные атташе, ни даже разведка не подозревали о

совещании в Оберзальцберге. Совещание 14 августа прошло незамеченным в Париже и Лондоне. Важнейшая неделя в истории современной Европы была, таким образом, потеряна. До 21 августа Франция не приступала к осуществлению первого из четырех этапов мобилизации.

Гальдер начал работать утром 15 августа. После беседы с фон Вайцзеккером он приступил к подготовке и рассылке приказов, вытекающих из решений в Оберзальцберге. Он стал по очереди вызывать армейских командиров, чтобы передать им указания лично. Он принял меры для перевода ставки командования сухопутных сил в штаб-квартиру военного времени, приказал вывести все гражданские рабочие подразделения из выдвинутых районов на западе и осуществил еще сотни других мероприятий, которые должны были своевременно привести вооруженные силы в состояние полной боевой готовности для нанесения удара по Польше 26 августа.

Эта подготовка приняла такие масштабы, что больше скрывать ее было невозможно от секретных служб Польши, Британии и Франции. Все они были точно информированы о сосредоточении немецких войск, которое началось задолго до фактического нападения. 25 августа – «час Зеро» открыто упоминался в дипломатических депешах союзников, как если бы немцы публично объявили о своих намерениях.

Однако ни Чемберлен, ни его военные советники не верили, что Гитлер решится на войну. Недостающим звеном в их информации была политическая мотивация Гитлера 14 августа. Они были совершенно уверены, что Гитлер блефует. Британцы были убеждены, что угроза мировой войны вынудит Гитлера в последний момент воздержаться от нападения на Польшу.

Однако в сдерживающем факторе Чемберлена отсутствовал один важный элемент, иначе этот фактор

мог сработать. Поэтому предполагаемый сдерживающий фактор Чемберлена на самом деле превратился в средство пособничества Гитлеру; это был как раз тот пункт, по которому и Чемберлен, и Даладье были едины, и они делали как раз то, чего от них хотел Гитлер: не предпринимали никаких попыток немедленного вступления в войну. Они стояли в стороне, пока Гитлер громил Польшу. На самом деле за двадцать дней до начала войны английское правительство почти демонстративно показывало свою незаинтересованность в остановке неумолимого хода судьбы, касающегося Польши. Чемберлен был уверен, что Гитлер не хочет войны, и он наложил вето на все предварительные военные приготовления, предложенные начальниками штабов.

Сразу после разговора Гитлера с Буркхардтом (в пятницу), с Чиано (в субботу и воскресенье), с Чиано и Гальдером и его командирами в понедельник 14 августа внимание немцев сконцентрировалось на реакции британцев. Было известно, что Буркхардт будет докладывать Галифаксу; предполагалось, что Чиано проинформирует британцев, и ожидалось, что до британской разведки дойдет информация о решении Гитлера применить силу. Только ничего не случилось. Парламент был распущен на каникулы 4 августа. Чемберлен в конце недели уехал на рыбалку, а Хор-Белиша – на юг Франции. Галифакс тоже уехал. Немцы заподозрили неладное. Слишком уж это походило на хитрый трюк с целью успокоить их страхи. Но Гитлер, очевидно, уверился, что никакого подвоха не было. Это была подлинная британская беззаботность. Они могли объявить войну, если Гитлер нападет на поляков; этот вопрос все еще оставался открытым. Однако не было никаких психологических или физических приготовлений к быстрым действиям ни французских, ни королевских военно-воздушных сил. Наоборот, по

инициативе Гамелена англо-французские штабисты разрабатывали нечто, по выражению самого Гамелена, означающее непровокационные военные действия. Британцы и французы не предпринимали ничего такого, что вызвало бы ответные действия или возмездие немцев.

Чемберлен был крайне заинтересован в том, чтобы кабинет принял такую позицию. И чтобы произвести должное впечатление на сомневающихся в реальности такой возможности, он скорректировал оценку люфтваффе, подготовленную разведывательным управлением королевских ВВС. Цифровые данные, характеризующие люфтваффе, которые Чемберлен представил кабинету, оказались в два раза выше тех, которые ему представила разведка королевских ВВС^[24]. Из заявления самого Чемберлена мы знаем: он был убежден, что происходившие в то время секретные переговоры с Гитлером и Герингом выглядели наиболее многообещающими. Чемберлен верил, что Гитлер «серьезно обдумывал заключение соглашения с нами» и серьезно работал над предложениями, которые Гитлеру показались сказочно щедрыми. Ни тени решений, принятых Гитлером в Оберзальцберге, не омрачило отдыха Чемберлена на рыбалке, пока он не вернулся в Лондон на заседание кабинета министров 22 августа.

Галифакс писал ему 19 августа, что, по имеющимся у него достоверным сведениям, немцы предпримут нападение на Польшу 25 августа и поэтому нельзя терять времени. Имеются совершенно точные признаки, сообщил Галифакс премьер-министру, «что герр Гитлер все еще верит, что мы не собираемся воевать или, в качестве альтернативы, что он может разгромить Польшу, прежде чем мы вступим в войну». Галифакс сомневался, что дальнейшие заявления Англии о намерениях целесообразны, поскольку Гитлер явно в

них не верил. Тем не менее он предложил обсудить с английским послом в Берлине, не будет ли визит генерала Айронсайда или личное письмо Чемберлена более эффективным и убедительным доказательством для Гитлера, что британцы не блефуют^[25].

Между тем Глэдвин Джебб, один из молодых и очень способных сотрудников Галифакса, вечером 18 августа принимал у себя дома немецкого поверенного в делах доктора Тео Кордта (очевидно, это был тот самый источник информации, о котором сообщал Галифакс в своем письме премьер-министру). Кордт под воздействием «старого бренди» заверил Джебба, что не будет никакой войны, «так как либо поляки со страху подчинятся требованиям, либо англичане бросят своих польских союзников на произвол судьбы». Создалось впечатление, заметил Джебб, что доктор Кордт, «как хороший немец, был убежден в необходимости если не войны с Польшей, то в любом случае в демонстрации силы, чтобы навсегда привести Польшу в орбиту Германии». Кордт не сделал никаких намеков на то, добавил Джебб, что правительство Германии готово к компромиссу. «Я должен сказать, что он, кажется, в крайнем случае допускал и мировую войну из-за Польши, если другие державы будут противиться воле Германии», – писал в заключение Джебб. Он добавил и свою собственную оценку: инстинкт подсказывал ему, что «в данный момент» Гитлер не пойдет на риск мировой войны из-за польской проблемы.

В те дни Гитлер и Сталин урегулировали непосредственные противоречия, и к утру вторника 22 августа новость о пакте, который вот-вот будет заключен, достигла правительств Британии и Франции. Сэр Сэмюэл Хор отметил болезненное удивление комитета по внешней политике кабинета, когда его члены узнали эту новость. Гендерсон заверил их, что слухи о готовящемся подобном соглашении ни на чем не

основаны, и Сидс, британский посол в Москве, «ничего не знает». Чемберлен созвал заседание кабинета во второй половине дня 22 августа, в четверг.

Перед заседанием на Даунинг-стрит военный министр Хор-Белиша имел завтрак с генералами Гортом, Айронсайдом и Паунеллом. Белиша был обеспокоен и просил Айронсайда о дополнительной информации в связи с польским вопросом. Новость из Москвы угнетающе подействовала на Белишу; он чувствовал, что для Англии дела складываются весьма скверно. Айронсайд настаивал, чтобы он на заседании кабинета потребовал мобилизации регулярной и территориальной армий.

Вопрос был поставлен министром по координации обороны лордом Четфилдом, однако Чемберлен воспротивился дополнительному призыву, который коснулся бы около 110 тысяч человек. Создалась странная ситуация. Глава имперского Генерального штаба лорд Горт не занял официальной позиции. Военный министр Хор-Белиша написал премьер-министру сразу после заседания кабинета, требуя разрешения на призыв хотя бы 60 тысяч человек, если уж не 110 тысяч^[26]. В противном случае, писал он, потребуется неделя для мобилизации в чрезвычайных условиях, с риском огромных скоплений людей, если она совпадет с эвакуацией и воздушными налетами.

Чемберлен объяснял, что мобилизация в данный момент была бы неверно истолкована Гитлером и могла бы навредить обращению, которое он намеревался произнести в четверг в своей речи в парламенте. Он также собирался направить личное письмо Гитлеру, в котором еще раз подтвердит решимость Англии выполнить свои обязательства в отношении Польши, которые никоим образом не изменились ввиду предполагаемого пакта между Германией и Советским Союзом. Правительство все еще придерживалось

мнения, что в трудностях, возникших между Германией и Польшей, нет ничего такого, что могло бы оправдать применение силы, которое неизбежно приведет к европейской войне. После заседания кабинета было опубликовано коммюнике, в котором приводилась вышеуказанная точка зрения правительства, а также сообщалось, что в четверг правительство запросит у парламента чрезвычайные полномочия и что санкционировано принятие определенных мер предосторожности. После заседания начальники штабов разослали инструкции всем подразделениям, что, если появится необходимость воздушных налетов на Германию, они должны быть направлены только против целей, которые строго соответствуют определению «военные объекты».

Чемберлен не сказал кабинету – ни Хор-Белиша, ни его военные советники ничего не знали, – что днем раньше, 21 августа, министр иностранных дел получил письмо из Германии, в котором говорилось, что Геринг хотел бы приехать в Лондон, чтобы встретиться с Чемберленом. Сразу же в строжайшем секрете были приняты подготовительные меры для прибытия Геринга в среду 23 августа – на следующий день после заседания кабинета. Он должен был приземлиться «на заброшенном аэродроме» и оттуда на машине ехать в Чекерс. Там весь обслуживающий персонал будет отпущен и все телефоны отключены на время переговоров между Чемберленом и Герингом.

Чемберлен и Галифакс весь вторник ждали подтверждения предстоящего визита Геринга – и это, возможно, явилось истинной причиной нежелания Чемберлена санкционировать мобилизацию резервистов регулярной и территориальной армий, о чем просили Четфилд и Хор-Белиша. Однако подтверждение так и не поступило. В четверг утром, перед тем как собрался парламент, чтобы одобрить предоставление

правительству чрезвычайных полномочий, Галифакс получил известие, что Гитлер отменил поездку, так как считал, что «визит не принесет немедленной пользы».

Однако этот эпизод пошел на пользу Гитлеру, случайно или преднамеренно, сейчас сказать невозможно. Он усилил колебания британцев и задержал действия, которых больше всего боялся Гитлер. Даже в то утро четверга, после того как был отменен визит Геринга, премьер-министр все еще не желал санкционировать какие-либо меры, указывающие на решимость Англии действовать немедленно, если поляки подвергнутся нападению. Он сообщил кабинету, что они встретились не для принятия решений, а чтобы получить информацию о ходе последних событий. Премьер сказал, что, по сообщению английского посла в Берлине, Гитлер заявил, что, если англичане предпримут какие-либо дальнейшие меры по мобилизации, вооруженные силы Германии будут полностью мобилизованы «в качестве меры защиты, а не угрозы». Чемберлен продолжал противиться существенному призыву резервистов, который мог бы спровоцировать Гитлера. Он хотел подождать результатов встречи Гендерсона с Гитлером, намеченной на тот день.

А пока Гитлер – пленник своего графика – успешнее держал в состоянии успокоенности британцев, чем французов. Считалось, что во Франции идет мобилизация и французская армия являлась намного большей непосредственной военной угрозой немцам, чем британская; тем не менее Гитлер был убежден, что французы не двинутся с места без политической и военной поддержки англичан. Поэтому для него было важно, чтобы британцы дольше оставались в состоянии нерешительности и бездействия. Когда он наконец сообщил британцам, что Геринг не приедет, оставалось менее 48 часов до намеченного вторжения в Польшу.

Когда Чемберлен сказал членам кабинета в тот день, что они собрались не для принятия решений, это было все, на что мог надеяться Гитлер, поскольку без решения британцев французы не предприняли бы никаких действий на Западном фронте.

Теперь мы видим последствия неспособности всех заинтересованных сторон – разведывательных служб, немецкого сопротивления, «хорошо осведомленных» дипломатов – оценить всю важность решений, принятых Гитлером на совещании узкого круга лиц в Оберзальцберге 14 августа. Они совершенно запутали последовавший затем дипломатический и политический фарс. Были приняты окончательные военные решения, определен график боевых действий. Все остальное было маскировкой, и, как мы видим, исключительно успешной.

Здесь мы должны вернуться к 22 августа. Пока высшие офицеры во время завтрака у своего министра в Карлтоне на Хеймаркет размышляли о германо-советском соглашении, а на Даунинг-стрит премьер и министр иностранных дел втайне и с большим нетерпением ожидали известия о подтверждении предстоящего визита Геринга, Гитлер созвал большое совещание командиров в конференц-зале резиденции в Оберзальцберге. Они встретились, как и Белиша со своими генералами, в полдень 22 августа. Геринг находился в Берхтесгадене и вовсе не готовился к встрече с Чемберленом: он получал последние боевые приказы [\[27\]](#).

Существует три или четыре разные версии речи Гитлера на этом брифинге. Между ними имеются расхождения в деталях, но не по существу изложенных Гитлером намерений и планов. Поэтому трудно согласиться с утверждением генерала фон Манштейна, что он и генерал фон Рундштедт покинули Берхтесгаден с убеждением, что никакой войны не будет, что поляки

подчинятся, что англичане и французы не пойдут на риск возможной мировой войны.

В записях генерала Гальдера отмечено, что в своих двух выступлениях Гитлер говорил о действиях против Запада: обеспечить тылы Германии на востоке, прежде чем идти на завершающее сражение с Западом; желательно испытать вермахт перед решающей схваткой. Германия должна быть твердой, сказал Гитлер, ответные действия британцев и французов обязательно последуют. Необходимо действовать с беспримерной жестокостью. Целью является не установление новых и лучших границ, а уничтожение врага, в первую очередь Польши. Нападение было назначено на 26 августа.

Адмирал Бем сделал более полные записи, чем Гальдер; как и генерал Варлимонт, заместитель Йодля в штаб-квартире фюрера. В заметках Бема дано больше подробностей речи Гитлера. Фюрер еще весной принял решение об этом конфликте. Он предполагал сначала действовать против Запада, а уже потом против Польши. Однако обстоятельства заставили его пересмотреть приоритеты. Он пришел к выводу, что если сначала нападет на Францию и Британию, то поляки ударят по тылам Германии на востоке, в то время как ее вооруженные силы будут заняты на западе. Однако ни французы, ни британцы не нападут на Западный вал, пока Германия будет занята разрешением своего спора с поляками. Британское перевооружение не было настоящим, оно носило главным образом пропагандистский характер. «Мы будем сдерживать Запад, пока не разделаемся с поляками».

Следующей причиной не откладывать дело в долгий ящик был неблагоприятный ход выполнения четырехлетнего плана Геринга. Ограничения должны были сказаться только через несколько лет; в 1939 году

немцы были в лучших условиях для действий, чем в 1942 или 1943 годах. Им следовало признавать и учитывать риск, что Британия и Франция могут напасть на Германию на западе. Но другого выхода не было: Германия имела хорошие шансы на успех сейчас, ввиду англофранцузского бездействия; через несколько лет шансов выиграть войну у Германии уже не будет.

Во втором выступлении Гитлер более конкретно говорил о непосредственной ситуации. Он снова требовал, чтобы его командиры были тверды, жестоки и не проявляли сентиментальности. Скорость – это все. Он сообщил, что нападение, по всей вероятности, произойдет утром в субботу, то есть через четыре дня. Когда Гитлер закончил свою речь, Геринг первым начал аплодировать и от имени всех присутствовавших поблагодарил фюрера за его блестящее руководство. Он также выразил полную решимость всех присутствовавших позаботиться о претворении в жизнь воли фюрера.

Времени не теряли. В тот вечер в министерстве иностранных дел фон Вайцзеккер получил от немецкого представителя в Данциге Везенмейера подробный план готовящейся против поляков провокации, чтобы ответные действия поляков немцы могли использовать как *casus belli*. Он описал, как создавались склады оружия, предназначенные для обнаружения, и подробности пяти этапов, которые последуют, чтобы вызвать необходимый кризис: поляки будут вынуждены прибегнуть к таким мерам, которые оправдают использование Германией вооруженных сил. Везенмейер просил, чтобы его донесение немедленно передали фюреру.

Это и было сделано. На следующий день, когда британский посол прибыл с личным письмом Чемберлена, фюрер закончил долгий разговор с Гендерсоном предупреждением, что при следующей

провокации со стороны поляков он будет действовать. «Вопрос о Данциге и коридоре так или иначе будет ликвидирован. Я хочу, чтобы вы приняли мои слова к сведению». Однако это донесение было воспринято в Лондоне только как еще один аргумент в споре о позиции – и Гитлер вполне мог иметь в виду свое предупреждение как средство запугивания слабого английского кабинета. В действительности для него не имело существенного значения, так или иначе, теперь он был уверен, что англичане не станут действовать, когда он начнет войну. Все остальное было для него пока несущественным. В тот день он приказал вермахту начать наступление на Польшу утром 26 августа: оставалось три дня.

Однако не все еще было урегулировано – или потеряно. В тот вечер, когда Гитлер диктовал правила игры британскому послу, на какой-то момент инициатива перешла к французам. Французский военный совет собрался 23 августа в здании военного министерства в Париже; председательствовал премьер-министр Даладье. Присутствовали также министры иностранных дел, авиации, военно-морских сил, члены Генерального штаба – Гамелен, Дарлан, Вюйлемен, Жакомэ и их основные помощники. Даладье поставил перед советом три вопроса, те самые три вопроса, ответы на которые правительства Британии и Франции должны были дать много месяцев назад. Осталась последняя возможность. Даладье просил членов совета дать ответы на следующие вопросы:

«1. Может ли Франция принять исчезновение с европейской сцены Польши, или Румынии, или обоих государств сразу?

2. Какие имеются возможности противодействовать такому развитию событий?

3. Какие меры должны мы предпринять теперь?»

Обсуждение первого вопроса развернулось вокруг военной оценки, данной генералом Гамеленом. Он и адмирал Дарлан подчеркнули важность обеспечения нейтралитета Италии, однако они уклонились от польской проблемы. Гамелен предположил, что нет необходимости в немедленных действиях. Он считал, что польские вооруженные силы «с честью окажут сопротивление» и тем самым задержат выступление Германии против Франции до следующей весны. К этому времени, добавил Гамелен, Франция получит поддержку вооруженных сил Британии.

После длительного обсуждения министр иностранных дел Боннэ сказал, что, учитывая заключение германо-советского пакта, было бы разумным пока не вступать в войну, а подождать более подходящего момента. В этом совет не был единодушен. Все согласились, что Франция должна будет выполнить свои обязательства перед поляками. На них не повлияли неудачные англо-французские переговоры в Москве^[28].

Затем совет приступил к рассмотрению второго вопроса: что можно предпринять, чтобы предотвратить разгром Польши и, возможно, Румынии. Министр авиации Ла Шамбр сказал, что военно-воздушные силы Франции оснащены большим количеством современных истребителей, которые вместе с британскими будут достойными противниками люфтваффе и итальянских ВВС. У Франции до 1940 года не было значительной бомбардировочной авиации. До этого британцы брали на себя задачу массированных бомбардировок Северной Германии.

Далее Ла Шамбр перешел к оценке люфтваффе. У Германии имеется 12 тысяч самолетов^[29], однако он не думает, что эта цифра повлияет на решение правительства. Никто не высказал сомнений относительно информации Ла Шамбра, и никто не поверил его утверждениям, что французские военно-

воздушные силы могли противостоять столь многочисленным силам. После этого начали обсуждать возможные последствия для морального состояния французского гражданского населения, когда начнутся немецкие воздушные налеты. Эта мысль явно сильнее всего занимала участников.

Генерал Гамелен и адмирал Дарлан, в свою очередь, считали: операции возможны на суше и на море. Гамелен сказал, что армия находится в состоянии готовности. Сначала она могла мало что сделать против Италии (нейтралитет которой гарантировался только заверениями министра иностранных дел Боннэ в начале заседания). Гамелен добавил, что французы не могут оказать прямой помощи полякам, однако мобилизация во Франции была бы некоторым облегчением для Польши, поскольку это вынудило бы Германию перебросить войска с Польского фронта на западные границы. В конце дебатов по этому вопросу премьер Даладье напомнил участникам заседания, что поскольку Франции предстоит вести войну в течение нескольких месяцев в одиночку, то придется обеспечивать безопасность теми средствами, которыми располагает оборонительная система на границе.

Оставался только один, третий вопрос – что делать сейчас? Началось обсуждение чисто внутренних вопросов: мер безопасности государства и шагов в ожидании возможного начала войны – своевременных мобилизационных мероприятий. Все это фактически уже делалось. Это было все, что необходимо, – это плюс понимание, что французы были хозяевами положения. Немцы окажутся в их власти, как только вермахт выступит против Польши. После полуторачасового обсуждения Даладье закрыл заседание. Французы решили не использовать представившиеся им возможности. В этот день в штабе вермахта генерал Гальдер встретился с Кейтелем и начальниками штабов

люфтваффе и ВМС. Они установили точное время нападения на Польшу: в субботу утром – в 4.15 или 4.30. А в Лондоне Чемберлен и Галифакс все еще ожидали Геринга с миссией мира.

Глава 5

Уклончивые действия

Роковым было не решение Гитлера уничтожить Польшу и начать войну против Британии и Франции при первом удобном случае; эти решения он принял намного раньше. Время для уничтожения Польши было установлено еще в апреле; решение и выбор времени для вызова англо-французской гегемонии в Европе пришли несколько позднее, весной. Поэтому что касается Гитлера, последняя неделя августа – когда советский пакт был уже «в кармане» – имела значение только в связи с техническими деталями организации нападения на Польшу и предотвращения активного вмешательства в войну британцев и французов. Война будет – вопрос был уже решен. Ничто, кроме полного подчинения Польши интересам Германии, уже не могло ее предотвратить.

Роковым было также решение британского и французского правительств. Они продолжали верить, хотя и с гораздо меньшей убежденностью, что сильные слова и решительные жесты удержат Гитлера от развязывания войны. Они так и не поняли, даже после оккупации Гитлером Праги в марте, что, если не последует полного подчинения, он все равно начнет войну. Так и не осознали того, что понял Черчилль, – нет средства, кроме войны, которое остановило бы Гитлера. Единственная возможность предотвратить установление его полного господства над Европой – нанести ему поражение в войне. Французы и британцы, как мы видели, имели средства и благоприятные возможности в последние недели августа и могли решиться на действия, которые привели бы к поражению Гитлера

уже осенью. Однако они отказались даже рассмотреть такую возможность. Почему?

Утром 25 августа, когда осталось не более двадцати четырех часов до нападения вермахта на Польшу, британские начальники штабов собрались в военном министерстве, чтобы продолжить начатую накануне дискуссию относительно последствий советско-германского пакта. Преобладало мнение, что войны не будет, и ставки, сделанные старшими офицерами, подтверждают это. Начальник имперского Генерального штаба лорд Горт ставил пять к четырем против начала войны; его заместитель генерал сэр Роналд Адам предложил несколько большие шансы – шесть против четырех – тоже против войны. И только генерал Айронсайд выразил уверенность, что война будет, его ставка была пять к одному за войну.

В этот день кабинет не собирался, но Галифакс подписал англо-польский договор о взаимопомощи. Чемберлен ждал прибытия Гендерсона с ответом от Гитлера на свое письмо. В это же время из английского посольства в Берлине поступило довольно подробное изложение выступления Гитлера перед командирами в Оберзальцберге 22 августа – ясное выражение его намерений. Между тем Гитлер отменил назначенное на следующее утро нападение на Польшу в самый последний момент, получив сообщения о заключении договора о взаимопомощи между британцами и Польшей и о решении Италии сохранять нейтралитет в случае войны.

Гендерсон прибыл в Лондон утром 26 августа, в субботу. Вечером собрался кабинет, где присутствовал Гендерсон. Проект ответа Чемберлена на послание Гитлера военный министр Хор-Белиша и министр авиации Кингсли Вуд нашли «слишком льстивым». Чемберлен согласился ужесточить некоторые формулировки. Белиша опять поднял вопрос о

мобилизации территориальной армии. Это означало бы призыв около 300 тысяч резервистов. Гендерсона спросили, какова, по его мнению, будет реакция Гитлера на такой шаг. Гендерсон ответил, что он может означать разницу между миром и войной. Чемберлен понял намек. Он разрешил военному министру призвать 35 тысяч резервистов территориальной армии, чтобы укрепить оборону в уязвимых пунктах.

В имперской канцелярии в Берлине 25 и 26 августа царил полная неразбериха. Колебания Гитлера и отмена им в самый последний момент приказа о нападении на Польшу вызвали в вооруженных силах довольно широкую критику в его адрес, однако она оказалась не многим более обычного солдатского ворчания, хотя многие офицеры и присоединились к критикам. Недовольство никогда не достигало тех размеров, которые воображали себе основные члены офицерского сопротивления. Остер был убежден, что Гитлер стал посмешищем для вооруженных сил. Начальник Остера адмирал Канарис, глава немецкой контрразведывательной службы, вместе с Остером являвшийся основным звеном связи с разведкой западных держав, был согласен с ним. Оба были уверены, что британская твердость 25 августа, продемонстрированная подписанием польского пакта, окупилась сполна. И теперь Гитлер не рискнет начать войну, которая приведет его к столкновению с британцами. Можно только задаться вопросом: не была ли эта уверенная трактовка ситуации основой позиции Горта, утверждавшего, что войны не будет. Более того, до самого утра военное министерство не имело никаких сведений о всеобщей мобилизации в Германии.

Только не успел Гендерсон покинуть рейхсканцелярию 25 августа, чтобы отправиться к Чемберлену с докладом, как Гитлер и его советники приступили к рассмотрению следующего шага

Германии. Гитлер раньше говорил Кейтелю, что хотел «побольше времени для переговоров». Но теперь Гитлер понял, что у него имелось многое, но только не время. 1 сентября – крайний срок. Его послания в Лондон и Париж, «зонды» через Геринга и другие каналы успокоили британцев. Он боялся не их слов, а их бомбардировщиков и флота, и еще французской армии, союзной Британии. Через несколько часов после отъезда Гендерсона с ответом Чемберлену Гитлер назначил новую дату нападения на Польшу – 31 августа. В крайнем случае эта дата могла быть отсрочена еще раз, но только на один день, на 1 сентября.

Пожалуй, только теперь немецкое верховное командование осознало всю меру риска на Западном фронте, на который шел Гитлер. Он урезал численность войск Западного фронта, оставив там значительно меньше минимальных потребностей. Каждый солдат, каждое орудие, каждый танк и каждый самолет, который можно было выделить, отправлялся на Восток. Офицеры пребывали в смятении. Гитлер был совершенно уверен, что ни правительства союзников, ни их военные советники не будут предпринимать быстрых действий, чтобы оказать помощь полякам. 25 августа он некоторое время колебался, но теперь был уверен. И для этой уверенности у него были основания.

В Лондоне члены имперского Генерального штаба, по-видимому, не могли помочь правительству, сломленному страхом, незнанием и нерешительностью, не имеющему политического понимания поставленных на карту вопросов, равно как и сущности гитлеровского режима. Люди, находившиеся во главе британских вооруженных сил, только за редким исключением, были в таком же положении, как политические деятели. Редко в условиях кризиса военные деятели так же плохо владели ситуацией, как начальники штабов Британии и Франции во время последней недели августа. У них были

средства, но не было ни желания, ни воли их использовать.

Кошмаром, преследовавшим Гитлера и его генералов, была перспектива войны на два фронта. Этого огромного преимущества фюрер никак не мог лишиться французов и британцев, после того как они стали союзниками поляков. Правда, он предотвратил опасность во время чехословацкого кризиса в 1938 году, когда он блефовал, и весьма успешно. Но только он не мог сделать то же самое с британцами и французами и потому застал их врасплох советским пактом. Но это не спасло его от угрозы войны на два фронта; русские ни при каких обстоятельствах не пошли бы на риск затягивания в войну с англичанами и французами.

Можно предположить, что эта тема была центральной, занимавшей англо-французских штабистов с их первой встречи в марте и до последней. Но только в записях нет ничего. Если вопрос и обсуждался в тот или иной момент, он был сразу замят. Он так никогда и не дошел до комитета имперской обороны. Концепция использования слабости немецкого Западного фронта никогда не обсуждалась ни на уровне кабинета, ни в комитете по внешней политике кабинета^[30].

Мы видели, что на ранних заседаниях штабов и комитета имперской обороны преобладали пораженческие тенденции относительно немедленных действий – все равно каких. Теперь, в самый разгар кризиса, в середине августа, комитет имперской обороны был проинформирован, что решение увеличить первоначально намеченные экспедиционные силы с двух до четырех дивизий «привело к нехватке, а это означало, что ни одно подразделение не было отправлено во Францию полностью оснащенным».

Представитель военного министерства сообщил членам комитета, что положение настолько плохое, что

вряд ли будет возможным оснастить 32 дивизии до 1942 года.

На самом деле в то время это уже было не важно. Один вопрос, которого следовало ожидать, так и не был поставлен, и ответа на него не было. По крайней мере, на заседании французского военного совета ставились правильные вопросы, даже если на них и не было ответов. А в Лондоне ни Генеральный штаб, ни правительство не поставили вопрос напрямую: какая помощь будет оказана полякам? Никто не ожидал многого от армии, но были же военно-воздушные силы и военно-морской флот?

Королевские ВВС капитулировали раньше, чем был поставлен этот вопрос. Чтобы немцы не заблуждались, им сообщили 22 августа, что не будет никаких воздушных налетов на немецкие города – только на военные объекты. Бомбардировочная авиация предназначалась для операций в будущем, и ее силы не должны были расходоваться для операций по второстепенным объектам. Действия королевских ВВС предполагалось ограничить акциями против немецкого военно-морского флота и разбрасыванием пропагандистских листовок на территории рейха. Однако об этом ничего не было сказано полякам.

Сложилась странная ситуация. Французская армия была мобилизована и готова к действиям. Британский военно-морской флот был приведен в боевую готовность и находился в море. Королевские военно-воздушные силы имели внушительное по тому времени ядро стратегической бомбардировочной авиации (чего не было у Германии). Британские самолеты могли наносить удары по Северной Германии и Руру. Таким образом, внушительные силы были готовы к действиям. Однако их политическое и военное руководство не имело ни планов, ни воли, которые привели бы эти огромные силы в эффективное движение. Вместо этого начались

дипломатические интермедии, которыми Гитлер отвлекал их, пока он не был готов к нанесению удара.

На фоне суровой действительности сосредоточения немецких армий на востоке и подавляющего англофранцузского превосходства на западе дипломатическая деятельность того времени дает особенно наглядную иллюстрацию того, что получается, когда дипломатия и сила действуют отдельно друг от друга.

Утром 25 августа английский поверенный в делах в Берлине сэр Джордж Огилви-Форбс послал личное письмо Айвону Киркпатрику, начальнику немецкого отдела министерства иностранных дел. К письму он приложил краткое содержание речи Гитлера перед командирами в Берхтесгадене 22 августа. Посол видел это письмо, но был слишком занят, чтобы взять его с собой в Лондон. Поэтому, указывает в своем письме Огилви-Форбс, он посылает его Киркпатрику «лично и для использования по усмотрению». Таким образом, информация, которая вполне могла оказаться важнейшим фактором для принятия решений кабинетом, оказалась в частном письме и выпала из поля официального внимания. Вместо того чтобы оценить это новое подтверждение решимости Гитлера развязать войну, вместо мобилизации для быстрых действий кабинеты в Лондоне и Париже продолжали тратить время впустую, а военные и дипломаты – сомневаться в решимости Гитлера идти на риск мировой войны.

Биргер Далерус, шведский посредник Геринга, сообщил 27 августа после вручения Герингу письма от министра иностранных дел лорда Галифакса, что теперь он убежден: Гитлер и Геринг хотят мира. Далерус был не единственным, кто делал столь поспешные выводы.

В Уайтхолле специалист по германским вопросам в министерстве иностранных дел Айвон Киркпатрик в тот

же день, 27 августа, составил «памятную записку». В ней он пришел к следующему выводу: «Тот факт, что герр Гитлер считает послание министра фельдмаршалу Герингу удовлетворительным и согласен воздержаться от действий, показывает, что правительство Германии колеблется». Киркпатрик считал, что его точка зрения была подтверждена одним сотрудником немецкого посольства в Лондоне, предположительно Тео Кордтом, с которым он поддерживал постоянную связь. Поэтому, по мнению Киркпатрика, английское правительство должно действовать примирительно по форме, но абсолютно твердо по существу. Последние признаки указывают на то, писал Киркпатрик, «что у нас неожиданно сильные позиции». Новости из Турции и Италии являются наиболее удовлетворительными. Сомнительная помощь русских не компенсирует Гитлеру отказ Муссолини вступить в войну.

Памятная записка была показана Галифаксу. Он выразил полное согласие с ее содержанием и сказал, что он постоянно имеет в виду эти соображения. Невольно возникает вопрос, ознакомился ли Киркпатрик к этому времени с личным письмом Огилви-Форбса и кратким содержанием выступления Гитлера перед командирами. Если да, а надо полагать, что так и было, тогда он, очевидно, не обратил на это выступление никакого внимания, как, похоже, и все остальные.

Пропасть между миром дипломатических иллюзий и военной действительностью увеличивалась с каждым часом. Пока Киркпатрик размышлял о намерениях Гитлера и советовал держать твердую позицию, сэр Огилви-Форбс, отвечавший за деятельность британского посольства во время отсутствия Гендерсона в Лондоне, и французский посол Кулондр обменивались мнениями по телефону, а немецкий абвер их подслушивал. Доклад о содержании их разговора был направлен начальнику штаба генералу Гальдеру, который отметил, что «наши

противники знают, что мы намереваемся напасть на Польшу 26 августа». Далее Гальдер писал, что противник также знал новую дату нападения - 31 августа. Из перехваченного телефонного разговора Гальдер также узнал, что, когда Гендерсон вернется, он будет стремиться выиграть время. И здесь перед нами опять возникает эта странная загадка: британский поверенный в делах в Берлине был точно информирован относительно намерения Германии напасть на Польшу; об этом знал и французский посол. Однако не было никаких свидетельств этой определенности ни в Лондоне, ни в Париже. Скорее наоборот.

Гендерсон должен был встретиться с Гитлером на следующий день вечером. Во второй половине дня у Гитлера было совещание, на котором присутствовали Гальдер, Гиммлер, Вольф, Геббельс и Борман. Гитлер сообщил им, что он настроен добиться урегулирования: либо Данциг будет передан немцам и другие требования также будут выполнены, либо Германия перейдет к решительным действиям. Фактически к тому времени, когда Гитлер совещался со своим ближайшим окружением, последней возможности выбора больше не было. После трех часов пополудни в войска ушел приказ главнокомандующего генерала Браухича, в котором было установлено время вторжения в Польшу. Час «Зеро» наступал рано утром 1 сентября.

Точные сроки и решения очень важны для оценки той роли, какую играли дипломаты. Итак, в 3:22 пополудни 28 августа приказ начать вторжение был вновь отправлен из рейхсканцелярии. В 17:30 Гитлер совещался со своими военными и эсэсовскими советниками и сообщил им о своем намерении идти вперед и предъявить новые требования Польше «в соответствии с военной обстановкой». В 22:30 прибыл Гендерсон с посланием от Чемберлена. Гитлер прочитал его и затем пустился в серьезные рассуждения о

возможных путях консолидации англо-германской дружбы, а Риббентроп пожелал узнать, поведет ли Чемберлен страну к такой политике. Гендерсон заверил его в этом. Гитлер спросил, «будет ли Англия готова принять альянс с Германией», и Гендерсон ответил, что лично он не исключает такую возможность. Беседа закончилась незадолго до полуночи обещанием Гитлера дать ответ в письменном виде на следующий день. Гендерсон ответил, что никакой спешки нет и он «вполне готов подождать». Но Гитлер многозначительно заметил, что «ждать нет времени». Гендерсон вернулся в посольство и рано утром 29 августа послал обстоятельное донесение о состоявшейся встрече.

Напрашивается вывод, что в то утро понедельника самым обсуждаемым вопросом в британском МИДе и на набережной Д'Орсе была мобилизация в Польше и Германии. Также речь шла о завершении Францией широкого круга предмобилизационных мероприятий. Кроме того, оставалось всего 48 часов до установленной даты вторжения в Польшу, и накануне ночью Гитлер сказал Гендерсону, что ждать нет времени. Сигналы едва ли могли быть более выразительными. И только один вопрос не нашел отражения в повестке дня ни у британского и французского правительства, ни у Генеральных штабов этих стран: теперь, когда нападение на Польшу неминуемо, что они будут делать? Что, в самом деле, они намеревались сказать полякам? Никто не сказал ничего.

Судя по характеру деятельности министерства иностранных дел в тот день, можно сделать вывод, что здесь все еще преобладала трактовка Киркпатрика. Донесение Гендерсона о его разговоре с Гитлером не подстегнуло к заключительным приготовлениям к максимально эффективной встрече теперь уже неизбежного нападения на Польшу. Оно положило

начало обсуждению наилучшей формулировки соглашения с Гитлером.

Обсуждение началось с еще одной «памятной записки» Киркпатрика. Перед Гитлером два пути, отметил Киркпатрик. Он может начать войну, и тогда нет необходимости в каких-либо дальнейших дискуссиях. Однако Киркпатрик, очевидно, думал, что Гитлер выберет второй путь, и это его беспокоило. Он предупреждал своих шефов, что Гитлер может снизить свои требования до приемлемого уровня. Тем самым он бы выполнил свое обещание вернуть Данциг без кровопролития. Он также обеспечил бы «безоговорочное обещание англичан восстановить колонии и найти понимание с Германией». Поэтому было важно, доказывал Киркпатрик, не оставлять надежду на мир. «Если мы проявим мудрость и твердость, можно достичь вполне терпимого *modus vivendi* на этой основе, даже возможна какая-то степень разоружения».

«Записка» Киркпатрика настолько заинтересовала дипломата сэра Орма Сарджента, что он даже добавил к ней собственную «записку». Он опасался, что Гитлер мог иметь и третий путь, открытый для него: требовать урегулирования на своих условиях, угрожая прервать переговоры. Эти два комментария легли в основу третьего, написанного самим министром иностранных дел.

Лорд Галифакс записал 30 августа, что беспокойство Киркпатрика имеет реальную основу – «урегулирование без войны путем уменьшения требований Гитлера»; или, как у Орма Сарджента, согласие на невыгодное урегулирование под угрозой срыва переговоров. «Мы должны быть начеку в обоих случаях», – писал министр иностранных дел. И здесь мы узнаем об одном из показательных аспектов в мышлении лорда Галифакса накануне войны. «Может быть, – писал он, – вообще невозможно никакое урегулирование, пока нацистский

режим остается у власти в Германии. Однако я не думаю, что это должно служить решающим фактором против работы в интересах мирного урегулирования на соответствующих условиях. И когда мы говорим о Мюнхене, мы должны помнить об изменении, которое произошло с тех пор в настроениях и могуществе этой страны...» Отсюда Галифакс делает вывод: «Если Гитлера сейчас приведут к принятию умеренного решения, то, возможно, не будет принятием желаемого за действительное верить, что это вызовет определенное снижение его престижа внутри Германии».

Кабинет собрался в тот же день, чтобы рассмотреть ответ Гитлера. Обсуждение свелось почти полностью к дипломатическим перспективам урегулирования и условиям, которые могли бы стать основой для переговоров. В один из моментов выступил Белиша с заявлением, что немцы развернули 46 дивизий против Польши и 15 дивизий против Запада, но даже и это не подтолкнуло членов кабинета к рассмотрению стратегического значения начала войны. Печальный факт заключался в том, что к этому времени поляки как военный фактор были вычеркнуты из уравнения мира и войны. Для планов союзников не имело никакого значения, будут они сражаться или нет, продержатся ли они три месяца или три недели. Это не скажется ни на королевских ВВС, ни на французской армии. Члены кабинета строили планы независимо от поляков. Они не собирались провоцировать немцев какими-либо агрессивными действиями на суше или в воздухе. В каком-то смысле военная сторона польского вопроса была решена еще до того, как началась война, – так или иначе, как бы сказал Гитлер. Оставались только дипломатические возможности, которые продолжали занимать британцев и французов еще долго после того, когда они окончательно оторвались от реальности.

Пока Галифакс рассуждал в своей «памятной записке», а кабинет посвятил очередное заседание во вторник обсуждению условий урегулирования, Гитлер отдал приказ начать нападение в 4:30 утра в четверг. Гиммлер уже разослал списки с именами тех, кто подлежал аресту тайной полицией и службой безопасности. Списки были длинными, предполагаемые меры жестокими, и даже Геринг и Гальдер выразили сомнение в их целесообразности. При обсуждении в ставке и в рейхсканцелярии было отмечено, что Англия проявляет «мягкость» в отношении предполагаемых военных акций против Польши и не будет вмешиваться.

Такое впечатление – поскольку это вряд ли было нечто больше, чем впечатление, – было воспринято со значительным облегчением, поскольку немецкая мобилизация проходила намного медленнее, чем ожидалось. Трудностей оказалось куда больше, чем можно было предполагать. Строительство Западного вала было далеко от завершения. В тот день, когда фон Лееб докладывал на совещании, оставшаяся на оборонительных сооружениях рабочая сила начала активно распадаться. Третья часть рабочих была призвана в армию, еще треть разбежалась, а оставшиеся были неэффективны. Армейские подразделения не были полноценной заменой строительным рабочим. Последнее, чего желало немецкое Верховное командование при таких условиях, – это нападения французов на линию Зигфрида и воздушных налетов британцев на деморализованных строительных рабочих. Впрочем, им нечего было бояться.

Гамелен продолжал уговаривать французов и британцев не делать ничего, что могло бы спровоцировать возмездие немцев; имперский Генеральный штаб настаивал, чтобы полякам и французам «посоветовали» не предпринимать никаких «импульсивных» действий, в результате которых могли

бы последовать воздушные налеты на Британию и Францию. Военно-воздушные силы обеих стран уже настолько сократили число возможных объектов для атак, чтобы практически устранить себя как активный фактор в войне против Германии в течение первых недель, которые были так важны. Гитлер, казалось, был единственным активно действующим лицом. В письме Муссолини 26 августа Гитлер смог дать ему яркое и точное описание настроений в Лондоне и Париже. Он приступит к разгрому Польши, «даже рискуя осложнениями на западе»; однако ни Британия, ни Франция не предпримут никаких решающих шагов до завершения войны на востоке. Затем зимой или весной он повернет на запад, имея в своем распоряжении соответствующие силы. Однако правительства Британии и Франции и их Генеральные штабы все еще оставались в полном неведении и питали ложные надежды избежать войны, которую они могли выиграть там и тогда.

Рано утром 1 сентября, в соответствии с планом, немецкие армии вторглись в Польшу. Официального объявления войны не было, хотя довольно редко жертвы агрессора могли получить заранее более убедительные доказательства его намерений. Поляки начали мобилизацию довольно поздно, главным образом из-за давления англичан не делать ничего преждевременно, чтобы не провоцировать немцев. Поэтому нападение застало их частично неподготовленными – в стране еще шла мобилизация. Во Франции мобилизация шла уже несколько дней, и вопреки всему, что впоследствии было написано в порядке оправдания, французские войска первой линии пребывали в большей степени готовности, чем любые другие, в том числе и немецкие.

Однако самым важным событием, имевшим место, когда немцы перешли польскую границу, явился крах британской политики сдерживания агрессора.

Правительство, дипломаты и вооруженные силы поставили все на свое убеждение, что Гитлер воздержится от нападения на Польшу ввиду британской угрозы пред стоящей мировой войны. Ровно в 4:30 в четверг 1 сентября Гитлер, ничем не сдерживаемый, двинулся на Польшу. Ни британцы, ни французы не были готовы к следующему *военному* шагу. У них даже не было политической альтернативы объявлению войны. Наоборот, теперь стало очевидно, что, если бы Гитлер разыграл те политические карты, которых так боялись Киркпатрик и Сарджент в своих «памятных записках» от 29 августа, он мог бы получить удовлетворение практически всех своих максимальных требований без дальнейшей войны. Но Гитлер принял решение в пользу войны, и его генералы с нарастающим беспокойством ожидали известий с Западного фронта, где ничего не происходило.

Поляки тоже встревожились. Ничто из того, что им говорили британцы и французы в ходе многочисленных обсуждений, не подготовило их к такой ужасающей пассивности. Даже тогда, в те первые дни войны, они еще не осознали, что это была продуманная политика, а не просто «пробуксовка» военной машины. Первый намек появился, когда французский посол в Варшаве Леон Ноэль посетил премьер-министра полковника Бека, уже после того, как немецкое наступление продолжалось более двенадцати часов, чтобы сообщить ему о попытках Муссолини созвать конференцию для мирного урегулирования польского вопроса. Бек ответил, что в результате неспровоцированного нападения Польша находится в разгаре полномасштабной войны. «Это уже вопрос не обсуждения на конференции, а сопротивления нападению объединенными действиями Польши и ее союзников». Бек добавил, что с утра идут непрерывные воздушные налеты и имеются жертвы.

Польский посол в Лондоне направился на Даунинг-стрит, 10, где встретился с министром иностранных дел. Он более подробно информировал Галифакса о немецком нападении и спросил, выполнит ли Британия обещание Польше. Галифакс вспоминает, что заявил послу следующее: «Если факты таковы, как изложены, не сомневаюсь, что у нас не будет никаких трудностей для решения о немедленном вступлении в силу наших гарантий». Все еще не было никаких признаков уклонения от обязательств, никаких указаний на то, что премьер-министр мыслит о длительной войне, которая приведет не так к победе союзников, как к окончательному коллапсу Германии от внутреннего напряжения^[31]. Не было и намека на выводы, к которым пришла британская военная верхушка: Британия будет не в состоянии оказать реальную военную помощь Польше. Ее сухопутные силы и авиация не смогут активно действовать еще три года, а военно-морской флот слишком дорог и уязвим, чтобы его преждевременно подвергать опасности. Почти то же было и в Париже.

Ничего не было сказано о такой косвенной и запоздалой помощи, исходя из британских гарантий, во французских обсуждениях, или в пакте о взаимной помощи, подписанном 25 августа, то есть менее чем недель ранее. Хотя в последнем в категорической форме заявлялось, что в случае агрессии со стороны европейской державы (под этим подразумевалась Германия) «другая Договаривающаяся сторона *немедленно* окажет Договаривающейся стороне, вовлеченной в боевые действия, всю поддержку и помощь, которая в ее власти». Это был первый параграф пакта. Эта же мысль подчеркивалась в параграфе пятом, где заявлялось, что такая взаимопомощь и поддержка будут оказаны, и «*немедленно*, с началом военных действий» (курсив мой. – Д. К.). Поэтому не было ничего

удивительного или неразумного в том, что поляки ожидали быстрого дипломатического и военного реагирования, подвергшись нападению. Как мы знаем, ни того ни другого не последовало. Возникает вопрос – на который так и не был дан ответ: по чьему совету подписан польский пакт? Вопрос тем более актуален, ввиду предыдущей аргументации начальников штабов, что «будет трудно оказать полякам какую-либо серьезную помощь, с одной стороны, не вызвав ответных ударов немцев по городам и промышленным центрам союзников и, с другой, не рискуя настроить против себя общественное мнение нейтральных стран».

При внимательном рассмотрении этот вывод, подготовленный начальниками штабов как рекомендация для кабинета, представляется чрезвычайно любопытным. В нем подразумевается, что «серьезное облегчение для поляков» возможно, если правительство готово развязать воздушную войну против Германии и если оно сможет убедить общественное мнение нейтральных стран, особенно Соединенных Штатов Америки, в правоте своих действий. Можно только недоумевать относительно уместности и правомочности начальников штабов давать советы относительно общественного мнения нейтральных стран. В любом случае, надо полагать, такой риск был бы оправданным, если он означал реальную помощь попавшим в тяжелое положение полякам и нанесение ударов по ослабленным военно-воздушным и наземным силам Германии на Западном фронте.

Поляки также адресовали настоятельные просьбы и к правительству в Париже. 4 сентября был подписан франко-польский договор о взаимной помощи. Он был идентичен британскому прототипу и сразу же после подписания вошел в силу. Польский посол в Париже после этого стал настаивать на немедленном общем

наступлении на западе в соответствии с договоренностью между генералом Гамеленом и польским военным министром 19 мая.

В тот день начальник имперского Генерального штаба генерал Айронсайд и главный маршал авиации Ньюолл прибыли в Венсенн для переговоров с французским Генеральным штабом. Несмотря на многочисленные предыдущие совещания объединенного комитета штабов, которые происходили с конца марта, британские начальники штабов не могли доложить кабинету, что намерены предпринять французы в нынешних условиях. Британцы также не информировали французов о своих намерениях. Не было скоординированного плана действий на такой случай, равно как и совместного плана помощи полякам. Обсуждения в Париже существенно не продвинули этот вопрос, во всяком случае для поляков.

Айронсайд и Ньюолл на следующий день доложили кабинету, что после завершения сосредоточения своих армий Гамелен собирался около 17 сентября «надавить на линию Зигфрида» и проверить ее прочность. Французы полагали, что возможен и прорыв, однако «Гамелен не собирался рисковать драгоценными дивизиями при неосмотрительном наступлении на сильно укрепленные позиции». Кабинет принял к сведению план Гамелена и пришел к решению, что английские бомбардировщики могут быть использованы для развития любого прорыва через линию Зигфрида.

В версии происходящего на этих англо-французских обсуждениях, изложенной генералом Гамеленом, британская позиция представляется в несколько ином свете. Гамелен утверждает, что накануне встречи с Айронсайдом и Ньюоллом он спросил начальника штаба ВВС Франции генерала Вюймена, каковы его предложения по оказанию помощи полякам. Вюймен ответил, что «думал» о начале бомбардировочных

операций на Польском фронте, «но для этого необходимо иметь согласие англичан».

На время мы можем отодвинуть в сторону наше недоумение относительно того, что именно французы обсуждали с британцами все прошедшие месяцы, и вновь вернуться к англо-французской встрече на следующий день, 4 сентября. Иными словами, мы вернемся к совещанию генерала Айронсайда и главного маршала авиации Ньюолла с французским Генеральным штабом – в версии Гамелена.

Оно оказалось безрезультатным. Не было решено ничего. С британской стороны в основном говорил Айрон сайд, в то время как Ньюолл был демонстративно сдержан относительно любых возможных действий королевских ВВС для помощи полякам. По сути, это была очередная типичная встреча штабистов, только на более высоком уровне.

Через два дня, 6 сентября, генерал Вюймен информировал французский Генеральный штаб, что просьбы поляков о помощи средствами авиации союзников «становятся все отчаяннее», в то время как реакция британцев остается уклончивой. Вюймен полагал, что возможность для отправки такой помощи уже упущена, особенно для французской авиации, оснащенной хуже британской. Районы, куда могли быть посланы французские бомбардировщики, уже занимают немцами. Тут Гамелен заметил, насколько прав был в мае, когда отказался связать себя обещанием оказать полякам помощь с воздуха, если они подвергнутся нападению. Он обсудил этот же вопрос позже с французским премьером. Даладье согласился, что Франция не может помочь полякам ни с воздуха, ни с моря. Но англичане со своими современными бомбардировщиками наверняка могут что-то сделать? – спросил он. Генерал Вюймен объяснил некоторые технические трудности, с которыми столкнулись

англичане. Гамелен добавил, что в любом случае «королевские военно-воздушные силы категорически отказались посылать в Польшу самолеты, когда их просили об этом»^[32].

4 сентября произошли еще две довольно показательные встречи – когда Айронсайд и Ньюолл были в Париже. Французский министр иностранных дел Боннэ информировал генерала Гамелена, что договор о взаимопомощи с Польшей подписан и поэтому договоренность между Гамеленом и польским военным министром, достигнутая 19 мая, приобрела законную силу, потому Франция обязана открыть второй фронт против Германии «своими основными силами». Польский посол Лукасевич просил Боннэ об этом, как только был подписан договор. Боннэ отмечает, что Гамелен уклонился от прямого ответа. Он заявил, что договор не имеет законной силы, так как в момент его подписания не было параллельного политического договора. Он также утверждал, что, когда говорил о помощи полякам, имел в виду атаку «основными силами» Франции на линию Зигфрида.

Боннэ, один из главных миротворцев, сделавший все возможное, чтобы избежать войны, теперь оказался в положении адвоката дьявола. Он направился к Даладье, желая убедить его, что объявление войны изменило все. Франция должна предпринять «решительное наступление», чтобы вынудить Германию вести войну на два фронта. Польша «с ее восьмьюдесятью дивизиями» необходима для обеспечения победы союзников; сейчас важно, чтобы «мы не позволили немцам разгромить ее в течение каких-нибудь нескольких дней».

Боннэ напомнил Даладье, что именно из-за необходимости сохранить польские дивизии для войны на два фронта генерал Гамелен на заседании военного совета 27 августа высказался в пользу войны. Однако Гамелен одержал верх над Боннэ. Королевские ВВС

тоже. Никакой помощи Польше на суше и в воздухе не будет.

Немцы, захватив Париж, обнаружили текст письма, посланного генералом Гамеленом польскому главнокомандующему маршалу Рыдз-Смиглы. Оно подтвердило неискренность (мягко говоря) генерала Гамелена.

Письмо было написано 10 сентября и адресовано польскому военному атташе в Париже для передачи маршалу. Очевидно, оно явилось ответом на запрос, в какие сроки поляки могут рассчитывать на эффективную помощь от французов. Гамелен ответил, что более половины его «активных» дивизий на северо-востоке уже участвуют в боевых операциях. После пересечения границы Германии они встретили упорное сопротивление, «но мы тем не менее наступали». К сожалению, писал Гамелен, из-за сильной обороны противника, а также ввиду того, что «у меня еще нет в достаточном количестве необходимой артиллерии»^[33], французские войска были вынуждены перейти к позиционной войне. В воздухе, писал французский главнокомандующий, «мы ввели в бой наши воздушные силы во взаимодействии с нашими наступающими наземными войсками; нам противодействует значительная часть люфтваффе». Все это является свидетельством того, писал в заключение Гамелен, что «я выполнил обещание начать наступление нашими основными силами на пятнадцатый день после начала мобилизации, раньше предусмотренного срока. Невозможно сделать большего»^[34]. Через два дня, 12 сентября, Гамелен, после встречи с Чемберленом и Даладье, отдал приказ генералу Жоржу приостановить даже ограниченные наступательные операции против линии Зигфрида, которые он начал, и отвести назад выдвинувшиеся части. Генерал Гамелен в своем письме маршалу Рыдз-Смиглы сообщил о решительных

действиях, на которые рассчитывали поляки. Аналогичные обещания они получили и от англичан и поэтому начали оборону своей страны, уверенные, что в борьбе не будут одиноки. Они и представить не могли, что не получат абсолютно никакой помощи от своих могущественных западных союзников.

Это была трагедия Польши; но была еще и другая, более масштабная. Неспособность западных союзников воспользоваться сложившейся в начале войны ситуацией не только поставила Польшу в тяжелое положение, но и ввергла мир в пятилетнюю разрушительную войну. В сентябре 1939 года военный вопрос заключался не в том, поможет ли западное наступление союзников полякам, а в том, приведет ли оно к поражению Гитлера. В ставке Гитлера немецкие генералы не могли понять, что случилось с британцами и французами. Их бездействие было «необъяснимо» для немцев, разве что западные союзники «крайне переоценили» мощь немецких сил на западе. Это противоречило всем фундаментальным принципам военного мышления: союзники позволили уничтожить вооруженные силы Польши и сами не предпринимали никаких действий, когда немцы были полностью заняты на востоке. Пожалуй, Гитлер был прав, размышлял Кейтель: западные державы, вероятно, не будут продолжать войну, когда Польша будет разгромлена. Невозможно было найти другой смысл в их необъяснимом поведении. Все военные соображения были в пользу немедленного и решительного англо-французского контрнаступления на западе.

Глава 6

Операция «Ватерлоо» – битва, которой не было

Генерал Ульрих Лисс, способный немецкий офицер, по поручению командования изучил состояние французских вооруженных сил до и после начала войны. Он постоянно предостерегал против оценки боеспособности французского солдата летом 1939 года по тому, что случилось летом 1940 года, после разгрома Польши и после деморализующего года, проведенного в необъяснимом бездействии в окопах и бункерах линии Мажино. Немецкая разведка, оценивая состояние французской армии накануне войны, указывала, что, как и в Первую мировую войну, она является наиболее опасным из всех вероятных противников. Высокую оценку морального духа французской армии подтвердил генерал Ланклад на процессе в Риоме, заявив суду, что, когда французские войска вступали в бой с немцами в 1939 году, их «моральное состояние было отличным». Это было особенно справедливо в отношении сектора Форбах. Генералы Бланхард, Миттельгаузер и Геродиас в своих показаниях это удостоверили. Они также подчеркивали деморализующее влияние бездействия зимой 1939/40 года.

Французская наземная боевая техника на западе значительно превосходила немецкую по качеству и количеству. Французский танк того времени, конечно, нельзя сравнивать с более поздними моделями, но по стандартам 1939 года он был совсем неплохим. Даже спустя год, при вторжении во Францию и после прорыва у Седана, немецкие бронетанковые части избегали фронтальных столкновений как с французскими

танками, так и с очень эффективными 25-мм противотанковыми орудиями. Немцы пришли в ужас, когда испытали это орудие после капитуляции Франции и обнаружили, что снаряды этого орудия могли пробивать броню даже немецкого танка T-IV, не говоря уже об основе бронетанковых войск – танках T-I и T-II.

Многие авторы, особенно британские, и в частности капитан сэр Бэзил Лиддел Гарт, утверждали, что организационная структура французской армии была настолько привязана к условиям статичной войны, что оказалась не в состоянии осуществлять более или менее крупные наступательные операции против немцев в сентябре 1939 года. Более того, они слепо соглашались с утверждением Гамелена, что французской армии требовалось 17 суток для мобилизации и поэтому она ничего не могла предпринять до 17 сентября, а тогда было уже слишком поздно. Ни одно из этих утверждений, как мы увидим, не выдерживает критики.

Еще в июне и июле 1938 года, когда назревал чехословацкий кризис, генерал Гамелен издал серию подробных «директив», которые были связаны с планируемым контрнаступлением на линию Зигфрида между Рейном и Мозелем, со сдерживающими операциями на Верхнем Рейне и в секторе Люксембурга. В этом плане не было ничего чрезмерно статичного, даже если он и не соответствовал более поздним концепциям молниеносной войны. Фактически этот план мог быть с большой эффективностью использован против основных немецких сил, довольно рискованно сосредоточенных на Саарском фронте. Гамелен пошел еще дальше, когда представил план на рассмотрение французского правительства 1 сентября 1939 года, в день немецкого вторжения в Польшу. В этом плане указывалось, что наиболее эффективным способом оказания немедленной помощи Польше было бы

нападение на Германию на западе через Бельгию, Люксембург и Голландию.

Можно задаться вопросом, разве тот план не заслуживал более полного рассмотрения объединенным англо-французским штабом, когда у них еще было время рассмотреть его политические аспекты и подготовиться, учитывая известную оппозицию Бельгии и Голландии к подобного рода предложениям. Также возникает вопрос, рассматривался ли этот план и не был ли он отклонен вследствие возражений Бельгии. Доступные данные о штабных переговорах предполагают, что этот вопрос ставился на обсуждение, но всерьез не рассматривался – по политическим соображениям. Тем не менее важно отметить, что 1 сентября 1939 года французский главнокомандующий все еще считал возможным – с военной точки зрения – двинуть свои войска через Бельгию, если позволят сложившиеся политические условия. План не предполагает полной невозможности предпринять контрнаступление при данных обстоятельствах. Он вовсе не подтверждает вывод, что французская армия не смогла бы предпринять энергичное контрнаступление против немцев, даже если бы на это существовала военная и политическая воля и желание в Лондоне и Париже.

Вторым необоснованным предположением «школы Лиддела Гарта» было утверждение, что французы не могли вовремя провести мобилизацию, чтобы начать эффективные операции. Во многом эти утверждения основываются на заявлении Гамелена, что ему нужно было 17 дней со дня объявления мобилизации, которым он впоследствии стал считать 1 сентября. Это не было ни правильно, ни оправдано.

Теперь будет ясно, почему мы ранее относились с таким вниманием к датам французской мобилизации. Предварительная мобилизация фактически началась 21 августа. Более того, значительная часть личного состава

оборонительных сооружений и пограничных войск находилась на позициях уже за несколько дней до общей мобилизации. Документы, обнаруженные немцами, когда они заняли Париж, показывают, что мобилизация в основном была завершена к 4 сентября, и французская армия уже тогда была готова к боевым операциям. К 10 сентября французы полностью укомплектовали бронетанковые войска и артиллерию. Фактически они имели все, кроме желания нанести удар.

Французы мобилизовали 110 дивизий, не говоря уже о главном резерве, силах пиренейской и береговой обороны, флота, а также левантийских и колониальных силах. Гамелен имел 85 полностью обученных и оснащенных дивизий против немецкой армии фон Лееба в составе 11 кадровых дивизий и 25 недоукомплектованных, плохо обученных и слабо оснащенных дивизий второй линии, местной самообороны и учебных дивизий для пополнения. У Гамелена было шестикратное превосходство в орудиях; у него было 1600 орудий, помимо дивизионной артиллерии, против 300 немецких орудий; при этом французские орудия были лучше и более крупного калибра, чем у немцев. У Гамелена было 35 тысяч кадровых офицеров, а у немцев – менее 10 тысяч. У Гамелена было 3286 танков, у немцев – ни одного на Западном фронте. У французов и британцев вместе было 934 исправных боевых истребителя; британцы имели 776 годных к эксплуатации бомбардировщиков, а немцы на западе фактически не имели ни одного самолета.

В центральном секторе между Рейном и Мозелем, где в 1938 году Гамелен планировал нанести свой главный удар, 4 сентября, когда завершилась мобилизация, на позициях было 40 французских дивизий. Немцы еще собирали силы, они сосредоточили 17 кадровых дивизий с поддерживающими частями

весьма невысокой боеспособности, а французский контингент рос каждый день.

Если бы Гамелен осуществил свой план, он не только прорвался бы к сердцу Германии в направлении Майнца, но и захлопнул бы западню для основного костяка немецкой армии на Саарском фронте. Это понимал каждый фронтовой немецкий офицер. Нет необходимости говорить о последствиях этой операции для хода войны против поляков. Достаточно сказать, что вся Западная Германия оказалась бы открытой для вторжения. Это, возможно, подтолкнуло бы немецких генералов на действия против Гитлера и помешало русским вступить в преждевременный и весьма сомнительный союз с нацистами.

Генералы Гальдер, Кейтель, Лееб, Витцлебен, Вестфаль и Манштейн предусмотрели разные возможные варианты наступательных действий союзников, которые могли бы сокрушить немецкую оборону на западе. Но мы ограничимся планом, подготовленным французским Генеральным штабом, но который, очевидно, никогда серьезно не рассматривался правительствами Британии и Франции и их Генеральными штабами. Генерал Жорж, командовавший войсками на важнейшем французском секторе, доложил 4 сентября, что его войска заняли позиции и готовы перейти в наступление.

Британское правительство и начальники штабов, в свою очередь, думали о немедленных действиях или использовании возможностей, представившихся в результате занятости вермахта на Польском фронте, ничуть не больше французов. В королевских ВВС больше всего беспокоились о том, чтобы не делать ничего, что могло бы прервать плановое наращивание военно-воздушной мощи, и «не растрачивать ресурсы на второстепенные цели», как это было сформулировано в официальных документах. Однако никто, за

исключением коммодора авиации Слессора, не предложил главной цели, на которую можно было направить бомбардировщики. Штаб королевских ВВС рассматривал бомбардировочную авиацию как то, что прежде всего необходимо сохранять и расширять; это считалось главным, и ее использование предусматривалось разве что для предотвращения поражения.

В результате «англичане были согласны на проведение политики ограниченных бомбардировок», которая, как утверждалось, была одобрена французами, в то время как вермахт приступил к разгрому Польши. Более того, командование королевских ВВС докладывало, что, поскольку люфтваффе атаковали только военные объекты в Польше, «бомбардировочная авиация ограничит свои действия атаками на военно-морской флот Германии и распространением пропагандистских листовок над территорией Германии». Предположение, что люфтваффе действовали только против военных объектов (Варшава была одним из них), выдвинутое командованием королевских ВВС и армии как аргумент против тех, кто хотел активного вмешательства бомбардировщиков в боевые действия против Германии, было отвергнуто некоторыми высокопоставленными офицерами в королевских ВВС.

Коммодор Слессор, начальник отдела планирования штаба королевских ВВС и член англо-французского объединенного комитета штабистов с момента его создания в марте, подверг сомнению разумность такой политики в своем меморандуме на имя начальника штаба ВВС, подготовленном в ходе первой недели войны. Поскольку возможность напасть на Германию, пока ее силы скованы на другом фронте, была принесена в жертву политике сохранения в целостности бомбардировочной авиации, Слессор писал: «Хотя численность нашей авиации в воздухе является

важнейшим фактором, нельзя игнорировать другие важные соображения. Мы теперь находимся в состоянии войны со страной, обладающей видимостью внушительного военного могущества. Однако все то, что находится за фасадом, является политически прогнившим, слабым в финансовом и экономическом отношении. Эта страна уже погрязла на другом фронте... В настоящее время инициатива в наших руках. Если мы воспользуемся ею сейчас, то можем добиться важных результатов, если же мы ее упустим вследствие выжидания, то, вероятно, потеряем значительно больше, чем выиграем».

Это было проницательное, почти пророческое предупреждение, о котором Джон Слессор позднее в своих мемуарах, по непонятной причине, умалчивает.

Оценку обстановки того времени, данную Слессором, разделял и помощник начальника штаба ВВС вице-маршал авиации У.С. Дуглас. В своих мемуарах лорд Дуглас описывает, что события развернулись совсем не так, как предполагалось. Вместо того чтобы разрешить королевским ВВС участвовать в войне, их удерживали. Лорд Дуглас считал, что британское правительство ошиблось. Королевские ВВС должны были получить приказ начать воздушное наступление против Германии немедленно. Вместо этого немцам позволили диктовать британцам политику и образ действий. Дуглас и штаб ВВС чувствовали горечь и унижение, видя уничтожение Польши, в то время как западные союзники пальцем не пошевелили, чтобы ей помочь. Они чувствовали, что единственное возможное объяснение заключается в том, что премьер-министр и кабинет все еще надеялись договориться с Гитлером после разгрома им Польши.

Но было и другое возможное объяснение. Рекомендации, которые давали британские и французские штабисты после того, как начали совместные обсуждения, сводились к тому, чтобы

предостерегать свои правительства от принятия решительных мер. Как мы видели, военные, авиационные и военно-морские советники правительств все время твердили, что они находятся не в том положении, чтобы оказать помощь Польше или нанести более или менее ощутимый удар по Германии. И все же, даже исключая особые обстоятельства, связанные с военно-морским флотом, нельзя избежать вывода, что англо-французское контрнаступление в широких масштабах (в условиях 1939 года) было возможно и почти наверняка оказалось бы успешным. Генеральные штабы Британии и Франции должны разделить со своими правительствами серьезную ответственность за отказ дать сражение, которое могло быть выиграно и которое могло решить исход Второй мировой войны в сентябре 1939 года^[35]. Возможность была упущена и больше не повторилась.

Глава 7

Урок сентября – «думать, как рыба»

Нет какого-то одного действия, одного человека или одной политики, на которые можно было бы возложить ответственность за неспособность британцев и французов выиграть и завершить войну против Гитлера осенью 1939 года. Люди всегда делали ошибки и продолжают их делать. Руководствуясь добрыми намерениями и соображениями высокой морали, люди совершают действия, которые навлекают катастрофу на себя и на другие народы. Вот и люди, находившиеся у власти в Британии и во Франции, унизились до обмана своих народов, своих коллег по кабинету и своих польских союзников вовсе не потому, что хотели предать Польшу. Дело в том, что они искренне верили, что такими средствами, пусть даже сомнительными, они смогут удержать Гитлера от развязывания войны. Однако в конечном счете они предали поляков, так как почувствовали страх перед возможными результатами нападения люфтваффе на города Британии и Франции. Эта вера и этот страх были обоснованы и оправдывались информацией, которой британское и французское правительства и их советники располагали в то время.

Природа и источник этой информации, а также ее трактовка – вот что требует самого тщательного изучения, прежде чем мы завершим свое исследование решающей битвы, которая так и не произошла. Необходимо также рассмотреть и другие сопутствующие факторы, приведшие к непринятию решений в 1939 году и способствовавшие оформлению разведывательной информации, доступной *всем* правительствам. Ведь

поскольку в итоговом анализе выясняется, что самой крупной ошибкой была та, что совершили Гитлер и уступчивые немецкие генералы, с готовностью следовавшие за фюрером, пока на карте была только Польша.

Политические взгляды и оценки чаще всего основывались на социальных предрассудках и предубеждениях и обуславливались характером предвоенного общества, все еще в сильной степени изолированного в замкнутые группы, сформированные классовой структурой Британии и Франции, и иерархическим военным и национал-социалистским обществом Германии 1939 года. Даже такие крупнейшие социальные потрясения, как всеобщая стачка 1926 года, не вызвали классовых эмоций такой интенсивности и ожесточенности, как те, что наблюдались в год перед началом войны.

Концепция национал-социалистской Германии как бастиона против распространения русского коммунизма была принята значительно шире среди правящих и высших классов Британии и Западной Европы, чем может понять новое поколение спустя тридцать лет. В большинстве случаев не сочувствие или поддержка расовой политики и идей нацистов и фашистов приводили к терпимому отношению к действиям нацистов и к недостаточному противодействию демократий, иными словами, к политике умиротворения; они проистекали в большинстве случаев из страха перед распространением русского влияния, осуществляемого при посредстве Народного фронта Леона Блюма и республиканского режима в испанской гражданской войне, равно как и через более привычные коммунистические каналы^[36].

Чемберлен писал о своем «глубочайшем недоверии к России» и ее мотивам через какие-нибудь десять дней после того, как Гитлер вошел в Прагу, а в течение

последующих шести месяцев в своих частных письмах он продолжал выражать искреннее убеждение, что Гитлер желал мирного урегулирования с Англией и не стремился к войне. Биограф Чемберлена справедливо подчеркивал, что это было вызвано вовсе не предрассудками. По его утверждению, оно основывалось на данных разведки и информации, которую представляли Чемберлену, о характере русского режима и его вооруженных сил и, надо полагать, также на информации о Германии и намерениях Гитлера.

Невилл Чемберлен не был исключением. Наоборот, он был одним из наиболее типичных представителей своего времени и своего класса, политических деятелей и военных, которые вершили дела в те предвоенные месяцы. Их взгляды были удивительно едины, хотя в стаде и были отдельные черные овцы, шедшие не в ногу со своим классом, – Черчилль, Макмиллан, Николсон и некоторые другие. В дневниках Николсона отчетливо видны чувства, которые этот акт дезертирства из своего класса вызвал у большинства членов консервативной партии. Частные заметки Джонса, лорда Лотиана и Айронсайда показывают, что власти предрержащие не были ни злодеями, ни глупцами, а просто частью строго ограниченного общества, жившего в пределах своих собственных горизонтов и оперировавшего закостенелыми политическими и стратегическими концепциями, подстрекаемые немецкими пропагандистами. Те зачастую, не имея намерения работать на руку Гитлеру, даже не подозревали, что делают именно это. Сочетание всех этих факторов с дипломатической и разведывательной информацией, собираемой и трактуемой людьми своего же класса и того же мировоззрения, создавало фундамент для стратегической концепции, на которой британцы и французы (и, как ни странно, Гитлер) основывали свои

судьбоносные политические решения, в конечном счете приведшие к сентябрю.

Правительства Британии и Франции и их Генеральные штабы были убеждены собственными предпочтениями (а также дипломатической и разведывательной информацией), что Гитлер отступит перед риском мировой войны как следствия дальнейшей местной агрессии. Они верили, что их твердые заявления и конфиденциальные дипломатические послания вместе с договорами и пактами о взаимопомощи подействуют на Гитлера как адекватное сдерживающее средство. (Они не были даже полностью уверены в воинственных намерениях Гитлера.) Гитлер, в свою очередь, тоже верил (не без некоторых оснований после Мюнхена), что британцы и французы не пойдут на риск мировой войны и угрозы уничтожения своих городов силами люфтваффе ради сохранения целостности Польши, где ни одна из этих стран не имела жизненно важных интересов.

Обе стороны ошиблись. И те и другие основывали свои расчеты, по крайней мере частично, на информации, полученной по обычным дипломатическим и военным каналам. Обе стороны в значительной степени блефовали. Англичане не собирались в 1939 году оказывать немедленную помощь полякам, как только те подвергнутся нападению; не собирались делать это и французы. Немецкий блеф в некотором смысле был намного опаснее для Гитлера: у него не было средств ни в воздухе, ни на суше, чтобы подкрепить свои угрозы британцам и французам. По существу, в сентябре все преимущества были у западных союзников. Как сказал Черчилль, они были хозяевами положения. Соответствующие сдерживающие факторы, однако, не сработали, хотя как западные союзники, так и немцы верили в их военную реальность: британцы и французы боялись ударной мощи

люфтваффе, а немцы знали, что сто французских дивизий – не миф и не блеф. Обе стороны ошиблись в психологической оценке готовности противника идти на риск мировой войны. Однако Гитлер, как и западные союзники, был готов идти на такой риск, даже если обе стороны имели запоздалые раздумья и сомнения. Важно отметить, что они решили идти на риск мировой войны, и не было эффективного тревожного набата, в который можно было ударить и предупредить каждое правительство, английское, французское и немецкое, об этом одном курсе, который был важнее всего прочего.

Миллионы слов, конфиденциальная и совершенно секретная информация, донесения и сплетни дипломатов, военные подробности и экономические оценки проходили через разведывательный аппарат (во всех аспектах) к людям, принимавшим решения в Лондоне, Париже, Берлине, Риме и Варшаве. Что они знали, когда пробил час принятия решений? Мы видели их действующими в тумане неведения, ошибочной информации и ошибочных суждений. И поэтому нам теперь следует ближе рассмотреть этот «аппарат», на который полагались Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини – и поляки. Что представлял собой в действительности «разведывательный аппарат», военный и дипломатический, летом 1939 года?

Это была странная смесь, разбросанная в довольно широких пределах. В Британии этот «аппарат» находился под контролем главы секретной службы и министра иностранных дел. Вся военная, военно-морская и авиационная разведка в конечном счете оказывалась в руках министра иностранных дел; в то время им был лорд Галифакс. Естественно, он также контролировал и всю разведывательную деятельность министерства иностранных дел, тот бесконечный поток телеграмм, писем, официальных донесений, который поступал в министерство иностранных дел от всех британских

миссий за границей, от «привилегированных шпионов», как назвал послов Пиго в своем политическом словаре в 1794 году. Однако не было центрального органа, который координировал бы информацию, оценивал и проверял ее, готовил продуманные выводы для использования кабинетом министров. Поэтому она носила бессистемный характер, в дело нередко вмешивались непрофессионалы, а министры принимали поспешные решения, основываясь на неподтвержденных слухах. В марте 1939 года была поднята по тревоге вся система местной обороны на основании слухов, что немцы собирались напасть на флот. С другой стороны, мы видели, что к предупреждению, сделанному постоянным заместителем министра иностранных дел сэром Александром Кадоганом, отнеслись как к мимолетной прихоти.

При рассмотрении источников информации тех критических месяцев 1939 года – накануне войны – мы сталкиваемся с еще одной трудностью. Как выяснилось, информация, полученная от секретных служб, не играла почти никакой роли при принятии решений правительством или начальниками штабов. Кроме секретных служб, основными каналами информации были донесения в министерство иностранных дел, особенно из миссий в Берлине, Париже и Варшаве, доклады военных атташе в этих столицах и оценки, составленные разведками армии, флота и авиации. И все же сомнительно, чтобы разведка королевских ВВС под руководством вице-маршала авиации Р.Ч.Ф. Пирса подготовила что-нибудь сравнимое по своему влиянию на политику правительства с докладами о люфтваффе, распространенными американским полковником Линдбергом.

Другой пример. Руководитель военно-морской разведки тех предвоенных месяцев контр-адмирал Д.

Трауп открыто восхищался успехами генерала Франко в Испании; он не скрывал своего отвращения к Народному фронту во Франции и ко всему, что исходило от Советского Союза. Капитан Лиддел Гарт пишет, как он встретил адмирала Траупа на одном из званых обедов и слышал его рассказ – в присутствии иностранных дипломатов – о глубокой симпатии к генералу Франко. «Зная, в какой степени правительство полагается на информацию адмиралтейства, я был ошеломлен тем, что эта информация поступает по такому сомнительному каналу».

Это очевидное – и настоящее – неведение относительно планируемых действий Гитлера и неспособность получить жизненно важную информацию представляется тем более странным, если учесть ситуацию в Германии. Там нашим агентам приходилось общаться с людьми, которые, по общим отзывам, были настроены против национал-социализма и фашизма сильнее, чем некоторые их британские и французские «коллеги».

На протяжении всех тех месяцев руководители немецкого абвера готовили заговор с ведущими офицерами вермахта с целью свержения Гитлера. Они присутствовали на выступлениях Гитлера 23 мая, 14 и 22 августа. Они знали о каждом шаге, обо всех приготовлениях Гитлера. При помощи такой группы нелояльных генералов и сотрудников контрразведки разведчики и дипломаты союзников не сумели предвидеть движение Гитлера к войне и нападение на Польшу! Представляется немыслимым в свете того, что нам известно об адмирале Канарисе, полковнике Остере, Хасселе и Гизевиусе, не говоря уже о других, что они сумели передать союзникам столь важную информацию о планах Гитлера.

Нам известно, что Остер информировал некоего старшего офицера голландской разведки о неминуемом

нападении 10 мая 1940 года; нам известно, что Дания и Норвегия были еще в апреле предупреждены через швейцарские каналы о предстоящем нападении, и нам также известно о тесных связях между оппозиционными немецкими кругами и дипломатами и военными атташе западных держав. Как же случилось, что при таких явных преимуществах ни начальники штабов, ни министерства иностранных дел, ни правительства двух стран оказались полностью не подготовленными к действиям Гитлера? Ведь он по меньшей мере трижды заранее излагал свои планы, которые были известны и офицерам абвера, и сотрудникам германского министерства иностранных дел, настроенным против Гитлера? Всем им были известны факты. Что же случилось с этими фактами? Они затерялись в каналах связи или их просто подшили к делам, не обратив на них должного внимания? Возможно, они намеренно скрыты? Или все же попали к адресатам, которые их проигнорировали?

Вопросы о том, что могло бы произойти в 1939 году, хотя с тех пор в организационном и техническом отношении британская и американская военные разведки и секретные службы стали намного совершеннее, отнюдь не праздные. Не произошло никаких коренных изменений в дипломатической и политической разведке. Не то чтобы их донесения были неадекватными. Они зачастую являются здравыми и трезвыми оценками местных условий и перспектив, но редко выходят за эти пределы и практически не вторгаются в сферу практических действий, в которой Гитлер был асом и которая стала отличительной чертой 1939 и 1940 годов. Именно в этой связи мы должны тщательно изучить уроки сентября 1939 года.

Начиная анализировать донесения 1939 года, опубликованные или остающиеся в архивах, мы видим, что их можно отнести к трем разделам:

1. Нежелание британцев и французов поверить, что Гитлер пойдет на то, что им представляется абсурдным.

2. Нежелание Гитлера поверить в готовность англичан и французов ответить на его вызов.

3. Преувеличенные оценки сил противника, приведшие к бездействию, когда можно и нужно было предпринять решительные действия, или к напрасной трате и неправильному использованию ресурсов и возможностей, чтобы встретить несуществующие опасности.

Сочетание неверия в неожиданности и веры в преувеличенные оценки сил противника продолжало играть главную роль в течение всей войны при выработке политических решений правительствами. Оно было решающим элементом при быстрой немецкой оккупации Норвегии и Дании в 1940 году и при прорыве французской обороны у Седана в мае того же года. Внезапное нападение японцев на Пёрл-Харбор оказалось возможным только вследствие полного неверия американцев в возможность такого нападения^[37].

После Пёрл-Харбора страны оси, казалось, утратили способности устраивать и впредь внезапные акции против союзников, за исключением неожиданностей тактического характера, как это было в случае с «летающими бомбами», нацеленными против гражданского населения Лондона. Однако, по мере того как фактор стратегической внезапности ослабевал, стал играть более серьезную роль другой фактор, о котором уже говорилось, – преувеличение сил противника.

Это была не простая форма преувеличения разведкой. Это преувеличение носило значительно более сложный характер; оно уходило корнями в обстоятельства 1939 года: страх и нежелание бросить немцам вызов на суше в Европе. По мере того как немцы начали укреплять свои позиции в стратегическом и психологическом отношении и в обиход вошли такие

термины, как «Атлантический вал» и «Крепость Европа», они опять стали снабжать разведку союзников такими же «рецептами», которые имели успех в 1938 и 1939 годах.

Начиная с 1942 года и особенно в 1943 году британская и американская оценки немецких сил на Атлантическом валу в значительной степени превышали фактическую численность немецких войск, оборонявших «Крепость Европу» на западе. Планы вторжения в Европу в качестве главной операции по облегчению тяжелейшего положения русских на русско-германском фронте неоднократно сводились на нет из-за численности сил вторжения, которая все время увеличивалась, ввиду многократного преувеличения разведкой немецких оборонительных сил на западе.

Но и это еще не все. Наряду с мрачными прогнозами о трудностях, связанных с преодолением обороны немцев на западе, давались блестящие оценки британской бомбардировочной авиации и стратегической авиации США. Казалось, одни только их действия могли заменить вторжение. Из поступающей информации следовало, что авиация союзников активно уничтожает люфтваффе и центры немецкой авиационной промышленности. По выражению командира британской бомбардировочной авиации маршала авиации Гарриса, авиация союзников оставляла «немцев без домов», ее налеты наводили ужас, о чем английскую прессу просили не писать, чтобы не вызвать протестов общественного мнения против подобных методов ведения войны. Таким образом, преувеличенные оценки сил Германии на западе и ущерба, наносимого Германии авиацией союзников, в значительной степени затягивали вторжение в Европу и окончание войны.

Преувеличение возможностей Германии оказывать сопротивление не закончилось с высадкой союзников в

Нормандии в июне 1944 года. В это время в Рейнской области полностью развалилась гражданская оборона и административное управление, воцарилась паника. Здесь больше не было никакой более или менее организованной обороны, в чем мог убедиться генерал Паттон, если бы направил свои войска к Рейну и за него в сентябре. Немцы здесь ждали их прихода, чтобы капитулировать; осенью 1944 года они опять, как и пять лет назад, в сентябре 1939 года, не могли понять нерешительности и колебаний союзников. Многое изменилось за эти годы, но только не монстры, которые мешали правительствам и генералам союзников воспользоваться возможностью и покончить с войной здесь и сейчас.

Так же как французские и британские генералы Фош, Хейг и другие в октябре 1918 года планировали продолжать войну еще один год, чтобы разгромить Германию, британцы и американцы в самом конце войны опасались большого оборонительного сражения отборных немецких войск в «редуте» Баварских и Австрийских Альп. Они считали, что немцы будут в состоянии продолжать войну, возможно, еще год или больше и тем самым вынудят союзников к мирным переговорам. Разумеется, для такого предположения не было никакой реальной основы, однако оно считалось вполне правдоподобным в высших кругах союзников.

Привычка преувеличивать силы противника не исчезла с окончанием войны. Она продолжалась в самых разнообразных вариациях. В 1948 году британская армия ожидала – общее мнение высказал начальник имперского Генерального штаба фельдмаршал Монтгомери, – что арабские армии сокрушат оборону евреев в Палестине за несколько дней. В 1951 году американцы в Корее были застигнуты врасплох, когда китайцы перешли реку Ялу.

«Вне конкурса» была оценка НАТО послевоенного могущества русских. Она доминировала на Западе, определяла политическое и военное отношение, влияла на формирование политики в годы холодной войны. Считалось, что русские обладают подавляющим превосходством традиционных сил над теми, что развернуты НАТО. Десятилетие или около того на мышление НАТО влиял этот главный фактор. Затем пришло убеждение американцев, что существует серьезный разрыв в численности ракет между Америкой и Советским Союзом, которое еще более усилило представление о советском превосходстве. Это сыграло важную роль в президентской кампании Кеннеди в 1960 году.

Первая существенная трещина в этих оценках имела место во время кубинского кризиса в октябре 1962 года, когда убежденность Хрущева, что американцы не пойдут на ядерную войну из-за кубинских ракет, была аналогична позиции Гитлера. Тогда Хрущев предполагал, что его оппонент уклонится от перспективы мировой войны, однако последствия были не столь ужасны, потому что, в отличие от Гитлера, Хрущев, обнаружив, что ошибся, продемонстрировал достаточное количество здравого смысла и отваги, чтобы отступить, пока еще было время.

Только после кубинского опыта американская и британская разведки начали пересматривать информацию о русском могуществе. И можно извинить советское руководство за веру в то, что западные лидеры намеренно преувеличивали советскую мощь, чтобы обеспечить повод для нападения. И снова, как и в 1939 году, ни дипломаты, ни разведки, ни связи не обеспечили своевременных корректив для неверных оценок Вашингтона, Лондона и Москвы.

Есть еще вьетнамские просчеты. Они подчеркивают, что основные условия для таких ошибок, по сути, не

изменились, хотя имеются технологические, механические и личные усовершенствования в сборе дипломатической и секретной информации. Вопрос подходит к сердцу настоящих трудностей нашего времени, когда мы начинаем рассматривать китайскую загадку. В случае Китая, а также исламского мира сбора и передаче дипломатической и секретной информации – в обоих направлениях – мешает пропасть между совершенно разными цивилизациями, историческими процессами и образами мыслей, взглядами и суждениями.

Это в значительной степени увеличивает возможности внезапных действий, неожиданных событий. В этом вопросе пионером был Гитлер. Он отлично понимал решающую важность психологического шока и внезапности – в войне и политике – и полностью использовал любые возможности. Его неожиданные действия вовсе не обязательно были основаны на сохранении в тайне места и времени. Вполне может стать, что внезапность достигалась манерой его действий, как, например, седанский прорыв в 1940 году или высадка на Крите в 1941 году.

Сегодня мы пытаемся защититься от дезинформации с использованием всевозможных новых технологических приемов. Мы располагаем обширными и дорогостоящими организациями для выяснения намерений других правительств, чтобы вовремя узнать о возможных враждебных планах. Те, в свою очередь, тоже имеют аналогичные организации и приемы, чтобы запутать нас и сбить с толку и предвидеть наш следующий шаг. Но в свете опыта 1939 года возникает вполне обоснованный вопрос, могут ли эти огромные и дорогостоящие механизмы, начиная от официальной дипломатии и кончая самыми изощренными формами разведки, дать ответы на вопросы, которые люди ищут с тех пор, как Иисус Навин послал лазутчиков в Иерихон.

Существует арабская пословица «Если хочешь поймать рыбу, думай, как рыба». В мире, где американцы должны понять китайцев, а британцы – русских, евреи – арабов, а индусы – французов и наоборот, думать, как рыба, невероятно сложно. Но это намного важнее, чем сложный анализ, выполняемый навороченными компьютерами.

Потому что в конце пути стоит Чемберлен и Даладье, Гитлер и Муссолини, Гальдер, Горт и Гамелен. Если дорогостоящий опыт сентября 1939 года – а ничто, если говорить о человеческих жизнях и ценностях, не могло быть дороже – чему-то и научил нас, то лишь следующему: инструменты, которое современное общество дало в распоряжение его правителям для принятия решений, являются слишком несовершенными для достижения цели. У нас более чем достаточно «сырья». Нет никакой необходимости «рыть землю» – добывать новую документацию. Нам всего лишь надо правильно читать то, что мы имеем. И тогда мы узнаем намного больше, чем причины неудачи союзников в первые двадцать дней Второй мировой войны.

Урок несостоявшейся битвы в сентябре 1939 года заключается в том, что современное общество более не может позволять себе полагаться на шаблоны дипломатии и разведки, которые были выработаны в ходе последнего столетия. Дипломатические и секретные службы, как бы они ни были модернизированы во всех своих технологических аспектах, устарели, как устарел биплан, и стали опасными для тех, кто все еще полагается на них. В век электронной дипломатии осталось совсем немного секретов, которые еще можно эффективно хранить. Поэтому для блага всего человечества стоило бы создать что-то вроде Международного разведывательного агентства, которое исправляло бы опасные разведывательные выводы, сделанные

ошибочно, лежавшие в основе большинства недавних больших войн, которые могут легко привести к войнам будущего.

notes

Примечания

Пакт о вооружении может быть подписан после летних переговоров – таков был обнадеживающий заголовок на первой полосе «Дейли экспресс» в пятницу. «Таймс» тем утром тоже писала о заметном улучшении международного положения. (Здесь и далее примеч. авт.)

19 февраля Чемберлен написал своей сестре: «Вся информация, которую мне удалось получить, вроде бы указывает на мир». Три днями позже, выступая в Блэкберне, он сказал, что торговля существенно улучшилась после речи немецкого канцлера, в которой он выразил надежду на мир и скорое окончание войны в Испании. Чемберлен добавил, что есть и другие знаки, позволяющие ему думать, что в 1939 году торговля будет продолжать улучшаться и ей не будут мешать политические тревоги. Он согласился с «герром Гитлером», что кооперация между двумя их народами определенно станет удачным решением для всего мира. Он пошел еще дальше и сказал, что «ничего не может в большей степени способствовать установлению мира во всем мире».

Гендерсон сообщил, что посоветовал Риббентропу и Герингу игнорировать критику шумной оппозиционной прессы в Лондоне и враждебное отношение к Германии Черчилля и его окружения: они не имели веса.

В парижской газете «Журналь де Деба» в четверг 9 марта был напечатан подробный рассказ об агрессивных намерениях Гитлера в марте, который впоследствии перепечатывала континентальная неонацистская пресса.

В связи с этим особенно интересен доклад немецкого посла в Варшаве фон Мольтке, отправленный 13 марта. В нем сказано, что британский посол сэр Говард Кеннард в тот день сказал ему, что полякам придется считаться с немецким характером Данцига и к этому необходимо подготовить польское общественное мнение.

Хотя 13 мая Галифакс вынужден был послать телеграмму Гендерсону в Берлин, чтобы убедить немцев, что английские гарантии охватывают также и Данциг и что Англия готова начать войну, если это потребуется. В следующей главе мы увидим, что из этого получилось в действительности. Кстати, итальянцы перехватывали все телеграммы английского министерства иностранных дел и передавали их немцам.

Этот потенциал, согласно заявлению Гитлера в рейхстаге 28 апреля 1939 года, составил свыше 1500 самолетов (500 из них были самолетами фронтовой авиации), 469 танков, свыше 500 зенитных орудий, более 43 тыс. пулеметов, 1 млн винтовок, 1 млрд патронов для стрелкового оружия и более 3 млн снарядов для полевой артиллерии.

Совещание проходило в военном министерстве в Лондоне. В британской делегации капитан Дэнквертс представлял военно-морской флот, полковник авиации Слессер – военно-воздушные силы, а генерал Кеннеди – сухопутные войска. Французскую делегацию возглавлял генерал Лелонг, французский военный атташе в Лондоне. В нее также входили полковники Нуаре и Эйме из штаба Гамелена. Другие лица, включая самого Гамелена, участвовали время от времени. По требованию лорда Галифакса все участники были в штатском, чтобы не привлекать внимания.

У них не было никаких оснований полагать, что поляки могли без помощи союзников держать оборону в течение нескольких недель или месяцев после нападения немцев, поскольку они знали о реальных возможностях Польши и получали от своих атташе в Варшаве настойчивые предупреждения об уязвимости польской обороны; однако эти предупреждения не были приняты во внимание, даже если были замечены, о чем нет никаких свидетельств.

Это обстоятельство тем более заслуживает внимания, что официальный историк Батлер обратил внимание на ту точность (Strategy, p. 11), с которой в событиях сентября 1939 года британцы и французы придерживались курса, взятого на этом заседании: непоколебимо следовали своим решениям, несмотря на взятый Германией совершенно иной курс, чем ожидали участники англо-французских переговоров.

А. Тэйлор утверждает со ссылкой на меморандум Хоссбаха, что это был не более чем гипотетический план, какие составляют все военные штабы, стараясь предвидеть все возможные варианты – и в этом может быть какой-то оправдательный элемент. Однако этого нельзя сказать в отношении запланированного нападения на Польшу – плана «Вайс». Это был не гипотетический план, и график Гитлера является решительным тому подтверждением. Единственной целью этого плана было уничтожение Польши не позднее сентября 1939 года.

Курсив автора; эта же аргументация была использована Гитлером и в 1941 году, когда он планировал нападение на Советский Союз, и он был близок к цели ввиду колебаний западных держав в вопросе о втором фронте.

Генерал-лейтенант Вальдемар Эрфурт опубликовал свой трактат «Внезапность в войне» – Surprise in War, в котором продемонстрировал, как важно заставить противника совершать решающие ошибки, прежде чем будет одержана убедительная победа.

Мы увидим, что в немецкой позиции была любопытная двойственность. Гитлер был убежден, что ни французы, ни британцы не станут активно вмешиваться, когда он нападет на Польшу, и был прав. Его генералы были так же убеждены, что союзники контратакуют, и ошиблись.

Значительную весомость этому аргументу придают мемуары немецких генералов и дипломатов, а также труды членов оппозиции.

Во время критического периода между мартом и сентябрем комитет по иностранным делам правительства Чемберлена – своего рода внутренний кабинет – встречался около шестидесяти раз. В него входили самые твердые соратники Чемберлена – Галифакс, Симон и Хор, глава имперского Генерального штаба и разные старшие офицеры и министры – по необходимости.

20 июля Вольтат беседовал с сэром Джорджем Джозефом Баллом, директором исследовательского департамента консервативной партии, и тот подтвердил, что выборы назначены на 14 ноября.

Версия этих переговоров Вильсона изложена в Документах британской внешней политики, т. VI. В ней совершенно иначе расставлены акценты происходящего и отсутствуют много специфических подробностей, упомянутых Вольтатом, и потому ее трудно считать полным и точным изложением событий, в сравнении с отдельными, представляющимися независимыми версиями Дирксена и Вольтата.

Французы проявляли необычайную сдержанность, когда речь шла о доступности официальных данных, но немцы, оккупировав Париж, захватили некоторые подлинные французские документы и использовали их для подтверждения своих более ранних оценок.

Французские источники приводили разные данные о людской силе и технике, которые часто противоречили друг другу. Изначально немецкая разведка сильно переоценивала бронетанковые силы французов, приписывая им 4535 танков, но после изучения захваченных документов изменила свое мнение.

По современным данным, их было не больше 90.

Рассказ Вицлебена – а впоследствии и Лееба – о положении дел на Западном фронте позже был подтвержден генералом фон Лоссбергом, оперативником из штаба фюрера.

Немцы начали тайную мобилизацию 18 августа, официально о мобилизации они объявили 25 августа.

Источник этой информации является безупречным, однако не может быть назван. Факты были тщательно проверены и подтверждены старшими офицерами, имевшими отношение к этому случаю.

Однако, как явствует из рассказа Слессора и дневника Айронсайда, а также из официальной истории, именно этим занимались британцы в отношении Польши, и Гитлер в этом не сомневался.

26 августа Хор-Белиша получил разрешение на мобилизацию 35 тыс. человек.

Несколько ранее этим же утром Геринг имел личную встречу с Гальдером, чтобы согласовать действия люфтваффе и сухопутных сил.

Любопытно, что за день до этого, 22 августа, французский глава делегации переговорщиков в Москве генерал Думенк подготовил проект англо-франко-советского военного соглашения, чтобы представить его русским. Из-за объявления о пакте с Германией проект так и не был представлен. Но статья 3 предполагаемого соглашения, одобренная британским и французским правительствам, звучала следующим образом: «Если будет иметь место нападение на Польшу и Румынию... Франция и Британия начнут немедленные действия всеми своими силами против агрессора». А Слессор писал: «Неопределенный термин „вся поддержка, которая в нашей власти“, на самом деле не значил ничего, потому что не в нашей власти было организовать поддержку».

Как известно, у немцев было только 3600 самолетов, из которых 2600 находились на Польском фронте; около тысячи самолетов было зарезервировано для обороны рейха с воздуха, и очень небольшое количество самолетов было передано Западному фронту.

В действительности это вовсе не удивительно, учитывая взгляды некоторых деятелей, напрямую влиявших на формирование концепции обороны. Мы располагаем свидетельством маршала королевских ВВС лорда Дугласа, который в то время являлся заместителем начальника штаба ВВС. В своих мемуарах он писал, что за все время, что он провел в комитете имперской обороны с Аланом Бруком и адмиралом Рамси, «мы никогда не обсуждали то, что можно назвать принципами или теорией войны, и никогда не претендовали на знание теоретических вопросов. Для нас целью было выиграть войну настолько быстро и экономично, насколько это возможно». Слессор направил личную записку главе штаба королевских ВВС, в которой утверждал: полякам следует сообщить, что они не получают помощи от Британии и Франции. На самом деле, добавил он, немцам не стоит опасаться войны на два фронта, поскольку британцы и французы не в том положении, чтобы сделать что-нибудь полезное.

Чемберлен писал своей сестре: «...я надеюсь не на военную победу – я очень сильно сомневаюсь в ее осуществимости. Я рассчитываю на крах Германии в глубоком тылу. Для этого следует убедить немцев, что они не могут победить... С этой теорией мы должны сверять все свои действия, в свете их возможного влияния на немецкий менталитет. Лично я надеюсь, что мы не начнем бомбить их военные склады и цели в городах...»

Главный маршал авиации сэр Филип Жубер, выражавший интересы бомбардировочной авиации в расцвете ее могущества, утверждает в своих мемуарах, что только «малодушие французского правительства в 1939 году принудило наши бомбардировочные силы к сдержанности, которые иначе могли начать первые уроки в общей теории, которые война не оплачивает».

На самом деле у Гамелена было превосходство в артиллерии примерно восемь к одному.

Из переговоров с британцами: «Генерал Гамелен считал, что чем меньше будет бомбардировок, тем лучше будут перспективы французской победы весной 1940 года» (см. *Strategic Air Offensive*, p. 137).

К началу войны вооруженные силы Польши насчитывали 300 тыс. человек; кроме того, у нее было 50 тыс. офицеров и солдат – обученных резервистов. Однако английский и французский Генеральные штабы не посчитались с этим военным фактором и вычеркнули их из общего расчета баланса сил.

Ранний пример большевистской фобии можно найти в частных и секретных документах британской администрации в Палестине, которые теперь находятся в государственном архиве Израиля.

Все технические и оперативные неудачи в Пёрл-Харборе были естественными последствиями этого неверия, несмотря на очевидные свидетельства подготовки японцев к нападению.